

Нина Зверева
Прямой эфир. В кадре и за кадром

«Прямой эфир: В кадре и за кадром»: Альпина нон-фикшн; Москва; 2012
ISBN 978-5-91671-194-3

Аннотация

История успеха? Книга о профессии? Учебник журналистики? И то, и другое, и третье. Доверительно, искренне и весело рассказывает известная журналистка Нина Зверева о невероятных поворотах судьбы, необыкновенных встречах, общении с коллегами, об интервью с политиками и звездами, о превратностях профессии и неизменной любви к делу и людям. Ей было всего восемь лет, когда она выбрала свою судьбу – и телевидение, и любимого человека. На всю жизнь. Но не бывает побед без промахов, похвал без критики, наград без провалов. Особенно в прямом эфире, который дарит минуты высшего счастья, но не прощает ошибок. А прямой эфир – это и есть настоящее телевидение!

Нина Зверева Прямой эфир. В кадре и за кадром

Редактор Елена Чудинова

Руководитель проекта И. Серёгина

Корректор О. Галкин

Компьютерная верстка Е. Сенцова

Дизайнер обложки С. Тимонов

В книге использованы фото из личного архива Н. Зверевой

© Н. Зверева, 2012

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

Зверева Н.

Прямой эфир: В кадре и за кадром / Нина Зверева; Альпина нон-фикшн, 2012.

ISBN 978-5-9614-2621-2

Обращение к читателям

Прямой эфир – это и есть настоящее телевидение! Кураж и удивительное ощущение разговора с огромной аудиторией, где каждый зритель находится в своем доме, но все они переживают одинаковые эмоции в один и тот же момент!

Впервые я испытала этот восторг и этот страх в возрасте восьми лет, а потом долго и успешно работала в прямом эфире местного и федерального ТВ.

Последние двадцать лет я учитель и тренер, и мне это очень нравится!

Эта книга – неформальный учебник журналистики через конкретный личный опыт конкретного человека. Здесь собраны разные истории из моей журналистской жизни. Конечно, интервью с Арафатом или общение напрямую с королевой Нидерландов – огромная удача, но поверьте, приемные дети Галины и Анатолия Басмановых и эпопея с бабушкой Ниной Васильевной и ее иконой для меня не менее ценные и дорогие воспоминания.

Наша жизнь – это тоже своего рода прямой эфир, который дарит радостные минуты счастья и не прощает ошибок. В этой книге много смешного и грустного.

Я хочу выразить благодарность моим родителям, Нелли Матвеевне и Виталию

Анатолевичу Зверевым, которые всю жизнь (и до сегодняшнего дня!) балуют меня вниманием, нежностью, любовью. Без этого позитивного мощного заряда вряд ли я смогла бы жить так, как живу.

Мне повезло с мужем, так как мы совпадаем во взглядах на этот мир и являемся большими друзьями. Не случайно он стал одним из героев этой книги. У нас прекрасные дети и внуки, мы с ними дорожим каждой секундой нашего общения.

Мне повезло и с командой центра «Практика», людьми надежными, умными и терпеливыми. Мне повезло с другом-оператором, это большая удача!

В последние годы мои ученики – это не только журналисты, но и те люди, которым приходится общаться с журналистами (бизнесмены, топ-менеджеры, чиновники, политики).

Спасибо всем вам – за то, что не позволяете расслабиться и помогаете держать себя в форме!

И еще одна искренняя благодарность – нижегородским журналистам, моим коллегам Наталье Юдиной, Роману Алейнику и Бэле Рубинштейн за поддержку этой книги и чуткое отношение к авторскому тексту.

Как меня нашли на улице

В одном интервью для глянцевого журнала я когда-то опрометчиво сказала, что выбрала профессию уже в восемь лет, и это *редкий* случай.

Теперь я понимаю, что сказала глупость, потому что большое количество людей выбирает профессию (или профессия выбирает их) в самом раннем возрасте, и моя история скорее подтверждает это правило, чем ломает какие-то каноны.

Итак, май 1960 года. В это время мы с мальчишками (девчонок в нашей компании практически не было) бегали за майскими жуками вокруг собственного дома и близлежащих домов. У нас были сачки для ловли бабочек, и мы размахивали ими, иногда специально ловили друг друга, и мне приходилось быть быстрой и внимательной, потому что мальчишки с удовольствием ловили меня сачком, а мне это совсем не нравилось. В кулаке у меня был зажат спичечный коробок, в котором шуршали пойманные жуки, – и это было так радостно и так интересно.

Впереди лето, а значит, Волга и палатки, рыбалка и костер, а потом мы обязательно поедem на юг, где наша мама купит столько фруктов, что мы с братом уже не сможем на них смотреть!

Именно в момент подобных радостных размышлений я уткнулась головой во что-то теплое и круглое. Кто-то держал меня за косичку. На меня смотрели добрые, веселые, умные и лукавые глаза дяденьки, который не только не стеснялся своего круглого животика, но радостно посмеялся вместе со мной над этим казусом. А потом, не отпуская косички, спросил: откуда я такая лихая девчонка, и что я тут делаю? Я показала жуков, сачок и махнула в сторону своих друзей. Дядя Миша (он церемонно представился именно так) тоже махнул рукой куда-то в сторону и сказал, что он работает вон на той вышке, которая называется телевизионной, и ему для нового спектакля очень нужна бойкая черноволосая девочка с толстой косичкой, как у меня.

Я сразу в ответ сообщила ему все сведения, которыми обладала: кто у меня папа и мама, где я живу, а самое главное – мы совсем недавно купили телевизор, и он на весь дом один, поэтому к нам каждый вечер приходит целая толпа, и мама уже не рада новой покупке. Интерес дяди Миши стал еще сильнее. Он уточнил мою родословную и номер квартиры и даже что-то записал в блокнот. А потом сказал мне, что завтра после школы ждет меня в молодежной

редакции «Факел» и вполне возможно, что я смогу получить главную роль в его новом спектакле.

Вечером я прожужжала все уши родителям про дядю Мишу, телевидение и спектакль, но они отнеслись к моему рассказу не слишком серьезно, хотя разрешили мне пойти на студию телевидения (телестудия была в нескольких кварталах от нашего дома). На одном конце улицы Белинского был наш дом, посередине улицы – моя школа, а в конце улицы – телевизионная студия и высокая вышка, которую хорошо было видно из нашего окна.

Телевидение в Нижнем появилось в 1957 году. В ту пору сигнал из Москвы еще не поступал в регионы, поэтому конец 50-х стал золотым временем расцвета местного ТВ. На телевидение пришли люди творческие и яркие из числа тех, кто хотел воплощать свои самые разнообразные идеи и таланты. Таким был Михаил Мараш, который работал в театре актером, а на ТВ стал режиссером, автором и ведущим потрясающих по выдумке и красоте программ для детей и молодежи. Таким был Владимир Блинецов – романтик и поэт, который уже после местного университета поступил на сценарный факультет ВГИКа и блестяще закончил его.

Рогнеда Шабарова, Маргарита Гончарова, Нина Рощина, Олег Лунев, Наталья Скворцова, Наталья Дроздова – всех не перечислишь. Именно эти люди стали моими учителями и наставниками, и многих из них я долгое время звала дядя Миша, дядя Володя, тетя Рона.

Первый приход на телестудию был чрезвычайно неудачным. Дело в том, что меня никто не ждал. Дядя Миша был уверен, что я приду с родителями, которые предварительно ему позвонят. Но в нашей семье был культ самостоятельности: ни мне, ни родителям даже не пришла в голову мысль о совместном походе на телевидение.

Строгий вахтер преградил мне путь. Я уговаривала его, потом заплакала, но уходить не собиралась. На помощь ко мне никто не спешил. Тогда я попросту прошмыгнула в открытую дверь проходной и побежала изо всех сил по коридору главного здания. Вахтер побежал за мной, выкрикивая всякие угрозы.

Так мы и бегали друг за другом по зданию, причем я вопила: «Дядя Миша!» а вахтер кричал: «Девочка, вернись!» Тут же нашлись люди, которые отвели меня к Марашу. Он долго хохотал и извинялся перед вахтером. Потом он повел меня в студию, и я впервые увидела огромный павильон с декорациями, жаркими световыми лампами и пугающими жуками-камерами с толстыми хвостами проводов.

Я трогала деревья, сделанные из картона, шурилась на сильный свет. Сердце мое трепетало от счастья. Меня попросили что-то сказать, потом попрыгать через скакалку, – я делала все, что мне велели, и уже понимала, что хочу остаться здесь навсегда.

Только потом – намного позже – я узнала, что дядя Миша столкнулся со мной на улице как раз после кастинга, который он проводил в соседней школе среди девочек – учениц 2–3 классов. Он выбрал 5 девочек, и все они торжественно пришли с мамами как раз за 2 часа до моего «налета» на телецентр. Одна из них вроде бы даже получила приглашение на съемку на следующий день, но мой энтузиазм и битва с вахтером произвели на Мараша неизгладимое впечатление. Тем более что роль, которую мне предстояло сыграть, предполагала буйный темперамент и чрезвычайную самостоятельность. Согласно роли, главная героиня украла деньги у родителей и пошла покупать все то, чего была лишена: конфеты, игрушки, новые наряды. Это был спектакль в защиту детей, которые имеют право на внимание со стороны родителей. Забавно, что следующей проблемой после утверждения на роль стало мое равнодушие ко всем этим радостям жизни, потому что мои собственные родители растили нас с братом в атмосфере баловства, заботы и полного доверия.

Пять лет подряд я радостно демонстрировала школьным учителям записки от дяди Миши с просьбой отпустить меня на съемки. Я вела программы, участвовала в конкурсах, снималась в

кино. Меня даже узнавали на улицах.

И вдруг однажды телефон замолчал, а на экране появилась другая девочка – новая прима молодежной редакции. Я вступила в период «гадкого утенка», и мне тут же нашли замену. Я до сих пор помню, как выглядела та девочка, как плавно она двигалась, как красиво лежала на плече ее толстая коса. Степень моего отчаяния была по-детски безграничной, но общий оптимизм и радостный характер шептали на ухо: «Ничего, я еще вернусь, я им докажу, я буду работать на телевидении».

Забавно, что именно так и случилось.

Первая любовь

Страшно писать на эту тему: лучшие строки всех писателей и поэтов всех времен и народов уже написаны – именно о ней, о первой любви. Уже написано, как оглушительно стучит сердце, как нестерпимо ноет в груди, как хочется обнять мир или, наоборот, умереть тотчас же. Уже написано про счастье и про несчастье первой любви, и даже про то, что это чувство вполне сопоставимо с болезнью. Что можно прибавить? Только свою историю.

Я влюбилась, когда мне было двенадцать лет, и я вовсе не была к этому готова. Пришла из школы – веселая девчонка с косичками, отличница, любимая дочь любящих родителей, любимая сестра любящего брата. Мой брат старше меня на два с половиной года, его друзья – потенциальные женихи, выбирай на любой вкус. Торчат у нас дома целый день, играют в шахматы, готовят уроки, подкалывают друг друга – мои родители умудрялись всех привечать. В тот вечер парней было особенно много – они готовили школьный КВН. Я пришла домой, когда обсуждение шло бурно, мальчики спорили, сердились. Мама на кухне, улыбаясь воплям из комнаты, готовила ужин, и я немедленно была взята ею в плен в качестве помощницы. Мы быстро нажарили котлеты, я одернула школьную форму, взяла в руки первый попавшийся учебник (он оказался по алгебре) и шагнула в комнату. Никто не обратил на меня внимания. «А у меня задачка не получается!» – сообщила я громко. Мне пришлось эту фразу повторять раз пять, просительно и чуть не плача. Среагировал самый маленький, однако именно он оказался капитаном команды КВН. Он смешно встряхивал челку и упирался руками в бока, чуть откинувшись назад. Он толково объяснил мне решение задачи, которую я знала наизусть. И что-то случилось. Мама сердилась, что я не помогаю накрывать на стол, но увидев мое возбуждение, сразу сказала: «Что, выбрала себе жениха?» И я ответила: «Да. Он капитан команды КВН, и он добрый». Мама слегка удивилась, так как в этой компании были настоящие красавцы, рослые, широкоплечие. Однако после паузы вполне серьезно сказала: «Хороший выбор. Если выходить замуж – то за него».

Однако мой «жених» не воспринимал меня всерьез: три года разницы в таком возрасте – целая пропасть! Я испытала всю горечь несчастной первой любви. Оказалось, что страдать я умею «на полную катушку»: выбегала из трамвая, когда видела похожую полосатую курточку, писала стихи и рвала их, придумывала нелепые поводы, чтобы затащить его в гости. Это был хороший мальчик, он мучился и стеснялся моего чувства. Апогей страданий наступил, когда он получил путевку в «Орленок» и там... влюбился. Я слышала, как мой брат обсуждает с друзьями эту новость.

А потом случилось счастье: моя мудрая мама организовала поход на байдарках с участием всей компании парней и единственной девушки, то есть меня. Я, как любая настрадавшаяся девчонка, добилась всего: сожалений и признаний, комплиментов и подарков, поцелуев и провожаний. И успокоилась, стала обращать внимание на других мальчиков... Короче, чуть не потеряла свою Любовь. Но вовремя опомнилась, слава Богу.

В этом году мы будем праздновать сорок один год со дня свадьбы, у нас трое детей и четыре внуки. И мы до сих пор не надоели друг другу.

Письма Блока

В семье, в которой мне посчастливилось родиться, то и дело возникали невероятные события. Каждое было особенным, но частота появления невероятных событий явно превышала норму. Никогда такого не было, и вот опять! Кажется, именно так однажды выразился Виктор Черномырдин. История с письмами Блока именно из этой серии.

Мой отец был не только единственным ребенком у своих родителей, но и единственным любимым племянником у тети Зои и дяди Левы, а это были необычные люди. Тетя Зоя закончила Бестужевские курсы в Петрограде, преподавала в нижегородском педагогическом институте и была знаменита как интеллектуалка и мудрая советчица.

Она водила дружбу с известными личностями в Москве, Ленинграде, Горьком. Дядя Лева носил фамилию Поливанов, он был сыном основателя московской Поливановской гимназии, где сидел за одной партой с будущим чемпионом мира по шахматам Алехиным.

Всю жизнь он преподавал высшую математику в Горьковском политехническом институте, но мог преподавать и игру на фортепиано, так как посещал курсы в Московской консерватории и играл прекрасно. Он оказался в Горьком исключительно из-за сумасшедшей любви к женщине, которая была на двадцать лет старше его. До последнего своего дня он любил ее и говорил только о ней. Зоя Владимировна Зверева умерла в 1956 году, мне было только четыре года, но я прекрасно помню, как мы с братом боялись ее, особенно когда во время традиционного семейного обеда она басом говорила: «Дети, под стол!»

Может быть, это была шутка, но мы пугались и реально залезали под стол, хотя наша смелая мама пыталась отстоять наше право на свободное поведение.

Сама мама тоже ходила к тете Зое со страхом и позднее рассказывала мне, что тысячу раз давала себе клятву не отвечать на ее жесткие вопросы, но как будто попадала под гипноз и рассказывала все как на исповеди, а потом пугалась и мучилась.

Дядя Лева пережил свою жену на десять лет и каждый день носил цветы на ее могилу. Иногда он заглядывал к нам на обед, приносил шоколадки, но казался совсем другим человеком, что-то в нем навсегда погасло. Он отказывался садиться за инструмент – к великому нашему огорчению. После смерти дяди Левы какие-то странные женщины, которые ухаживали за ним в последние годы, растащили все ценности – картины, книги, драгоценности.

Мои родители никогда не претендовали на наследство и даже не думали об этом.

И все же папе досталась папка с документами и фотографиями, он сразу отдал ее маме, а мама положила в книжный шкаф, на самую нижнюю полку.

Так бы она там и лежала до сих пор, но однажды мама решила устроить генеральную уборку и провозгласила: «Разбираем каждую папку!»

Это случилось в начале лета 1971 года. Мама обнаружила в дяди-Левиной папке какие-то странные пожелтевшие письма, написанные размашистым красивым почерком. Мама прочитала подпись под одним письмом и громко крикнула:

– Нина, срочно иди сюда! Тут для тебя богатство!

Я полетела из кухни в комнату и увидела маму, которая сидела на полу, а вокруг были старые письма. Мы рассмотрели бумагу одного из писем на свет и увидели особые водяные знаки. И красивую подпись под каждым листком: «Преданный Вам Александр Блок». То есть это настоящие письма Блока! Того самого поэта Александра Блока, стихи которого я знала наизусть и очень любила!

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив...

Мама посмотрела мне в глаза и совершенно серьезно сказала:

– Ну вот. Теперь хотя бы понятно, почему ты пошла на филологический!

Дело в том, что в нашей семье все были физиками: отец, мама, брат, муж (мне было 19 лет, но я уже была замужем), но я пошла в гуманитарный вуз, хотя способности к математике и физике у меня всегда были весьма высокими. Я окончила физико-математическую школу с хорошими оценками, но никогда не хотела идти на радиофак или что-нибудь в этом роде. Папа предлагал институт иностранных языков, но мне хотелось туда, где книги, литература, русский язык, – в общем, филологический, и точка!

Далее события стали развиваться с невероятной скоростью. Мама успела рассказать о своей находке всего двум подругам, но уже на следующий день в нашей квартире звенел не переставая телефон – все требовали письма Блока! Звонили строгим голосом из разных газет, журналов и даже уважаемого академического издания «Литературное наследие». Нам объясняли, что эти письма являются всенародным достоянием и надо их немедленно отдать в государственный архив. В некотором смятении я сложила письма в какой-то пакет и пошла советоваться с нашим профессором русской литературы Георгием Васильевичем Красновым. Он пришел сначала в полный восторг, а потом пришел в ярость – как только увидел, как небрежно хранятся письма в моем портфеле. Он приподнимал их пинцетом, а между письмами положил тонкую папиросную бумагу. Затем он строго-настрого наказал мне не общаться ни с кем по телефону, а доверить все переговоры ему одному.

Уже наутро нам позвонили из «Литературной газеты» и сразу сослались на профессора Краснова. Звонила Алла Латынина – редактор рубрики «Архив ЛГ». Она хотела поговорить именно со мной, и я дрожала от страха и нетерпения.

Алла Николаевна спросила:

– Сколько вам лет?

Я гордо ответила:

– Девятнадцать.

Далее она поинтересовалась, на каком курсе я учусь, и выяснила, что я только что окончила первый курс.

Следующий вопрос не застал меня врасплох:

– Как вы оцениваете значение этих писем?

Я сообщила, что уже написала целую статью про Блока и Зою Звереву, где привела самые интересные выдержки из писем.

Алла Николаевна взбодрилась и спросила:

– Сколько у вас получилось?

Этот вопрос тоже не заставил меня долго думать, не менее гордо я ответила:

– Шесть листов!

И тут трубка испуганно затихла. Это было так неожиданно и страшно, что я перестала дышать. Но через паузу вежливый спокойный голос кандидата философских наук Аллы Латыниной (кстати, мамы известной журналистки Юлии Латыниной) уточнил:

– Ниночка, вы имеете в виду печатные листы или листы, напечатанные на машинке?

Я понятия не имела, что такое «печатный лист», и только по приезду в Москву узнала, что

это 24 обычные страницы машинописного текста. Было от чего удивиться! Далее все было как во сне: я надела самый красивый мамин трикотажный костюм, сделала прическу, села на поезд, приехала, попала под дождь, долго искала здание «Литературки» на Цветном бульваре, нашла, сообщила каждому встречному о том, что у меня в сумке настоящие письма Блока, после чего одним из сотрудников редакции была отконвоирована в кабинет Аллы Николаевны.

Он привел меня и сказал:

– Алла, тут к тебе приехала милая девушка из провинции.

Улыбнулся – и скрылся.

Алла Латынина напоила меня чаем и даже хотела накормить, но у меня именно в этот день начался страшный токсикоз – я была беременна первым ребенком, поэтому с испугом отказывалась от еды.

Мне казался сумасшедшим тот мир, в который я попала, – у Аллы Николаевны в кабинете сидела подруга и ныла о том, что за ней ухаживает Евгений Евтушенко, но он ей так надоед, так надоед... Я знала все стихи Евтушенко наизусть и готова была бежать на его концерт на край земли. Фифа в кабинете разбила мои иллюзии в один миг, почему-то я ей сразу поверила. В зеркале я видела свое отражение – мокрая курица в костюме с чужого плеча, да еще и с токсикозом.

Но уже на следующее утро мир стал другим – Алла Латынина мудро руководила моими поездками по Москве, я познакомилась с Андреем Турковым, побывала в архиве, где нашлись письма Зои Зверевой к Блоку, и переписка, как говорят, воссоединилась.

Я уже бегом пересекала Цветной бульвар и наслаждалась общением с сотрудниками легендарной «Литературки», они тоже меня приняли в качестве «дочери полка» и, кажется, давно догадались, почему я пролетала мимо буфета на шестом этаже с видом мученицы. Когда материал был готов, Алла Латынина спросила меня, на какой гонорар я рассчитываю. Мысль о том, что мне еще и заплатят за такую невероятную поездку, меня потрясла. Я что-то промямлила и стала ждать выхода газеты.

Моя статья занимала целый разворот, на котором были фотографии Зои Владимировны, и Александра Блока и даже вступление от имени «Архива ЛГ», в котором Алла Латынина рассказывала об истории находки и немного обо мне как о новом авторе.

Самым интересным в переписке поэта и бестужевки был тот факт, что Блок помогал через Зою Звереву политическим заключенным. Не менее важным оказалось подробное описание трагических событий, связанных со смертью младенца, которого родила Любовь Дмитриевна Менделеева. Блок признал этого ребенка, но судьба распорядилась иначе: он сам похоронил этого мальчика через тринадцать дней после рождения.

Помните его: «Когда под заступом холодным...» Это стихотворение было написано в тот же день, когда Блок написал Зверевой подряд несколько писем. Считалось, что он никому не писал в это тяжелое время. Оказалось, ей он доверял по-настоящему. Он даже на своей визитке написал: «Уважаемая Зоя Владимировна! Я не застал Вас сейчас, и очень жалею об этом, потому что есть вещи, которые я могу рассказать только Вам...» Блоковеды, с которыми я познакомилась в Москве и в Питере (туда я ездила на встречу с Владимиром Орловым), в один голос уверяли меня, что эта дружба – единственная в своем роде, так как у Блока было много любовниц, а вот женщины-друга в его жизни не было. Оказалось, была такая женщина. Ай да двоюродная моя бабушка!

Публикация, да еще такая объемная, сделала меня абсолютно счастливой. Но самое главное случилось через три дня – мне позвонил Владимир Блинецов из редакции «Факел» Горьковского телевидения и пригласил рассказать о находке в прямом эфире. Я слушала голос, знакомый с детства, и не знала, что сказать. К тому же мой животик уже округлился, и я

стеснялась показаться в эфире в таком виде.

Но Блинецов настаивал, и я пошла на студию. Пропуск был заказан, меня ждали. В редакции, как и всегда, было полно людей, все суеились, разговаривали одновременно. Но когда я вошла, наступило молчание, и вдруг Мараш тихо спросил:

– Нинка?

И уже более уверенно:

– Ты – Нинка Зверева?

Я только кивнула. Далее все хором говорили о том, что я должна написать сценарий сама, что я должна проявить свою телевизионную детскую закалку, меня щупали, спрашивали о муже, о родителях, об учебе. Потом, насытившись, все вернулись к своим делам, а мудрый Блинецов стал заново учить меня телевизионной науке.

В прямом эфире вместо положенных 15 минут я проговорила целых 45 минут, то есть заняла все эфирное время, два других сюжета пришлось снять с эфира.

Но это был настоящий успех. После эфира ко мне подошли операторы, звукорежиссер и его ассистенты, технические работники. Все поздравляли, хвалили, говорили, что у меня особый дар телеведущей.

Я с трепетом ждала, когда с высокого пульта в студию спустятся Блинецов и Шабарова – мои телевизионные «родители». Они не были так эмоциональны, пожурили меня за многословность, и все же произнесли заветные слова:

– Ты – наша, Нина. Ты должна быть в эфире!

А еще через неделю мне по почте пришел баснословный гонорар с поздравительной запиской от Аллы Латыниной.

Так Зоя Владимировна Зверева властной рукой вмешалась в мою жизнь и повернула ее в нужную сторону.

Первое задание

Несмотря на то, что работать на телевидении я начала еще в восемь лет, попасть в штат после окончания нижегородского университета было достаточно сложно. Во-первых, вакансии случались чрезвычайно редко, а в молодежной редакции «Факел», в которую я стремилась попасть и где вроде были не против меня взять, каждый человек работал годами, и никто не собирался уходить. Вне штата в качестве автора или приглашенной ведущей – пожалуйста. А вот в штат – это совсем другой вопрос.

Вторым барьером была я сама по себе, как неподходящий для идеологической работы субъект. Во-первых, женщина (предпочтение отдавалось мужчинам, и до сих пор так же). Во-вторых, мать двоих маленьких детей, то есть будут больничные и бесконечные отлучки домой. В-третьих, моя непонятная национальность (мама у меня еврейка, папа – русский). Прибавьте сюда мою абсолютную беспартийность и искренность, которая смущала серьезных людей, а особенно руководителей советского телевидения. Я могла в прямом эфире студенческой программы «Потенциал» сообщить что-нибудь положительное про границу или возмутиться тем фактом, что студентов вместо учебы посылают на картошку.

Опасно брать на работу такого человека. Но мне повезло. Во-первых, совершенно неожиданно освободилось место редактора молодежных программ, так как Валентина Арюкова безумно влюбилась в режиссера и уехала с ним на Север от всех соперниц. Во-вторых, за меня ходатайствовала могущественная Рогнеда Шабарова, которая была одним из родоначальников Горьковского ТВ, а к 1975 году, когда я окончила университет, уже работала директором Горьковского телевидения. Спустя много лет я узнала, сколько порогов ей пришлось обить в

обкоме партии и в других инстанциях, чтобы доказать мое право на профессию.

И вот 30 сентября 1975 года, невзирая на мамину мечту об аспирантуре, с красным дипломом наперевес я шагнула в любимую редакцию «Факел» уже как равная. У меня появился стол, телефон и первое задание. Оно было ужасным! Была такая программа, которая называлась «Молодежный меридиан». Это была хорошая советская комсомольско-партийная пропаганда во славу ударников коммунистического труда. Мне поручили поехать на ударную комсомольскую стройку в город Богородск. Там, в 100 километрах от Нижнего, при помощи ударных комсомольских бригад строился новый завод хромовых кож.

Так сложилось в моей жизни, что я никогда не была ни на заводах, ни на стройках и плохо отличала рожь от пшеницы. Университетский дом, компания интеллектуалов, из увлечений – туризм, альпинизм, книги, поэзия. В общем, другая жизнь. Мне выделили хорошего кинооператора Виктора Тернового, и мы поехали на «козlike» (так называли ГАЗ-69, это была самая распространенная машина на Горьковском телевидении). Именно тогда я усвоила правильную привычку по дороге на съемки заправлять машину бензином, а оператора пивом. А для себя – обязательная остановка около районного универмага, где по недосмотру сельских покупателей иногда можно было купить интересные импортные вещи.

Часа через два мы прибыли на стройку, где нас никто не ждал. В результате я поступила грамотно. То есть начала отражать действительность именно такой, какой ее обнаружила. Я не знала, что принято найти главного начальника и взять его в гиды. К начальнику я пришла потом, после окончания съемок с одним-единственным вопросом: почему стройка называется ударной комсомольской, если за три часа съемок мы не обнаружили ни одного человека моложе 40 лет? Начальник занервничал и наутро позвонил в редакцию.

Затем меня водили к Шабаровой, и даже к великому Громову (председателю Комитета по телевидению и радиовещанию). Мое по-детски наивное удивление по поводу статуса стройки и тех реальных событий, которые я запечатлела на камеру, вызвали у Громова неожиданную реакцию – он разрешил выпустить программу в эфир практически без изменений. До сих пор не знаю, советовался ли он со своими кураторами из обкома партии или взял и рискнул, но я вышла в прямой эфир и в своем стиле радостно-искреннего монолога поведала зрителю о великом обмане и странных делах, которые творятся в Богородске. У меня были документальные съемки с курящими полупьяными и очень взрослыми людьми (как позднее выяснилось, это были зэки, находящиеся на «химии».) Представляю, как им было весело отвечать на мои вопросы про комсомольский энтузиазм. Сам завод меня тоже поразил и размахом, и полным невниманием к здоровью и безопасности рабочих. Завод хромовых кож – это настоящий химический комбинат, вредное и тяжелое производство.

Если говорить серьезно, я увидела жизнь с той стороны, о существовании которой не предполагала. После эфира было странное затишье. Меня никто не поздравлял и большинство глядели на меня как на человека, которого то ли сегодня, то ли завтра обязательно уволят. Все понимали, что смелость программы обусловлена наивностью и неопытностью. Но случилось чудо – «телезрители» из обкома партии не только одобрили программу, но и провели специальное совещание с использованием моего материала и лишили стройку статуса ударной и комсомольской.

Надо признать, что в течение последующих лет мне редко удавалось сделать что-то подобное. Я рассказывала о хороших людях, и только спустя три года подготовила проблемную программу «Круглый стол вокруг станка», которая опять же неожиданно для автора и для редакции стала событием на Всесоюзном фестивале молодежных программ (заняла второе место).

Теперь, с высоты прожитых лет, я понимаю, что первая вылазка на Богородский завод

стала замечательным учебным пособием для меня самой и той планкой, к которой я потом сама тянулась – с переменным успехом.

Тетя Зина

На самом деле никакая она мне не тетя. Она сама, смеясь, представляла меня своим друзьям и говорила:

– Это моя племянница, – и далее после паузы добавляла с улыбкой: – племянница по подруге.

Мои родители познакомились с тетей Зиной и ее подругой тетей Шурой во время удивительного путешествия по Енисею – от Красноярска до острова Диксон. Был такой маршрут в советские времена. Ходили по нему всего два теплохода, и билеты стоили очень дорого. Но интеллигенция (прежде всего питерская и московская) готова была платить деньги, чтобы увидеть Красноярские Столбы, Дудинку и вечную мерзлоту, город Норильск и проплыть по Северному Ледовитому океану до Диксона. А если повезет, то можно было застать настоящее полярное сияние (это была мечта моей мамы!).

Мне было в ту пору 10 лет, моему брату 12. Из детей только мы с братом были на трехпалубном теплоходе «Александр Матросов», потому что детский билет продавался по цене взрослого. Я до сих пор помню, с каким трепетом и смущением мама произносила это словосочетание: «тысяча рублей». Именно столько стоили наши путевки на четверых, а зарабатывал в семье в основном папа, и, значит, надо было целый год откладывать и экономить. Но это был стиль нашей семьи – копить на путешествия, потому что родители были уверены, что именно впечатления от красоты окружающего мира – главная ценность прожитой жизни. А поскольку без нас они путешествовать не хотели, им легче было заплатить.

Тетя Зина была к тому времени доктором наук, известным химиком. Ей было чуть больше сорока, а тете Шуре, физику-теоретику, кандидату наук, также коренной москвичке – около пятидесяти (в молодости она была женой того самого Аджубея, который затем был зятем Хрущева).

Моя мама всю жизнь тянулась к интересным людям и готова была отдать все что угодно за яркое общение. Это был именно такой случай.

Москвички Зина и Шура были самостоятельны, слегка высокомерны и первые несколько дней не обращали внимания на нашу веселую семейку. Тем более что обе были бездетны, и шумные дети их, конечно, раздражали.

А потом они неожиданно сошлись с моими родителями на почве любви к фотографии. Прямо около теплохода во льдах ныряли нерпы и тюлени. Мой папа ловко успевал зафиксировать усатые морды с рыбой в зубах, а москвички никак не поспевали. Было столько хохота и восторга. Постепенно нас стало шестеро.

Помню незабываемый момент, когда именно мне довелось вручать капитану корабля символический ключ от Полярного круга. Еще помню, как однажды к нашему теплоходу подплыли на лодках местные жители, и они уговаривали моих родителей посмотреть ненецкий поселок, они поплыли. Молодой парень залез на палубу и как-то очень быстро и легко посадил в лодку несколько человек, включая меня, причем родителей рядом не было.

Как потом выяснилось, аборигены украли нас с палубы теплохода именно затем, чтобы следом в их поселке образовалась толпа туристов, которым можно было бы всучить сувениры и оленьи шкуры в обмен на живые деньги или водку.

После путешествия по Енисею моя мама всегда останавливалась в Москве у тети Зины, которая жила вдвоем со своей мамой Ритой Александровной. Жизнь эта, как я сейчас понимаю,

была нелегкой. Рита Александровна была капризной, вечно болела, контролировала каждый шаг своей взрослой дочери. Так что вырваться в командировку или в туристическую поездку ей было практически невозможно.

Тете Зине было под семьдесят, когда умерла ее мама. И можно сказать, что всю свою сознательную жизнь она не была свободной, несмотря на отсутствие детей.

Что касается мужчин, то и тут у нее не сложилось. Любимый парень ушел на войну, вернулся инвалидом, после чего физиологически не мог жениться и иметь детей. Эта безумная ситуация изматывала обоих. Они встречались, расставались и в результате так и прожили всю жизнь в разных квартирах, перезваниваясь каждый день и ревнуя друг друга до полусмерти.

Она стала автором мирового открытия в области химии, имела много учеников. Ее очень ценили в институте органической химии, где она проработала более пятидесяти лет.

Но ее жених также не терял времени, он стал знаменитым директором музея Пушкина в Москве (не изобразительных искусств имени Пушкина, а самого поэта Пушкина!), много ездил по миру и всегда привозил ей подарки. Под конец жизни тетя Зина сидела возле его постели и целовала ему руки.

Со мной получилось так, что тетя Зина и ее московская квартира с молодости стали особым центром влияния на меня и мою жизненную философию.

Она плохо реагировала на мое естественное желание побегать по магазинам, купить что-то новое для детей и мужа. Она считала, что в Москве есть много объектов, более достойных внимания, чем ГУМ, ЦУМ и «Детский мир».

Она водила меня в Третьяковку и в музей Александра Сергеевича Пушкина, где проходили чудесные литературные вечера.

Она отправила меня на знаменитую «бульдозерную» выставку, которая проходила на ВДНХ. Так я узнала, что есть художники, которых запрещают, и искусство, которое мне очень нравится.

Каждый раз она встречала меня в Москве свежим анекдотом и радостно рассказывала его мне, а я старалась запомнить.

Дело в том, что ее анекдоты имели глубокий смысл. Не случайно до сих пор я рассказываю их на своих тренингах по красноречию – к полному восторгу слушателей. Например, «анекдот про английскую королеву».

Он звучал так:

Однажды королева Англии в большом волнении вызвала «на ковер» своего первого министра и сказала ему:

– Милорд, правда ли, что вчера за партией в вист Вы сказали, что нет ни одной женщины в мире, которую нельзя было бы купить за деньги?

– Да, Ваше Величество.

– Это означает, что за деньги можно купить даже меня, королеву Англии?

– Да, Ваше Величество.

– *(в большом гневе)* И сколько же, по-вашему, может стоить королева Англии?

– Пятьсот тысяч фунтов стерлингов, Ваше Величество.

– *(в жутком гневе)* Пятьсот тысяч? За меня, королеву Англии?

– Вот Вы уже и торгуетесь... *(Занавес.)*

Тетя Зина рассказала мне про Сахарова еще задолго до его ссылки в Нижний Новгород, и это стало нашей общей тайной, так как мой папа не одобрял ученых, которые идут в политику.

Тетя Зина придирчиво относилась к моим первым опытам на телевидении и делала именно те замечания, которые заставляли меня сомневаться в себе и больше готовиться.

– Почему ты думаешь, что именно ты имеешь право общаться с людьми, а не кто-то

другой? – спрашивала она меня, и в глазах плясали веселые чертики.

А я сердилась, дулась, пыталась доказать свою состоятельность. Но уже при следующем выходе в эфир сама себя спрашивала: «А почему это делаю я, а не кто-то другой, более умный, более талантливый?»

Я старалась всех своих новых друзей привести в дом к тете Зине.

На ее кухне сидели Явлинский, Немцов, Любимов и многие другие. Ей мог позвонить Сагалаев и спросить:

– Тетя Зина, что вы думаете по такому-то поводу?

Сразу после разговора она звонила мне, хохотала в трубку и очень гордилась, что он помнит телефон и называет ее точно так, как называли все мои друзья: «тетя Зина».

Вместе с тетей Шурой они были на моей свадьбе. Подарили нам с Вовой чудесные белые чашки, как символ будущего процветания. Я помню, как сильно переживала, когда разбилась последняя «тети-Зинина» чашка, и почти не удивилась, когда в наследство от нее по завещанию получила прекрасный кузнецовский сервиз, который не имеет цены.

Много лет я приходила в этот московский дом с пакетом вкусной еды и обязательным букетом цветов. Мы с первой секунды начинали суматошно и радостно готовить застолье и с криком «У-у-у, как вкусно!» поглощали все что угодно. И это было действительно вкусно, хотя те же самые продукты в другом месте и в другой компании показались бы вполне обычными.

Не только я, но и мои дети, а затем члены моей команды частенько ночевали в этой двухкомнатной квартире на улице Новоалексеевской на раскладушках и матрасах, иногда просыпаясь ночью от болезненного кашля Риты Александровны.

Я помню, как тетя Зина водила нас с моим юным женихом Володей в настоящий ресторан. Она заставила нас выбирать любую еду, закрыв ладошкой цену в правом ряду. Я помню тот счет за обед. Он стоил 13 рублей. И помню наше с Вовой смущение, так как это было в ту пору очень дорого.

Кем она была для меня? Другом? Нет, потому что общение было не на равных. Наставником, учителем? Тоже нет. Потому что у меня были другие наставники и другие учителя. Она любила меня так сильно, как может любить женщина, обделенная материнством. И я любила ее. И нуждалась в ней. Не знаю, существует ли на свете определение для такой долгой дружбы и такого редкого по взаимному интересу и доверию общения.

Мы были в Индии, где я выдавала старшую дочь Нелю замуж, когда мне позвонили и сообщили, что тетя Зина умерла, не дожив трех месяцев до своего 85-летия, к которому мы с ней готовились заранее и даже купили красивый брючный костюм. Она знала, что умирает, и последние ее слова перед моим отъездом в Индию, которые я помню, были такие:

– Я устала, Ниночек, но все равно так хочется жить!

Я знаю, что, пока я буду жить, у меня в ушах будет звенеть ее голос и имя, которым только она называла меня в течение сорока лет нашей дружбы:

– Как дела, Ниночек? Тебя так долго нет в Москве...

Превратности судьбы таковы, что сейчас я в Москве нахожусь гораздо дольше, чем раньше. У меня в Москве квартира. И много друзей.

Но я стараюсь не бывать в районе станции метро «Алексеевская», где стоит ее дом и горит свет в ее окнах.

«Факел»

Казалось бы, я так рано пришла на телевидение, что к моменту окончания университета уже имела имя, узнаваемость и могла легко написать сценарий и сюжета, и репортажа, и

ток-шоу в прямом эфире. Чему мне надо было учиться? Оказалось – всему. До начала серьезной работы в качестве штатного сотрудника телевидение было для меня кружком, забавой, сказкой. Но как только я стала членом команды молодежной редакции «Факел», жизнь круто изменилась.

Мне стало казаться, что те же самые люди, которые так любили меня еще вчера, вдруг в один прекрасный момент потеряли ко мне уважение и симпатию. Я напоминала себе того самого слоненка из сказки Киплинга, у которого еще не вырос хобот и на которого с разных сторон ворчали взрослые жители джунглей, все время воспитывали и не давали передохнуть ни на секунду.

Каждый день я делала что-нибудь не то. То неправильно одевалась, то слишком много говорила, то писала сценарий не по той теме, которую обсуждали на редакционном совете. То теряла драгоценные фотографии из архива замечательного режиссера Мараша и потом искала их до потери сознания (даже если они оказывались у кого-то другого, я все равно чувствовала себя виноватой). Помню, как режиссер Маргарита Гончарова безнадежно пыталась научить меня красивой походке, так как в студии мне приходилось переходить от столика к столику, и я часто делала это весьма неловко. А редактор Наталья Михайловна Дроздова тыкала меня носом в очередные неточности исторического, географического и прочего характера, так как сама обладала исключительной памятью на даты, имена и была очень внимательной к каждому слову. Когда я после прямого эфира бежала за комплиментами в режиссерскую рубку, где сидел главный редактор «Факела» Владимир Блинецов (а рядом с ним почти вся редакция), то каждый раз получала весьма нелестный отзыв о прошедшем эфире.

Мне казалось, что я никогда не смогу угодить этим чудесным, веселым и ярким личностям, которых собрала когда-то вокруг себя замечательный организатор, позднее – руководитель Горьковской студии телевидения Рогнеда Александровна Шабарова.

Даже такой момент. Когда редакция «Факел» заказала фотографа для съемок группового портрета, меня не было в студии. Наталья Скворцова уговорила меня пойти в студенческую столовку пообедать и отдохнуть от нашего плохого студийного буфета. Она убедила меня, что мы успеем вернуться в студию вовремя, но фотограф пришел раньше времени и отказался ждать. В результате во всех книгах о Горьковском телевидении редакция «Факел» существует без меня, как будто меня там и не было. Но это, конечно, мелочи.

С высоты нынешних лет я точно знаю, что редакция «Факел» Горьковского телевидения – огромная удача в моей биографии. Я знаю, что меня там очень любили, воспринимали как свою дочку, свою воспитанницу. А критиковали больше других именно потому, что любили больше других. Помню, однажды я в очередной раз сотворила опасную глупость, притащив в редакцию запрещенную книгу академика Сахарова о конвергенции «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и устроив публичное чтение. Это было в 70-е годы, когда одно упоминание подобной книги или любого другого самиздата приравнивалось к уголовному преступлению и наказывалось реальными сроками. Именно в то время возникли пермские и мордовские лагеря для политических. Двое наших земляков – студенты Сергей Пономарев и Владимир Жильцов – попали в эти лагеря исключительно за то, что переписывали от руки эту книгу Сахарова.

Меня слушали с интересом и в полном молчании. Вдруг я что-то почувствовала, и подняла глаза на Рогнеду Александровну Шабарову. Мне трудно передать тот ужас, который застыл в ее глазах. Она тихо встала и вышла из комнаты. Я поплелась следом. За закрытой дверью своего кабинета она шепотом сказала мне, что я только что подставила лично ее и всю редакцию. Она сказала, что среди слушавших меня вряд ли найдется человек, который доложит о случившемся «кому следует», но все равно никто не может поручиться полностью даже за

себя самого. Тогда все обошлось, но с того момента я стала более осторожной в речах и поступках.

Навсегда со мной останутся воспоминания о Владимире Сергеевиче Близнецеве. Он собирал нас всех после рабочего дня в своем маленьком кабинете для того, чтобы прочитать вслух какой-нибудь рассказ или очерк из толстых журналов – «Нового мира», «Дружбы народов» или «Иностранной литературы». Он закончил сценарный факультет ВГИКа уже после того, как пришел на телевидение. Вместе с Михаилом Марашом они составляли элитную телевизионную бригаду. Близнецов писал точные слова, а Мараш находил изумительные картинки и музыкальные фразы, в результате чего получалось что-то абсолютно свежее, оригинальное и очень телевизионное.

Мы считали тогда нормальным, если сценарий возвращался к нам на переделку пять-шесть раз (до того, как мы приступали к съемкам). Мы считали нормальным, если автор репортажа на рейсовых автобусах добирался до своих героев для того, чтобы познакомиться, поговорить, собрать информацию, а затем уже написать сценарий и только после его утверждения получить съемочную бригаду.

Технология работы в молодежной редакции «Факел» соблюдалась жестко и неумолимо. При этом каждый участник команды всегда был в курсе общих дел, планов и новых проектов. Достаточно часто после посиделок у Близнецева кто-то из наших молодых парней-ассистентов бежал в ближайший магазин за бутылкой водки (это называлось «сбегать к Дусе»), а закуской служил черный хлеб с солью. Это был легкий допинг, если учесть, что бутылка разливалась на 15–20 человек и никто никогда не бежал за следующей. Мы садились и пели песни. К счастью, многие люди в редакции умели хорошо петь – сам Близнецов, Нина Рощина, Маргарита Гончарова, Елена Шляхтич. Они заводили, а мы тихо подмурлыкивали. Прежде всего Окуджаву, а потом наши редакционные песни, которые лихо сочинялись тем же Марашом и тем же Близнецевым.

До сих пор я иногда цитирую своим ученикам строки из наших веселых песен:

Вдохновение, как скисший кефир.
Мы дрожим, словно ломтики студня.
Через час мы выходим в эфир,
Через два нас уволят со студии...

Или:

Нет у нас ни машин и ни дач,
Не хватает порой эрудиции.
Мы творцы молодых передач
С пожилыми суровыми лицами.

А почему редакция называлась «Факел»? Так придумали наши отцы-основатели. Они нарисовали заставку, которая напоминала олимпийский огонь, и зрителями в городе Горьком эта заставка долгие годы воспринималась как знак качества.

Мне повезло – я работала в «Факеле». Достаточно долго – внештатно с восьми лет и до двадцати одного, а затем в штате – целых семь лет до момента, когда в двадцать восемь лет я ушла в декрет рожать сына. Потом меня перевели старшим редактором общественно-политической редакции, где мне уже самой надо было создавать коллектив, ставить новые проекты, выстраивать отношения с властью.

Спасибо «Факелу» – я была к этому готова.

Сагалаев

Первый раз я увидела его во время своей первой учебы в Москве. Мне было всего двадцать четыре года, а курсы в Москве были организованы только для главных редакторов, а я была самым-самым младшим редактором молодежной редакции «Факел». Но Наталья Михайловна Дроздова, которая должна была поехать в Москву на учебу, ждала второго ребенка, когда первому уже было более десяти, и поехать в Москву она не могла, как говорится, по состоянию здоровья.

Так я оказалась первой в списке, и уже на следующий день в Москве чувствовала себя лишним звеном в спянной компании комсомольских лидеров – уважаемых руководителей молодежных редакций из Питера, Ташкента, Риги, Красноярска и так далее. Я люблю учиться. Оставив на мужа двух маленьких девочек, я с полным энтузиазмом и восторгом посещала все лекции и все семинары на Шаболовке. Я старалась изо всех сил быть первой в учебе, так как в неформальном общении по вечерам в общежитии на улице Вавилова у меня не было никаких шансов хоть как-то обратить на себя внимание лидеров молодежного вещания страны под названием СССР.

Было много смешного. Например, восточный парень по имени Мансур (не помню, из какой республики) на третий день учебы подошел ко мне с конкретным предложением, которое звучало крайне непристойно:

– Слушай, у меня уже три дня нет женщины. Сегодня вечером я варю плов, и ты остаешься со мной.

Вариантов отрицательного ответа предусмотрено не было, поэтому я сбежала к тете Зине и жила у нее целую неделю, дрожа от страха. И она очень веселилась по этому поводу.

Но речь не про меня, а про видение, которое возникло перед нами через две недели учебы, когда нас привезли в «Останкино» в молодежную редакцию ЦТ. Видение было кудрявым, веселым, одевалось в клетчатые штаны и носило фамилию Сагалаев. Я не совру, если скажу, что это имя было у всех на устах в то время в «Останкино». Шел 1976 год, и страна погрузилась в глубокий застой, но было несколько «форточек» (в том числе «Литературная газета» и молодежная редакция Центрального телевидения), которые могли себе позволить иронию, юмор и даже сатиру.

В программе нашего обучения была экскурсия по «Останкино» и встреча с молодежной редакцией ЦТ, ради которой приехали многие мои коллеги. В то время одной из самых популярных программ была программа «Адреса молодых», и заветной мечтой регионалов было попасть в эту программу. Помню, мы приехали в «Останкино», покрутились по всем нескончаемым коридорам, подивились на студии и монтажные, а затем нас отвели в кинозал. И мы стали с нетерпением ждать Сагалаева.

Это был тот момент, когда каждый из участников семинара должен был представить на суд московского жюри свою собственную работу, и нас специально просили в письмах привезти работы для показа и обсуждения.

Я была всю жизнь примерной ученицей и даже не думала, что можно приехать «пустой», поэтому взяла последнюю эфирную работу. Это была программа о разводах и о любви из цикла «Точка зрения», продолжалась она целых 54 минуты, там было много постановок с участием актеров, много экспертов и была одна главная мысль: «Развод гораздо более серьезный шаг, чем женитьба, и последствия развода всегда непредсказуемы». Вела нашу программу миловидная женщина-юрист. Там было много пафоса, но в целом мы с режиссером Михаилом

Марашом вложили в эту программу много души, искренности и сочувствия.

Сагалаев пришел через десять минут после назначенного срока и сразу перешел к делу.

– Давайте смотреть работы.

Тут-то и выяснилось, что работа есть только одна, то есть моя. А другие люди вежливо старались объяснить «объективные» причины, по которым они не привезли видеозаписи. К слову сказать, работали мы тогда на монтажных аппаратах из Новосибирска под названием «Кадр», видеолента была широкой, тяжелой. Монтировали ее при помощи ножниц и скотча, и мой груз на 54 минуты составлял не менее десяти килограммов. Это был тот самый момент в моей жизни, когда я ощущала тяжесть каждой эфирной минуты в прямом смысле этого слова.

– Ну, и кто первый? – весело спросил кудрявый парень в клетчатых штанах.

Молчание было ему ответом. Наш куратор Галина Никулина растерялась и поглядела на меня. Я не хотела быть первой. За предыдущие две недели учебы я уже хорошо поняла, что моя программа состоит из одних ошибок и лучше бы ее никогда не показывать ни зрителям, ни друзьям. Лучше забыть о том, что я делала раньше, и начать работать по-новому. Но все взоры сошлись на мне, и Сагалаев, который было приуныл, радостно спросил:

– Сколько минут? О чем программа?

Я ответила, что о разводах, и занимает она 54 минуты эфирного времени. Другие члены группы начали активно предлагать Сагалаеву устные рассказы о своих эфирных победах, но он был тверд и последователен. Он сказал:

– Нет ничего более скучного, чем рассказы о телевизионных программах. Если вы их не привезли, значит, они совсем не так хороши, как вам хочется думать.

Можете себе представить, как относились ко мне и к моему бенефису участники группы после такого резюме! Тяжелая пауза, полная тишина. И вот уже на экране возникают первые титры и первые кадры моей нижегородской программы.

Я всегда говорю своим ученикам, что важный момент учебы – это просмотр своей работы глазами других людей. Но это очень тяжелый урок.

Никогда не забуду просмотр программы «Точка зрения» в «Останкино» в 1976 году, потому что это был провал, позор, несчастье моей жизни. Уже на пятой минуте просмотра люди начали посмеиваться, перекидываться репликами. Я понимала, что они правы, что синхроны тяжеловесны, постановки примитивны, а призывы пафосны и бессмысленны. Я готова была отдать полжизни за то, чтобы программа закончилась раньше, или за то, чтобы пленка вдруг перестала крутиться. Но попытка продолжалась, люди откровенно веселились, Сагалаев молчал, и эти 54 минуты показались вечностью.

Прошли последние титры, включили свет. Сагалаев спросил зал:

– Как ваше впечатление?

Мои одноклассники, которые годились мне в отцы и матери и на протяжении двух недель учебы демонстрировали свою симпатию, не скрывали скепсиса и ехидства, радостно указывая на проколы в программе. Сагалаев слушал, ничего не говорил, что-то записывал в блокноте. Я сидела как мертвая. Казалось, уже ничто не может возродить во мне жизнь – настолько было больно, и ощущение позора поселилось в душе, не давало дышать, двигаться, думать. Я мечтала только об одном – чтобы поскорее все закончилось. Это было как стриптиз поневоле. Тебя раздели, а теперь еще и обсуждают.

Когда высказались все участники семинара, Сагалаев весело и ободряюще поглядел в мою сторону и сказал:

– Вы знаете, я согласен со всем сказанным, но у меня остался только один вопрос, вернее два вопроса. Первый: почему вы не привезли свои работы? Не потому ли, что не хотели стать предметом обсуждения в профессиональной среде?

Он сделал паузу, а затем заметил:

– Молчание – знак согласия. А теперь второй вопрос, совершенно конкретный: поднимите руки, кто в арсенале молодежной редакции имеет проекты о любви и разводе? Кто? Поднимите руки!

Не было ни одной руки. И тогда он сказал:

– Самое смешное, что я согласен со всеми вашими замечаниями в адрес показанной программы, но в данной ситуации я считаю, что мы должны наградить аплодисментами тех людей, которые поднимают человеческие темы и не боятся выносить свои работы на суд профессионалов. Только такие люди могут добиться успеха.

Он зааплодировал, кто-то похлопал ему в такт. Я готова была провалиться от стыда и от счастья. Такое тоже бывает.

Ровно через два года именно Сагалаев потребовал, чтобы моя программа «Круглый стол вокруг станка» на Всесоюзном фестивале молодежных программ была переведена из разряда внеконкурсного просмотра в разряд конкурсных программ. И я тогда получила звание лауреата Всесоюзного фестиваля молодежных программ, а мне было всего двадцать шесть лет.

Меня позвали работать на ЦТ, и Сагалаев даже добился выделения квартиры в Москве, что было невозможно. Я отказалась и до сих пор не знаю, правильный ли это был поступок. Я испугалась за свою семью, так как точно понимала, что я не умею жить так, как живут москвичи. И еще мне очень не хотелось разочаровывать своего любимого нижегородского зрителя.

Я стала собственным корреспондентом молодежной редакции Центрального телевидения. И привычно ездила в Москву два-три раза в месяц, показывая свои программы, сюжеты и получая то оплеуху, то комплимент.

Эдуард Сагалаев стал моим творческим идиолом, учителем, другом. Его замечания, его веселая ирония были эликсиром жизни. И когда он позвал меня в 1985 году на работу в качестве корреспондента Всемирного фестиваля молодежи и студентов, я была на седьмом небе от счастья!

Я жила у тети Зины, но ночевала у нее в квартире две-три ночи за две недели, не больше. Остальное время – съемки, монтаж, снова съемки, снова монтаж. Ночные бдения в коридорах «Останкино», где я постоянно блуждала, как герой фильма «Чародеи». Я точно знала, что хочу поразить и порадовать именно Сагалаева. И мне это никак не удавалось. Более того, через три дня после начала работы я была на грани увольнения, так как привезла 45 минут рабочего материала, а сюжет должен был выйти в эфир через два часа. Дело в том, что я впервые в жизни работала не с киноплёнкой, а с видеокамерой, и мы с питерским оператором сошли с ума от радости, что можем снимать все что хотим! Сагалаев прилюдно, не глядя мне в глаза, взял кассету Betacam и выбросил ее в мусорный ящик, сказав, что раз не хватает времени на просмотр материала, значит, этого сюжета в эфире не будет. И тогда я достала кассету из урны и заявила, что мне хватит 15 минут на монтаж, потому что я заранее знаю, на какой минуте пленки находятся важные кадры.

Веселый карий глаз «восточного мальчика», как его звали в «Останкино», полыхнул огнем, и он собрал всех в аппаратной и объявил, что сейчас будет учеба. И поглядел на меня с доверием и надеждой. Это был момент истины. Я действительно легко запоминаю, на какой минуте рабочего материала есть интересные моменты. Я хорошо чувствую время. Поэтому я спокойно скомандовала режиссеру монтажа, чтобы он поставил пленку на 15, 21 и 37-ю минуты моего материала, а затем достаточно быстро смонтировала сюжет, и он вышел в прямой эфир вовремя.

Сагалаев сделал из этой истории настоящее шоу, потребовав от своих работников

подобной квалификации. Но для меня главным было его одобрение.

В последний день фестиваля по пустой Москве огромный автобус мчал меня на финальную церемонию закрытия фестиваля, потому что Сагалаев решил, что именно я должна сказать какие-то важные слова в прямом эфире.

Я не знаю, как передать эти ощущения сейчас, когда прошло много лет. Пустой автобус. Пустая Москва. Огромная ответственность. Слова, которые крутятся в голове и никак не ложатся в нужные строки. Новые варианты, новые слова, блокнот, который исчеркан, водитель, который смотрит на меня с удивлением: кто такая? Почему ради нее этот сумасшедший рейс на край Москвы?

И все же мне удалось в прямом эфире Центрального телевидения сказать сильные слова, и меня поздравляли, а вечером вся наша бригада праздновала успех на квартире тети Зины в Москве. Хотя похоже, что этот фестиваль имел для нас, журналистов, большее значение, чем для остальных людей в мире.

Не случайно накануне фестиваля Сагалаев собрал нас всех и спросил:

– Какое главное международное событие занимает умы просвещенных граждан планеты Земля?

Мы дружно заорали:

– Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве!

Сагалаев усмехнулся:

– Ответ неправильный. Просвещенных граждан планеты Земля гораздо больше занимает операция на прямой кишке президента Рейгана, потому что от исхода этой операции зависит гораздо больше, чем от нашего фестиваля.

Парадоксальность мышления? Знание людей и их психологии? Свобода, которой он обладал от рождения? Умение и желание растить свободных людей – Парфенова, Киселева, Листьева и других? Не знаю, что важнее из перечисленного, но при самом разном отношении к Эдуарду Сагалаеву со стороны его коллег вряд ли кто-то может опровергнуть тот факт, что именно с его именем связана самая яркая страница развития отечественного ТВ в лице уникальной молодежной редакции Центрального телевидения, которой он руководил долгое время.

Мне очень повезло, что я прикоснулась к этой истории и обогатилась ею. Мы с Сагалаевым искренне дружим до сих пор и доверяем друг другу, что большая редкость в нашем амбициозном, ревнивом и притворном телевизионном мире.

Запрещенные сюжеты

Я никогда не была отчаянной журналисткой, которая во имя поиска правды рискует жизнью и прочее, и прочее. Стыдно в этом признаваться, наверное, но что поделаешь? Есть настоящие герои, и это надо признать. Меня всегда восхищала Анна Политковская, и я оплакивала ее вместе со всеми почитателями ее таланта. Я люблю Юлией Латыниной и бесконечно за нее волнуюсь. Во время мастер-классов Елены Масюк, где она рассказывает о своих опасных расследованиях, я сижу рядом и думаю: вот она журналист, а я, наверное, нет. Так что героического повествования о том, как я снимала кино несмотря ни на что, или, как Бэлла Куркова, выдавала в эфир одну программу вместо другой, в этом рассказе не будет.

Я всегда любила быть в гармонии с тем временем, в котором жила. И сегодня отношусь к этому вполне философски, потому что это моя жизнь, это мой характер. Жалеть о чем-то сегодня нелепо и бессмысленно. Однако даже в этой относительно спокойной жизни случались такие истории, когда приходилось «побороться» за свою тему или за свой сюжет. Таких случаев

у меня было несколько.

Первый сюжет, который вспоминается, был о нижегородской музыкальной школе. У нас с оператором было всего две минуты киноплёнки. Когда мы приехали, я сначала обошла всю школу, поговорила с педагогами и поняла, что радостных поводов для сюжета мало. А вот грустных – сколько угодно. Больше всего меня потрясла организация учебного класса... в туалете. Учебных комнат не хватало и администрации школы пришлось перепрофилировать туалет, где ученики сидели прямо на унитазах, сверху которого было постелено какое-то одеяло. Именно на эту туалетную комнату ушли, как вы понимаете, две минуты нашей киноплёнки.

Я пребывала в большом энтузиазме и даже пообещала руководителям школы, что после выхода сюжета в эфир они обязательно получат новое здание, которое им давно обещали.

Однако мой сюжет в эфир не вышел. Он был запрещен. Более того, мне была прочитана лекция о том, что в условиях холодной войны наше государство вынуждено достойно содержать армию и выделять дополнительные средства на производство оружия.

Мне объяснили, что денег на культуру не хватает не потому, что кто-то чего-то не понимает, а потому что никаких детей не будет и страны не будет, если не строить новые военные заводы и не создавать новые атомные бомбы.

Наверное, это был 1979–1980 год. Страна готовилась к Олимпиаде, и критические сюжеты не приветствовались. Помню, как я пошла к директору музыкальной школы объяснять ситуацию, но он только отвел глаза в сторону и сказал что-то вроде: «Я же вам говорил». Я физически ощущала бессилие и немоту. И от этого было реально больно.

За свой второй запрещенный сюжет я дралась как тигр. И даже потребовала встречи с нашим куратором из специальных органов. К этому времени у меня уже было трое детей, и я вплотную занималась темой многодетных семей и их положением в нашем обществе. Мне пришлось повидать разные семьи, в том числе и такие, где изначально рождались больные и несчастные дети. Благополучных и счастливых многодетных семей, где папа и мама не пьют, работают, занимаются воспитанием и развитием сыновей и дочерей, было очень мало. Но именно такой была семья Лесниковых. Они были на слуху, их награждали, о них писали в газетах. Этой благополучной семье власти выделили пятикомнатную квартиру в новом микрорайоне.

Туда мы и поехали с кинооператором. Тем более что у Ларисы Лесниковой родился одиннадцатый ребенок, и появился повод снять новый сюжет и поздравить семейство. Время было голодное, «талонное». Перед визитом я купила три килограмма пряников и несколько коробок кукурузных палочек (то, что тогда было доступно).

Как передать словами тот шурум-бурум, которых образовался уже в прихожей вокруг моих подарков! Угощение растворилось на глазах за считанные минуты. При этом старшие дети успевали следить за тем, чтобы всем досталось поровну.

Я стояла в прихожей, как прикованная. И не потому, что не угадала с количеством еды, а потому, что в доме пахло нищетой. Первыми меня встретили шестеро (!) детей дошкольного возраста. Они были погодками, и у всех были кривые от рахита ноги. Везде пахло мочой и сыростью.

Квартира располагалась на первом этаже, и через огромные щели в дверях и окнах сильно дуло, все стены были измазаны пластилином, красками. Среди всего этого ходила веселая и добрая Лариса в домашнем халате. На мои вопросы она с неизменной улыбкой отвечала:

– Ноги? Так это рахит. Это пройдет. У наших старших, знаете, какие фигуры роскошные? Все спортсмены. Просто маленьким солнца не хватает, витаминов и мяса. Мы писали в райисполком, но что-то нет ответа. Нам дают на детей продуктовый набор, но там, кроме супового набора из костей и двух килограммов колбасы на месяц нет ничего. А это нам на один

день...

Мы засняли на камеру квартиру, детей, и я уехала с тяжелым чувством, что надо с этим что-то делать. Я понимала, что мне опять будут говорить про «холодную войну», но я видела жертв этой «войны» – детишек, которым плохо. Хотя родились они в хорошей семье, у хороших, заботливых родителей. Папа работал с утра до ночи. Я его ни разу не видела. Интересная деталь: он был кандидатом наук и световой день работал в институте, а по ночам разгружал вагоны или сортировал картошку в овощехранилищах.

Мама Лариса – это как раз редкий случай профессиональной мамы, которая имеет невероятный запас любви и терпения. Она была совсем молодой в то время, но у нее были проблемы с зубами, так как непрерывные роды при отсутствии нормальной еды истощили женский организм.

В общем, невеселый получился у меня сюжет. Я уже заранее знала, что вряд ли он выйдет в эфир без редакторской обработки. И точно. «Под нож» попала вся конкретика бытовой жизни семьи Лесниковых. Но больше всего моего цензора возмутило указание содержимого продовольственного пайка. Мне сказали: им дают колбасу и мясо. Другим и этого не дают. Они сами-то думали, когда рожали? А если все начнут рожать?

Я пошла к директору ТВ Рогнеде Шабаровой. Она только развела руками и сказала, что есть такие моменты в жизни, о которых не надо говорить вслух, потому что телевизор смотрят тысячи людей. И что надо всегда об этом помнить.

В общем, я еще раз поняла, что мы занимаемся не журналистикой, а пропагандой, и мне от этого стало невесело.

Но я все же придумала, как спасти собственную душу. Расшифрованный текст сюжета я сама отнесла председателю райисполкома того района, в котором жили Лесниковы. И приложила короткую записку, в которой написала, что сюжет показан в эфире в сильно усеченном виде, но «вы должны знать правду, чтобы оказать помощь семье».

Вы представляете?! У меня получилось! Уже через месяц мне позвонила Лариса Лесникова. Она смеялась и плакала в трубку, потому что их навестила комиссия, и было принято решение снабжать ее семью «особым образом». Теперь им каждую неделю привозили мясо, молоко, сметану, творог, рыбу. И мне уже было приятно позднее узнать, что Лариса родила двенадцатого ребенка, потом тринадцатого...

Они остановились, кажется, на четырнадцатом ребенке. И, кстати, все выросли замечательными людьми. До сих пор в нашем городе Лариса Лесникова – самая знаменитая мать-героиня (а теперь уже и бабушка-героиня). Дай Бог ей здоровья! И выглядит она прекрасно, и улыбку во весь рот она больше не прикрывает ладошкой.

Но самый знаменитый из моих запрещенных сюжетов – документальный фильм «Как пройти в райком?». Это был 1984 год. Уже умер Брежнев, затем скоропостижно возник и исчез Андропов. И главным человеком в стране стал старый и неказистый Черненко, который страдал астмой, говорил и двигался с трудом. Люди перестали бояться власти и в открытую обсуждали нелепость этой кадровой чехарды стариков-коммунистов.

Каждый год молодежная редакция Центрального телевидения проводила Всесоюзный фестиваль молодежных программ. В тот год фестиваль должен был пройти в Кишиневе. Так как я уже была неоднократным лауреатом, хотелось удивить всех новой острой программой. И я придумала тему. А скорее – картинку. И название – «Как пройти в райком?». Идея была в том, чтобы на центральной площади города задавать юношам и девушкам комсомольского возраста только два вопроса. Первый вопрос звучал так: «На учете в каком райкоме комсомола вы стоите?» А второй: «Знаете ли вы, как пройти в этот райком?»

Фишка сюжета была в том, что мы с оператором стояли так, что за спинами наших героев

была явно видна табличка: «Нижегородский райком ВЛКСМ».

Мы опросили человек двадцать. Все они, как и ожидалось, состояли на учете в том самом Нижегородском райкоме комсомола. А вот второй вопрос всех ставил в тупик. Они махали руками в разные стороны, пожимали плечами, и ни один не повернул голову назад и не сказал: «Да вот же он!»

Далее мы отправились в гости к секретарю райкома ВЛКСМ и тоже задали два вопроса. Первый вопрос: «Как часто здесь бывают рядовые комсомольцы?» И второй: «Вспомните хоть один пример, когда к вам пришли люди с улицы и что-то предложили или сделали». На первый вопрос уверенный и модный секретарь райкома отвечал долго и напористо: «рост рядов наблюдается...», «комсомол вершит славные дела...», «рядовые комсомольцы приходят толпами в свой штаб и ведут активную деятельность...». Но второй вопрос поставил моего собеседника в затруднительное положение. Пленка в кинокамере крутилась с шумом. И это был единственный звук в комнате.

Секретарь молчал ровно полторы минуты. Представляете, какая пауза? Он теребил подбородок, открывал и закрывал рот, смотрел в потолок, а я спокойно выжидала. И была права! Бедный, он так никого и не вспомнил и не смог привести ни одного конкретного примера. Зато уже на следующее утро руководству телевидения позвонил первый секретарь обкома комсомола и потребовал изъять рабочий материал.

Но Рогнеда Александровна Шабарова возмутилась, решив отстаивать мою правду (сама она, как истинный коммунист, была возмущена процветающей в то время казенщиной в комсомоле). В результате я смонтировала фильм «Как пройти в райком?», и он стал главным событием и сенсацией Кишиневского фестиваля. Самое смешное, что меня потом многие обвинили в конъюнктуре, потому что день открытия фестиваля совпал с выходом постановления ЦК КПСС «О формализме в комсомоле». В общем, я получила не только приз, но и суперприз в виде эфира моего фильма по Центральному телевидению в прайм-тайм. Интересно, что в Нижнем Новгороде (тогда Горьком) его так ни разу и не показали. То есть в родном городе этот сюжет оказался запрещенным!

Позднее я встречалась в неформальной обстановке с тем самым секретарем. Он признался, что не держит на меня никакого зла и, более того, благодарен за невольное вмешательство в его жизнь. Он ушел по собственному желанию, затем стал удачливым бизнесменом, переехал в Москву. Жизнь его сложилась вполне счастливым образом.

Запрещенные сюжеты... Много раз мне приходилось слышать от моих учеников разные истории на эту тему. И я прекрасно понимаю, как тяжело смотреть в глаза героям, если обещал им помочь. Как тяжело видеть работу своего коллеги с другого канала на ту же самую тему, если только ты один знаешь, что твоя работа была сделана раньше и сделана не хуже.

Тем не менее я думаю, что они бывают разные, эти запрещенные сюжеты. И отнюдь не всегда журналист бывает прав. Надо тысячу раз подумать, прежде чем кого-то обвинять или тем более начинать гордиться собой. Наверное, это нормальная часть нашей работы – иметь среди материалов такие, которые по той или иной причине не вышли в эфир. Мой совет – обратить внимание на работу за кадром и оказывать помощь людям, даже если об этом не узнает ни один телезритель.

Новый год по-соседски

Честно говоря, детские впечатления от главного семейного праздника у меня слились в один поток чудесных эмоций – настоящая елка с игрушками, домашний кукольный театр, подарки, много гостей и друзей в хлебосольном и веселом родительском доме. Я не могу

вспомнить какой-то особенный Новый год своего детства. Сегодня я понимаю, что из детской поры остро запоминается то, что ранит душу, а этого, видимо, не было, спасибо родителям!

Зато в моей жизни несколько лет подряд был взрослый Новый год, который забыть нельзя, да и не хочется забывать.

Мне было тридцать лет, когда наша молодая многодетная семья неожиданно получила четырехкомнатную квартиру на последнем, девятом этаже нового дома на улице Республиканской.

Это было чудо, и мы с мужем за первые три дня после переезда накрутили столько километров по новой (70 квадратных метров!) квартире, что заболели ноги и закружилась голова.

Кроме великого счастья в виде квартиры, мы получили дополнительный бонус в виде замечательных соседей по площадке. С одной семьей я была знакома несколько лет, так как ее глава Алексей Бакулев руководил стройотрядами области, а я «освещала» эту тему в эфире нижегородского ТВ. С двумя другими семьями мы познакомились после переезда.

В однокомнатной квартире жил глазной хирург Александр Николаевич, большой почитатель женского пола, несмотря на преклонный возраст (он был участником Великой Отечественной войны!). Что не мешало ему красноречиво поглядывать на нас с Таней Бакулевой, а мы нагло пользовались его расположением, чтобы иногда выпросить выпивку для наших любимых мужей (время было такое, водка продавалась за талоны, а талоны было некогда отоваривать).

В трехкомнатной квартире жил профессор Ростислав Сидорук, но для нас он был прежде всего охотником и грибником, потому что таких вкусных маринованных белых грибов я никогда больше не ела, а еще он кормил нас уткой и лосятиной, причем готовил всегда только сам. Бакулевы с двумя детьми жили в двухкомнатной квартире, а мы с тремя детьми – в самой большой квартире на площадке, но мой муж сразу построил около мусоропровода настоящий сарайчик с четырьмя секциями, и каждому из соседей досталась равная площадь для солений, варений и мешков с картошкой.

Я не знаю, смогу ли описать в короткой заметке то чудесное товарищество, которое образовалось на одной площадке тридцать лет тому назад. Например, когда нашу квартиру вдруг затопило горячей водой сверху, моя старшая дочь уверенно сказала:

– Нас спасут соседи!

А когда Александр Николаевич привел в дом молодую беременную подругу Валу, мой маленький Петя спросил:

– А что у Вали с животиком?

На что я, начитавшись доктора Спока, вполне серьезно ответила:

– Там ребеночек.

Мой мальчик испуганно поглядел на всю компанию и завопил:

– А зачем она его съела?

Двери всех четырех квартир, как вы понимаете, не запирались, тем более что наши дети ходили в одну школу и дружили между собой не меньше, чем взрослые. После эфира я старалась прошмыгнуть к соседям, так как чужая еда всегда самая вкусная, к тому же меня частенько поджидали «в засаде» около лифта, чтобы обсудить эфир, – и Сидоруки, и Бакулевы, и Александр Николаевич с бутылкой подаренного пациентами коньяка.

В такой ситуации отмечать Новый год отдельно было просто невозможно. Вот мы и предложили открыть все двери настежь, устроить у Александра Николаевича танцплощадку, у Сидоруков – мясной стол (Слава готовил гуся!), а у Бакулевых – сладкий стол с шампанским. А у нас был настоящий кукольный театр, причем пьесу в стихах я написала про всех соседей, а

кукол мы делали вместе и смеялись до слез.

Представьте, как передвигались по лестничной клетке дамы в бальных платьях, а вслед за ними мужчины в черных костюмах и белых сорочках с бабочками, и как переходили мы из квартиры в квартиру с одиннадцати вечера до трех утра, и это было ничуть не хуже венского бала или царского застолья в прекрасном замке.

Наши дети сначала смотрели спектакль. Потом поджигали петарды на балконе, а потом ложились спать все вместе в одной из квартир, и мы бегали на них смотреть, и накрывали их одеялами, и радовались их дружбе и их непохожести друг на друга. И так было несколько лет подряд!

Но время идет, и мы над ним не властны. Уже нет на этой земле ни Леши Бакулева, ни Славы Сидорука. Потерялся след глазного хирурга, который первым получил новую квартиру в связи с рождением малыша.

Я не знаю имен соседей, с которыми живу в новом доме уже восьмой год. Но я счастлива, что наши дети говорят всегда именно о тех, давних, соседских празднованиях Нового года с восторгом и восхищением.

Открытые двери, открытые сердца – что может быть лучше?

Как мы с Немцовым агитировали

Борис Немцов – фигура яркая. Отношение к нему, мягко говоря, разное. Я давно привыкла к тому, что наши имена тесно связаны друг с другом, и к этому есть основания. Я была его доверенным лицом на самых первых выборах, затем в течение пяти лет пребывания Бориса Немцова на посту губернатора Нижегородской области мы многое обсуждали и делали вместе, к тому же он был, безусловно, одним из моих самых любимых телевизионных героев, что не удивительно.

Он был веселым, молодым, открытым и искренним, умел думать в кадре. Он свободно говорил по-английски и был хорош собой. Благодаря его обаянию и курсу на экономические реформы к нам в Нижний приезжали Маргарет Тэтчер и Михаил Горбачев, Джон Мейджор и Борис Ельцин, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и Виктор Черномырдин. Каждый такой визит был попыткой строительства новой России, той самой страницей истории, которая оказалась короткой, забытой и обруганной. Мы во многом разошлись с Немцовым еще до его отъезда в Москву, но кому интересны эти подробности?

Я по-прежнему отношусь к нему с симпатией и уважением, и есть у меня в связи с ним ряд замечательных историй, о которых не хочется забывать. Наоборот, я уверена, что эти живые картинки из жизни дореволюционной России конца 80-х напоят нас о чем-то важном. Итак, представьте себе двух людей. С одной стороны – лохматый, веселый, хулиганистый и самоуверенный парень без комплексов, который в прямом эфире местного телевидения заявил про опасность строительства атомной станции в городе Горьком и сразу стал национальным героем. При этом все последующие его появления в эфире подвергались жесткой цензуре и строго контролировались.

С другой стороны – я, известный и популярный журналист в возрасте около сорока, достаточно смелая, однако, как говорится, вписанная в имеющиеся обстоятельства. Я только что дала согласие стать доверенным лицом Бориса Немцова и, конечно, была удивлена скоростью последовавших за этим санкций: за нами была установлена постоянная слежка, меня практически отстранили от эфира. Родные и знакомые пытались отговорить меня от участия в этой «политической аванюре», но мне надоело бояться, я чувствовала здоровый азарт. И еще почему-то очень верилось, что за такими, как Борис Немцов, и есть будущее нашего мощного

государства, утонувшего в маразме, идиотизме и коррупции.

В то время я была секретарем партийной организации Горьковского телевидения, и в ответ на предложение выйти из эфира я вышла из партии. Вслед за мной также поступили более двадцати человек. И тут началось: нас с Немцовым не пускали на заводы, на предприятия и в институты. Вдруг оказывалось, что «неожиданно погас свет», «рабочая смена не закончилась» или нет нужного разрешения. Шла предвыборная кампания в Верховный Совет Российской Федерации, и Борис Немцов был официальным кандидатом, а я его официальным доверенным лицом. Было забавно видеть, как уважаемые директора заводов отводили в сторону глаза или вообще делали вид, что не знают меня, хотя еще несколько месяцев назад приходили ко мне в эфир и осыпали меня комплиментами.

И вот однажды после нескольких неудачных попыток прорваться к народу Немцов сообщил мне, что он договорился о встрече с рабочими в общежитии телевизионного завода им. Ленина. Мы поехали туда на городском рейсовом автобусе. Был мороз. На Боре была одета странная шуба (как потом выяснилось, он вывернул наизнанку старую дубленку и очень гордился этим ноу-хау). Мы не знали дороги и шли наугад. Странная пара: высокий парень в «женской» шубе, у которой швы наружу и кудрявый торчащий черный мех с белыми подпалинами, странная шапка, а рядом я в какой-то куртке цепляюсь за его рукав, и мы ищем дорогу среди темной заснеженной улицы без единого фонаря. Мы почти бежали, потому что опаздывали. От нас отскакивали прохожие.

Но вот мы пришли в общежитие. Нас встретили, и сразу стало тепло, уютно, и даже вернулся революционный энтузиазм. Я старалась напомнить Боре наши главные тезисы, но он, как ледокол, шел вперед в поисках «рабочего люда». А рядом с нами семенил испуганный комендант женского общежития, который, кажется, уже пожалел о своем демократическом поступке. Наконец нас привели в тесную комнату (тогда еще Красный уголок). Я ахнула. На стульях вдоль стен сидели тетеньки в халатах – кто-то в положении, кто-то с запашком водки, кто-то со спицами в руках. Их было не более двадцати, и ни одна из них не знала, кто такой Немцов и зачем их привели сюда.

А вот меня они узнали. И сразу оживились. Наверное, разговор про телевидение мог быть интересен. Хотя наверняка утверждать, конечно, не стану. Однако Борю это, казалось, не смутило. Он набрал в легкие воздуха и заговорил. Говорил понятно, доступно, общался легко и свободно, не боялся вопросов. И я была совсем ему не нужна.

Я успокоилась, стала вглядываться в лица и уже забыла про халаты, спицы и стойкий запах кислых щей на соседней кухне. Я почувствовала, что эти двадцать человек пойдут на выборы и проголосуют за Бориса Немцова, потому что они ему поверили!

Когда мы вышли на улицу, он вспомнил обо мне и обернулся в ожидании комплиментов, которые тут же и получил. Потом мы опять мучительно мерзли и искали дорогу к автобусной остановке. Тут он неожиданно сказал:

– А в Сочи сейчас тепло. Как ты думаешь: имеют смысл такие походы к беременным теткам или мы зря тратим время?

Я не помню свой ответ, зато помню этот вопрос...

Уже через месяц после этого похода Борис Немцов вновь оказался в прямом эфире Горьковского телевидения, так как по закону о выборах ему должны были предоставить право на бесплатную агитацию в размере двух минут эфирного времени. Я написала много вариантов текстов его выступления. Мы репетировали. Мы даже попросили одного из друзей Немцова отдать ему на вечер красивый джемпер, а в парикмахерской подстригли буйные кудри нашего кандидата, насколько это было возможно.

Помню, как я замерла у экрана в ожидании Бориной речи. Всего было тринадцать

кандидатов, среди которых – уважаемые директора заводов и два ректора лучших нижегородских вузов. Немцов должен был выступать последним. Все предыдущие мужчины говорили о том, как много они сделают для народа в случае своего избрания. Когда очередь дошла до Немцова, казалось, что смысл любых слов был уже полностью утрачен от частого повторения одних и тех же обещаний. Он набычился, уставился в камеру, выдержал паузу и сказал:

– Я могу обещать только одно – я не буду врать.

И замолчал.

– Это все? – спросил ведущий.

– Да. Это все, – ответил Немцов – А что еще надо?

Мне совсем не было жаль времени, потраченного на написание текста и все наши репетиции. Никто из нас не удивился, когда его, несмотря на все запреты, избрали народным депутатом России. Шел 1990 год. А все, что было потом, – это уже совсем другая история.

Михаил Сладков

Телевизионные операторы на каждой студии телевидения (а их было в советское время ровно столько, сколько было областных центров) всегда считались особой кастой. Это были красивые, подтянутые, спортивные мужчины, которые трепетно относились к каждому кадру, и во многом именно они создавали атмосферу творчества и сотрудничества, особенно во время прямых эфиров.

Так случилось, что на Горьковском телевидении работало несколько бывших военных летчиков. Они определяли поведение и стиль особенного мужского братства. Наши операторы имели военную выправку и практически поголовно были прекрасными пловцами и спортсменами. За старшим поколением следовало следующее, послевоенное. Уже не летчики, но все как один спортсмены и фотографы. Работали они дружно, весело. Я бы сказала – красиво. Во время трансляции концертов наши телеоператоры стояли на сцене за огромными камерами в красивых костюмах, а во время выезда ПТС в Большое Болдино месили грязь в немецких ботинках «Саламандра». Забавно, что кинооператоры одевались и вели себя совсем по-другому. Казалось, эти два типа профессионалов не имеют между собой ничего общего. Позднее, когда появились видеокамеры, все смешалось, и, согласно общему расписанию, кинооператоры встали за камеры в студии и начали снимать «говорящие головы», а телеоператоры забегали с камерой на плече по колхозам и совхозам. И что-то сломалось, потому что профессии – разные.

Михаил Сладков пришел на Горьковское телевидение, когда ему было всего семнадцать. До этого он успел поработать кочегаром во Дворце пионеров, в бассейне которого он поставил свои первые рекорды по плаванию. Затем работал на заводе слесарем, поступил в престижный вуз, но страсть к театру и фотографии пересилила (его папа был знаменитым театральным гримером, а мама солисткой балета). Он, как говорится, вырос за кулисами и с детства знал, что такое гастроль, и как приятна радость от удачного спектакля, и как велика горечь оттого, что зал пуст и чуда не случилось.

Он устроился осветителем и монтировщиком, и уже много позже освоил камеру и дорос до оператора высшей категории. Начинать с работы со светом – видимо, правильно. Он не только изучил основы световой композиции и партитуры, ракурсов и прочих премудростей, но, как мне кажется, стал настоящим мастером по свету. И остается им до сих пор. Свет – это первое, о чем говорит и думает Сладков во время своих занятий с операторами и во время просмотров разных фильмов.

Я помню, что режиссеры старались привлечь на свой проект именно Михаила Сладкова в качестве оператора-постановщика. И каждый журналист радовался, если за главной камерой в студии стоял именно он – элегантный, спокойный, уверенный. Но у меня как-то редко случались такие удачи. Позднее Михаил Анатольевич честно признался, что с трудом переносил комсомольский азарт, пионерский задор и прочие качества активистов.

Кинооператоры, кстати, относились ко мне иначе и с удовольствием соглашались ездить со мной в командировки. Хвалили за выдумку и умение задавать интересные вопросы.

Наши дорожки со Сладковым тесно пересеклись в 1987 году, когда главный режиссер Дмитрий Кормаков (глубокий ему поклон, хоть и нет его уже в живых!) придумал специальный проект, который мы назвали «Командировка с севера на юг». Идея была простая: проехать с передвижной телевизионной станцией (которая в ту пору размещалась в автобусе Павловского автобусного завода и уже могла преодолевать бездорожье) с крайней точки севера области до крайней южной, передавая каждый вечер прямые репортажи в эфир. Мы получили дорогую заветную технику, техническую группу в составе 25 (!) человек, обслуживающих эту технику, и отправились в путь-дорогу. Художественный совет утвердил, что автором репортажей будет Нина Зверева, а оператором Михаил Сладков. Так наши фамилии впервые оказались рядом на престижном проекте.

А теперь представьте: автобус начинен телевизионной техникой, еще один автобус полон разными инженерами, звукооператорами и ассистентами. Все они сидят в большом напряжении и смотрят на экран монитора. Провод позволял оператору отойти от автобуса всего на 150–200 метров. Правильную точку для съемок выбирали всей командой, и это было не так просто. Но вот звучит: «Мотор! Камера! Поехали!» – и мы с оператором остаемся только вдвоем. Я стою – то в парке, то на дороге, то в детском садике, то в магазине. А передо мной, чуть присев, стоит Сладков с камерой на плече (кстати, камера весила 14 кг, держать ее тяжело, и многие телеоператоры имели серьезные повреждения позвоночника из-за огромного напряжения и неудобной позы). Но из автобуса кричат: «Мотор!», он мне кивает, я начинаю говорить или задавать вопросы собеседнику. Затем мы слышим: «Снято!» – и идем в автобус получать похвалу или критику.

Это был потрясающий проект, потому что мы сами узнавали много нового о родном крае. Люди на севере говорили быстро и нараспев, строили огромные дома из толстых бревен и кутались в шали, а люди на юге той же самой области говорили совсем иначе, копались в черноземе и больше увлекались садами и цветами. Редко кто на юге имел ватник и никто не слышал о валенках – в ходу были резиновые сапоги.

С открытыми глазами и замирающим от счастья сердцем я бросилась в эту кочевую жизнь и предлагала за один день снять двадцать, а то и тридцать эпизодов. Кормаков меня успокаивал, а Сладков, как ни странно, часто поддерживал и убеждал группу «делать то, что она говорит». Постепенно я поняла, что мне очень важно услышать его краткую рецензию после съемок. Почти всегда он меня хвалил, а иногда подначивал: «Все хорошо, но вы можете лучше, давайте еще разок».

Мне нравилось наблюдать за его усами. Когда он улыбался и был доволен – его усы ползли вверх – туда, где объектив. А когда что-то было не так, усы опускались вниз. И это был плохой признак.

В финале проекта после нескольких стопок водки веселый оператор Сладков подмигнул синим глазом и сказал совершенно трезвым голосом:

– А вот представляете, Нина Витальевна, появятся скоро хорошие камеры, и никого нам с вами не надо будет уговаривать дать время и технику для съемок. Вы будете говорить слова, а я буду снимать кино. А? Как идея?

Это была почти шутка, настолько казалась далекой перспектива получить такую возможность. Но прошло всего три года, и мы с Михаилом Сладковым начали работать бригадой из двух человек и делали на камере S-VHS фильмы для разных заказчиков, часто бесплатно. Учились снимать и монтировать, делать вовремя «отъезд» или «наезд». При этом мы оба были целыми днями заняты на телевидении, и я уже была шеф-редактором ежедневной информационной программы. Мы снимали наши «лабораторные фильмы» вечером или ранним утром, часто по выходным. Это была трудная, но необходимая практика.

Когда Анатолий Григорьевич Лысенко пригласил меня в штат РТР, я в тот же вечер позвонила Сладкову и сказала, что делаю ему предложение, от которого он не имеет права отказаться. Он согласился, но как только мы покинули «родное гнездо», он сильно заскучал. Ему не хватало общества парней-операторов, мужских вечерних посиделок в операторской комнате, компании множества красивых женщин, а главное – ему не хватало студии, которую он так любил. Позднее мы пытались несколько раз строить телевизионные студии: на телецентре, в университете, и даже в офисе. И каждый раз что-то было не так. Ему хотелось размаха и, главное, хорошего света и оптики, чтобы создать картинку своей мечты.

И все же справедливость восторжествовала – теперь он имеет возможность работать в самых разных студиях, где много хорошего света и высокие потолки.

Руководители различных региональных телекомпаний кладут к его ногам фактически все возможности, которые имеют. Он входит в новые помещения в окружении влюбленных в него операторов и инженеров, и уже через час картинка становится совсем другой. Исчезают ненужные детали, появляются крупные планы, переставляется мебель, и возникает ощущение настоящего телевизионного чуда, когда нет ничего лишнего.

Я не могу сказать, что с ним легко. Я могу сказать, что с ним интересно и надежно. Мы ссорились, когда работали в одной связке. Мы достаточно часто имели разное представление о том, как должен выглядеть наш телевизионный сюжет. Но быстро сходились на том, что можно сделать несколько вариантов и затем в монтажной выбрать лучший. Мы уважали мнение друг друга и не боялись лишней работы. И это прекрасный вариант сотрудничества двух равных профессионалов.

Помню, как я позвонила Сладкову в тот день, когда его избрали членом Академии Российского телевидения. Он изо всех сил делал вид, что ему на самом деле все равно. Но его шикарный бас дал слабину, и голос звучал непривычно глухо. Не верьте операторам, когда они говорят, что у них нет амбиций. Просто у них иные амбиции. Мы ищем слово, а они ищут картинку и всегда готовы биться за возможность показать мир именно таким, каким они его видят.

Мне повезло с напарником. Он настоящий мастер и хороший друг. И я до сих пор после нового тренинга, после новой книги жду его рецензии и волнуюсь точно так же, как тогда, более 25 лет назад, когда мы выходили из шумного автобуса и оставались вдвоем.

Первый ученик

Однажды мы с журналистом Георгием Молокиным и оператором Михаилом Сладковым объявили набор желающих в школу телемастерства. Невероятно, но факт – кандидатов в студенты оказалось более пяти тысяч человек!

Это было в 1992 году, когда профессия журналиста воспринималась как подарок судьбы. Доверие зрителей – полное, поле для деятельности – весь мир, запретов – никаких.

Первый этап отбора Молокин взял на себя. Он рассматривал фотографии претендентов и зачитывал вслух отрывки из эссе «Почему я хочу работать на ТВ».

Это было настоящее шоу, учитывая чувство юмора Молокина. Далее я взяла оставшиеся работы и «зарубила» те из них, которые были написаны с большим количеством ошибок.

Третий этап был очным. В студию набилось более 800 человек, некоторые – с папами и мамами. Мы позвали на подмогу Александра Любимова, он приехал с энтузиазмом, отложив все дела.

Через два дня собеседований у меня возникло стойкое подозрение, что блестящая пара моих партнеров выбирает претендентов (а точнее – претенденток) прежде всего по внешним качествам. Во-первых, Молокин с Любимовым устали, а во-вторых, их очень интересовали красивые девушки.

Меня часто подводила излишняя серьезность и щепетильность – генетическое наследство от родителей, я возмущалась их поведением, но сделать ничего не могла. Уже тогда я понимала, что моя школа – это всерьез и надолго, возможно, это важнее, чем работа на ТВ, как впоследствии и случилось. Предельно осторожно я стала приглашать «забракованных» кандидатов и кандидаток на повторные интервью. Они выглядели побитыми котятками и не смотрели мне в глаза. Но на вопрос «Зачем вам работа на ТВ?» многие из них отвечали неожиданно эмоционально и уверенно. Смысл самых разных формулировок был один – хочу и буду, даже если вы меня не возьмете.

Особенно раздражал молодой паренек по имени Шурик – так он представился (позднее выяснилось, что его зовут Алексей Семенов). Он не подходил даже по возрасту, то есть был моложе 18 лет. Он не знал ответа ни на один коронный молокинский вопрос: назовите десять режиссеров, назовите десять лучших мировых фильмов, назовите десять... и так далее.

Мы отказали Шурику, но в последний день отбора он буквально просочился через проходную и бросился передо мной на колени:

– Возьмите меня, не пожалеете!

Что-то внутри меня дрогнуло. Уже на первом занятии оказалось, что он записывает внутри себя все лекции наизусть, то есть в любой момент может дословно повторить то, что было сказано час или полчаса тому назад.

Когда началась практика, он сразу оказался лучшим – по креативу и по исполнению.

Еще через несколько лет именно он стал автором и режиссером программы, за которую мы получили национальную премию ТЭФИ.

Однажды я занялась изучением списков своих учеников, и довольно быстро выяснилось, что лучшими в профессии оказываются именно те способные люди, кто больше ХОЧЕТ, а знания приходят к ним вслед за амбициями.

Недавно на нашем фестивале в Болдино известный журналист Первого канала Ирада Зейналова рассказала о своем однокласснике, который сделал неожиданно для всех фантастическую карьеру. Она его спросила:

– Как тебе это удалось?

А он ответил:

– Я просто сразу решил, что у меня это все уже есть, и вел себя именно так. Я даже не удивился, когда все то, что я хотел, оказалось в моих руках.

Интересная история, для меня нынешней абсолютно понятная. Сила желания – мощный паровоз, за которым следуют вагончики, у каждого – свои. Естественно, «мечтатели на диване» не добьются ничего, потому что настоящее желание всегда умножается на готовность трудиться больше других. Способные люди частенько живут расслабленно и лидерствуют исключительно благодаря таланту. Но! Наступает момент, и «серая мышка» вдруг оказывается недостижимо впереди, и можно кусать локти и плакать в подушку.

Татьяна Миткова служила редактором без малейшей перспективы попасть в эфир, но,

поймав свой момент, она стала одной из лучших телеведущих страны! Значит, было сильнейшее желание, и был накоплен необходимый багаж знаний, навыков, авторитета.

Олег Сорокин хотел быть мэром Нижнего Новгорода и, несмотря на то, что многие говорили о полной безнадежности этой затеи, все же стал им!

Каждый из нас знает сотни примеров подобных прорывов. Особенно восхищают меня люди с ограниченными физическими возможностями, которые покоряют Эверест или становятся министрами, писателями и так далее. Такова сила настоящего желания, умноженного на упорство! А как же талант? – спросите вы.

Способности, таланты – это важно, но это не главное. Не случайно говорится: желание и труд все перетрут.

Под финал расскажу о недавней встрече в Киеве с замечательным парнем 35 лет. Он – генеральный продюсер главного национального канала Украины, у него чудесная жена и маленькая дочка-принцесса. У него горят глаза и куча новых идей.

Вы догадались? Это мой любимый Шурик, которого теперь все зовут по имени-отчеству.

Как мы покупали камеру

Камера – это особое слово для меня, потому что всегда мы шли за ней, как ослик за морковкой. Всегда мы хотели такую камеру, которая была настолько дорога, что, казалось, мы никогда не сможем ее купить.

Мы начинали работать с Михаилом Сладковым в конце 80-х годов прошлого столетия на камере S-VHS. Выпрашивали ее у знакомых бизнесменов, которые покупали модные игрушки за границей, и отрабатывали аренду камеры разными сюжетами, интервью или документальными фильмами. Конечно, мечтали о собственной камере, но хотелось, чтобы картинка была четкая, профессиональная. А такие камеры стоили в то время от тридцати тысяч долларов и выше.

Мы уже работали собкорами РТР в Нижнем Новгороде, а камеры все не было. Не могу описать, какими способами добывала я технику то на нижегородском телевидении, то у иностранных корреспондентов, и как боялась смотреть в глаза своего оператора, когда опять надо срочно передавать материал в Москву, а снимать не на чем. Иногда мы передавали в программу «Вести» по три сюжета в день и непрерывно волновались за качество «картинки».

Мы ездили к Анатолию Григорьевичу Лысенко с вопросами и отчаянием, а он подводил нас к карте мира и показывал, как плывет танкер из России с нефтью в Японию, а назад из Японии плывет корабль с видеотехникой. И на этом корабле плывет наша камера, и вот-вот она уже прибудет в Москву.

Таких цветистых и остроумных монологов Лысенко у карты я помню штук пять-шесть, не меньше. Я оптимист по натуре и каждый раз верила, но Михаил Сладков предпочитал иметь «синицу в руках, чем журавля в небе». И мы опять снимали на S-VHS, горевали над плохой картинкой и старались бережно монтировать, пока кассета не «осыпалась».

При всем уважении к Лысенко Сладков предложил обратиться к молодому губернатору Немцову с просьбой о покупке камеры Betacam для приволжского корпункта программы «Вести». Никто не сказал нам «нет», но переговоры затянулись надолго. В результате мы первую хорошую камеру получили все же в Москве. Она называлась High-98. Мы называли ее ласково – Хаюшка и берегли как зеницу ока, но я видела по глазам оператора и монтажера, что это совсем не та камера, о которой можно мечтать.

И тут совершенно неожиданно возникло предложение от местного нефтезавода НОРСИ о создании ряда рекламных фильмов и программ с показом по местному нижегородскому

телевидению. Мы заключили кабальный договор, но в результате получили камеру своей мечты – Betacam Ikegami. Подобные камеры были только у вновь созданного НТВ и у нас со Сладковым!

Это были очень тяжелые, серьезные аппараты весом под 10 кг плюс аккумуляторы и кассеты, но надо было видеть лицо Михаила Сладкова, когда он работал с этой камерой. Наш прекрасный монтажер Валерий Тарабурин соединял яркие картинки в один сюжет, так же восхищаясь глубиной кадра и качеством цветопередачи. Я сама себе казалась именинницей и тоже любила эту камеру.

Было много историй, связанных с нашей дорогушей редкой камерой. Однажды мы снимали фильм об экологии Волги и плыли на катере Комитета по охране природы. Попали в шторм. Капитан был нетрезв, катер сильно качало. Мы налетели на бакен и практически начали тонуть, зацепив краем катера огромную волну. Не могу сказать, что мне не было страшно, но могу точно сказать, что мне было весело, потому что в момент опасности я увидела, как Сладков привязывает нашу камеру к спасательному кругу, бережно завернув ее в большой целлофановый пакет. И я сказала себе тогда, что настоящий оператор сначала заботится о камере, а потом о журналисте, потому что в ту пору хороших журналистов было больше, чем хороших камер. Камеру, видимо, достать было труднее.

Еще была одна трагикомичная история на автозаводе, когда наш герой-рабочий сказал какие-то слова и пошел на рабочее место, забыв снять петличку микрофона с пиджака. Он резко двинулся вперед, и камера начала падать на бетонный пол. У нас не было никакой возможности изменить ситуацию, потому что я стояла рядом с героем, а Сладков подошел к нему тоже, чтобы снять микрофон. В результате мы стояли и смотрели, как медленно и неотвратимо наша вожаделенная камера падает на бетон. Миша произнес несколько слов на матерном русском языке, я молчала. Наш герой в ужасе застыл, затем Сладков бережно, как ребенка, поднял камеру и проверил все ее кнопки. Японцы умеют делать хорошую технику, и наша Ikegami выдержала этот удар судьбы, но с тех пор мы не давали ни малейшего шанса пошевелиться после записи интервью никому из наших героев.

До сих пор я помню эту цифру: сорок семь тысяч долларов – столько стоила наша любимая камера. Уже через пять лет мы не смогли ее продать даже за шесть тысяч долларов, потому что появились камеры нового поколения и, слава богу, наша отрасль демонстрирует уникальное снижение цен на профессиональное оборудование.

Один из любимых моих репортеров – Катя Гордеева, которая работает на НТВ. Она всегда носит в своей сумочке маленькую репортажную камеру, которой может снимать эксклюзивные материалы в любой момент и в любой ситуации.

Михаил Дегтярь и Виталий Манский с гордостью и нежностью демонстрируют портативные камеры, которые помещаются в кармане и позволяют выдавать хорошее эфирное качество даже при отсутствии света.

Но почему-то я никогда не жалела о своих сумасшедших усилиях по добыванию нашей первой профессиональной техники за бешеные деньги, легко отказывалась от новой квартиры, новой машины, как только вставал вопрос: «или-или». Видимо, искусство все же требует жертв.

Неудачные интервью

Мне всегда нравился жанр монолога, и я с самого детства любила что-то кому-то рассказывать. Я знала, что умею находить слова и возбуждать в людях интерес к своему рассказу. Это у нас семейное. И папа, и мама, и брат, и все друзья семьи отличались умением рассказывать интересно, живо, весело, подбирая точные слова. Мне очень пригодились такая

практика, как только я оказалась на телевидении. Но у каждой медали две стороны. Оказалось, что умение «красиво» рассказывать может приносить нежелательные плоды. Докажу простым примером.

Я приезжала со съемок и торопилась в кабинет своего главного редактора Владимира Близнцова, чтобы рассказать ему про новых героев и вообще про все, что удалось увидеть и заснять. Он отрывался от бумаг, слушал с удовольствием, а после выхода сюжета разочарованно спрашивал меня:

– Нина, где все то, о чем ты мне рассказывала? Я ничего этого не увидел в сюжете.

Я расстроено махала рукой. Хотелось рыдать и задавать ответные вопросы – откуда взять столько пленки? Как убедить оператора брать крупные планы? Как разговорить героя «на камеру»?

Когда я впервые пригласила гостя в студию и стала задавать вопросы, то достаточно быстро поняла, что человек отвечает гораздо хуже, чем я могла бы сделать это вместо него. У меня не хватало терпения выслушать, я волновалась, что зрителю будет скучно, перебивала, старалась привести примеры или напомнить гостю о том, что он только что рассказывал мне эту историю в другом, более интересном, варианте перед выходом в эфир. Естественно, человек тушевался, пугался и замолкал навсегда.

Самая печальная история из этого ряда – это интервью с воспитательницей детского сада по имени Катя. Я никогда не забуду эту историю, потому что тогда меня чуть не выгнали со студии, хотя я была внештатным автором и вроде имела право на ошибки.

Скромная девушка Катя победила в областном конкурсе на звание «Лучший по профессии». То есть на тот момент она стала лучшей воспитательницей в Горьковской области! Меня попросили сделать съемку в детском саду, а затем провести беседу в студии с этой героиней. Съемка в садике удалась на славу. Мы запечатлели, как Катя играет с малышами, гуляет с ними, надевает на 25 ребятишек бесконечные шапочки-варежки-носочки-валеночки и находит ласковое слово для каждого. Я смонтировала пленку и не могла на нее нарадоваться.

Пришел день прямого эфира в программе «Молодежная волна» или «Комсомольский меридиан» (сейчас уже не помню, тогда все названия были похожи). Я решила выглядеть лучшим образом, поэтому отправилась к маме за одеждой. Это называлось «сводить кофточку в эфир», но в тот раз я решила «сводить в эфир» новый мамин брючный костюм с отделкой из искусственного меха «под леопарда». Мама только что привезла этот дорогуший костюм из Ялты, где купила его на базаре у моряков дальнего плавания. Костюм мне был великоват, мы закололи его в нужных местах булавочками, я сделала пафосную прическу с начесом и стала с нетерпением ждать свою героиню.

Я не почувствовала сигнала беды даже тогда, когда скромная Катя с волосами, завязанными милым хвостиком, одетая в черное скромное платье с жабо, перепуганная насмерть, вошла в студию. Я ринулась к ней навстречу, что-то говорила, показывала, а затем усадила ее рядышком на стул. Начался прямой эфир, и я задала свой первый вопрос. Наверное, я спросила: почему она выбрала именно эту профессию, или что-то в этом роде. Катя отвечала неохотно и очень кратко. Время тянулось мучительно, и тогда я предложила вместе посмотреть пленку с записью ее занятий с детьми. Но монитор стоял далеко, звука в студию нам не дали, и ожидаемого эффекта не случилось. Наоборот, Катя нервно смотрела на часы и тушевалась все больше и больше.

И тогда я решила взять инициативу в свои руки. Повернувшись к своей любимой камере, я в жанре монолога радостно рассказала все, что знала и что могла предполагать. Я даже не смотрела в сторону своей героини, упиваясь сочными красками рассказа и вниманием любимой камеры.

Закончилось эфирное время, я привычно обернулась в сторону режиссерского пульта, откуда в студию вбежал взволнованный Владимир Сергеевич Блинецов. Я замерла в ожидании комплиментов. Однако он как-то пробежал мимо меня, как будто меня вовсе не было, обнял Катю, стал шептать ей какие-то ласковые слова, проводил ее до двери в студию, и только потом, совершенно разъяренный, обернулся на меня.

Боже, какие слова он мне говорил! Не прозвучало только финала: «Вон из этой студии. Вон навсегда!» Но все остальное он мне сказал. Вернее, прокричал. Он кричал, что надо уметь слушать человека и держать паузу, надо уметь раскрывать героя, а не подавлять его, и так далее и тому подобное. В общем, это была большая неудача моей начинающейся творческой карьеры.

Прошло много лет, пока я научилась получать удовольствие от этого уникального процесса – погружения в другого человека. Тем не менее неудач тоже было много и я не застрахована от них до сих пор. Надо понимать, что неудача – это просто нормально, хотя надо постараться сделать все возможное и невозможное для того, чтобы избежать неудачи. Надо готовиться. Думать, предполагать различные варианты развития событий. И тем не менее нельзя подготовиться ко всему.

Помню, как переживала я в тот день, когда Егор Гайдар в качестве премьер-министра России прилетел в наш город и неожиданно сам подошел ко мне. А я этого никак не ожидала. Я работала собственным корреспондентом программы «Вести», у нас со Сладковым иногда в день выходило по два-три сюжета, и, видимо, он интуитивно среагировал на узнаваемость. Но у меня в тот момент не было подготовлено ни одного вопроса! А он подошел, улыбается, стоит рядом. Просто кошмар какой-то!

Я спросила первое, что пришло в голову, за что мне до сих пор стыдно. В аэропорту Нижнего Новгорода через три секунды после приземления самолета я спросила у Гайдара:

– Какие у вас впечатления от Нижнего Новгорода?

Он озадаченно посмотрел на меня и сказал:

– Дайте время, я еще ничего не видел.

Потом повернулся ко мне спиной, что было вполне логично.

Подобная история случилась со мной во второй раз во время приезда Вагита Алекперова, который открывал первую автозаправочную станцию «Лукойла» в Нижнем. Меня предупредили в «Вестях», что никакого интервью брать не надо, потому что иначе это будет коммерческий сюжет. Но Алекперов сам подошел ко мне в ожидании вопросов. И я спросила: «Почему вы построили новую заправку именно в Нижнем?»

Он мне даже отвечать не стал, потому что ответ был очевиден. И это для меня было ужасно, так как шел он ко мне с симпатией и с улыбкой. И даже назвал меня по имени.

Помню, как я волновалась во время интервью с Арафатом. Но тогда получилось. Уже на первой минуте стало понятно, что получится, потому что я рискнула говорить исключительно о том, что я знала, и о том, что мне было интересно.

Есть такой парадокс: когда получается интервью, все потом говорят, что журналисту повезло с героем. Когда интервью не получается, говорят, что герою не повезло с журналистом. То есть получается, что журналист никогда не бывает автором этой победы. Только автором поражения.

Я думаю, что существуют герои, которые всегда будут интересны, даже если рядом беспомощный журналист. Бывают даже случаи, когда самый беспомощный вопрос получается эффектным, если тот, кто отвечает, имеет быстрый ум, реакцию и харизму. Мало кто из обычных людей может ответить на вопрос «Что такое счастье?» в ситуации цейтнота и направленной на тебя камеры. Но думаю, что академик Лихачев, актер Табаков, сатирик Жванецкий, журналист Парфенов, писатель Солженицын и еще много-много ярких и

свободных людей смогли бы ответить на этот вопрос неформально.

Неудачные интервью преследовали меня долгими бессонными ночами, и я придумывала сотню других вариантов возможных своих вопросов и ответов на них. Но, как говорится, поезд ушел, и в эфире было то, что было.

Кто не падает, тот не поднимается. Неудачи дают возможность сделать выводы и крепче встать на ноги. И еще они хорошо отрезвляют и защищают от головокружения собственной значимости.

Без ретуши

Эта история – одновременно радость и печаль моей биографии. Невероятная удача и большое переживание. Потому что все прекрасно начиналось и очень неудачно закончилось.

Это было в самом начале 90-х, когда мы только осваивали науку гласности. Голова кружилась от того, что можно в прямом эфире задавать любые вопросы и получать ответы.

В ту пору выделилось много ярких журналистов-газетчиков, таких как Людмила Телень, Сергей Пархоменко, Александр Гамов и многие другие.

Олег Максимович Попцов придумал позвать их в студию Российского телевидения и проводить публичные пресс-конференции с известными персонами – политиками, депутатами, чиновниками, бизнесменами.

Вести передачу должен был Сергей Торчинский, а меня позвали в качестве модератора, то есть я должна была давать слово журналистам и следить, чтобы они укладывались в отведенные им три минуты для беседы с гостем.

Я очень обрадовалась, но сразу поставила условие, что в конце программы у меня тоже будут три минуты для общения с героем программы. Руководство согласилось.

Каждые две недели я ездила в Москву, причем передача заканчивалась так поздно, что я не успевала на фирменный поезд «Москва – Нижний Новгород», и мне приходилось сидеть на вокзале в ожидании утреннего проходящего состава. В общем, проект оказался весьма нервным, но было так приятно оказаться в федеральном эфире в компании блистательных личностей, что я старалась не обращать внимания на сложности.

У нас в студии были и Лужков, и Ходорковский, и Явлинский, и Травкин, то есть ньюсмейкеры того времени самой высокой пробы.

Журналисты готовили вопросы заранее, и все понимали, что есть еще одна интрига у нашей программы – кто окажется сильнее в качестве интервьюера?

Я следила за временем, давала по очереди слово каждому журналисту, а сама думала в это время про свои три минуты эфира, тем более что достаточно часто «мои» вопросы были уже заданы кем-то из участников программы.

Я готовила блиц-опрос, а также несколько более общих вопросов, и старалась сделать это так ярко и заметно, чтобы финал у программы был запоминающийся.

И мне это удавалось! Судить можно хотя бы по тому факту, что меня стали узнавать на улицах Москвы, благодарили, иногда просили позвать в эфир того или иного гостя. А еще меня стали спрашивать мои коллеги-газетчики, какими приемами я пользуюсь, чтобы так эффективно и эффектно использовать свои три минуты. И вот это уже был настоящий успех!

Я видела, что главный ведущий программы, Сергей Торчинский, сильно нервничал, потому что его роль свелась к объявлению начала программы и к представлению нашего гостя. Тогда я не почувствовала опасности, тем более он всегда был учтив и вежлив, говорил мне комплименты.

Но однажды, уже на втором году существования популярной программы, меня остановил

милиционер при входе на Шаболовку и спросил документы.

Я удивилась, так как меня уже все знали в лицо. Показала документы, но меня не пропускали, более того, мне было сказано, что пропуска на меня нет и не будет.

Это был шок, я не могла поверить. Мимо проходили мои коллеги-журналисты, все удивлялись, обещали выйти за мной с пропуском и исчезали навсегда. А потом на мониторе в проходной Шаболовки я увидела начало программы «Без ретуши» и новую ведущую, которая сидела на моем месте рядом с Торчинским.

Я позвонила в приемную Попцова, он не удивился, пригласил приехать.

Ехала как в тумане, потом вошла в кабинет.

Олег Максимович сказал, что понимает мои чувства, но я сама виновата.

Я ждала продолжения. Он сказал буквально следующее: «Ты слишком хорошо вела! Ты была самая заметная, а это неправильно! У программы есть ведущий, он придумал эту программу, и он должен быть в ней главным!» Я ничего не сказала, только кивнула, я и так уже все поняла, когда увидела «картинку» на мониторе. Видимо, роль второй ведущей мне не подошла, такое бывает.

Программа «Без ретуши» скоро умерла своей смертью, и мне очень хотелось думать, что это возмездие за мои слезы, те самые, которые я не могла сдержать, когда вышла на улицу из здания на улице Правды.

Ульяновские помидоры

Эта кассета тоже где-то затерялась среди нашего большого архива, и мне было очень жаль, когда после долгих поисков мы ее так и не нашли.

Дело в том, что мы со Сладковым впервые в жизни сняли достаточно длинное документальное кино на камеру без единой монтажной склейки! То есть мы снимали уже так, чтобы не монтировать. Это был смелый и трудный эксперимент, и мы бы на него никогда не решились, но обстоятельства вынудили.

Мы работали на Горьковском телевидении, а в свободное время осваивали технологию видеосъемки на камере S-VHS. Заказы получали где могли, но иногда я сама придумывала или находила интересные сюжеты. На этот раз я прочитала в газете, что в Ульяновске в магазинах продается много овощей и фруктов и нет никакого дефицита. Я пришла в кабинет к нашему директору Георгию Молокину и попросила отправить нас в командировку в Ульяновск.

Он задал несколько вопросов, сказал, что тема интересная, хотя может оказаться «уткой». А еще он сказал, что отпускает нас всего на один день, и репортаж должен быть в эфире в тот же день вечером, так как времени на монтаж он нам все равно не даст. Действительно, монтаж с этих кассет шел очень трудно, так как сначала сигнал переписывали на широкую видеоленту, а потом монтировали, в результате качество было совсем низкое.

И я согласилась! Мы-то думали, что это будет короткий репортаж, но когда прилетели в Ульяновск, оказалось, что сюжет достоин настоящего фильма. Ульяновцам удалось сделать невозможное: они выстроили такую грамотную систему, при которой те люди, которые выращивали овощи, были тесно связаны единым бизнесом с теми, кто эти овощи сохранял, и с теми, кто ими торговал. «Поле – хранилище – прилавок» – я часто слышала эти призывы, а вот увидела в первый раз.

При этом надо помнить, что шел 1989 год, самое талонное и голодное время. Какие там помидоры! Пачка творога и вилок капусты были дефицитом.

Мы встретились с человеком, который возглавлял агрокомбинат, он принял нас радушно и приготовился к съемке. И тут-то я поняла, что мы не можем записывать интервью, потому что

монтажа у нас не предвидится! Я извинилась, назначила другое время и сбивчиво пыталась объяснить нашу технологию работы, но он не вникал, а просто отдал распоряжение, чтобы нам дали машину и все показали. Я подробно расписала на листке бумаги все наши эпизоды и поставила хронометраж возле каждого.

Например:

1. Стендап на площади у магазина – 30 сек.
2. Интервью с покупателями – 1,5 мин.
3. Съемки на поле (под текст) – 1,5 мин.

И так далее.

У меня получилось более двадцати эпизодов! Дальше было совсем интересно: мы проезжали мимо специального цеха, где квасили капусту, чтобы через час вернуться туда, так как наступала очередь именно этого эпизода. Со стороны наши метания по Ульяновску смотрелись нелепо, но мы строили фильм по драматургии!

Трудно было с синхронами, то есть с короткими интервью на камеру, так как обычно первый вопрос я задаю самый простой, просто для знакомства, а на этот раз надо было спрашивать сразу самое важное, да еще следить, чтобы Миша включил камеру точно под финал моего вопроса, так как кому нужен мой голос в этот момент? Что касается комментариев за кадром, то мы делали так: Сладков снимал короткими планами те картинки, которые были нужны (прилавок с фруктами и овощами, таблички с ценами и т. д.), потом отматывал пленку, а я смотрела в объектив и комментировала.

Самое сложное, что мы сами не могли увидеть, как у нас получилось, – камера не любит лишних просмотров, мы боялись сделать брак, тем более что пленка использовалась не первый раз, и она могла «осыпаться».

И все же у нас получился специальный репортаж длиной 40 минут, мы прилетели вовремя, прямо к эфиру. Молокин поругал нас за такой длинный материал, но после эфира поздравил и высказал подозрение, что мы успели где-то смонтировать фильм.

Никто не верил, что мы снимали монтажно – от начала и до конца.

После эфира я жалела только об одном: мы не успели купить домой моченых яблок и свежих помидоров, мы даже не попробовали их! Единственное, что нам удалось, – это отведать знаменитые ульяновские соленые арбузы. Сделать это нас уговорил тот самый удивительный мужик, руководитель агрокомбината «Свияга», который все организовал и придумал.

На следующее утро после эфира произошло невероятное – мне домой позвонил официальный женский голос и сообщил, что со мной хочет встретиться мэр нашего города Омари Хасанович Шарадзе. В ту пору существовала жесткая субординация, и встречи напрямую с журналистами, минуя директора и главного редактора, были невозможны.

Я разволновалась и пыталась понять, в чем провинилась, мысль работала только в эту сторону. Однако меня гостеприимно встретил очаровательный грузин и сразу стал расспрашивать, насколько правдивую историю из Ульяновска я показала по телевизору. Я много раз повторяла, что там действительно нет очередей и много вкусных продуктов.

В результате он отправил официальную делегацию из Нижнего в Ульяновск «на разведку», но, к сожалению, на наших магазинах это никак не отразилось.

Не случайно директор «Свияги» говорил, что он выстраивал свой бизнес не менее трех лет, и самым сложным было уговорить людей перейти на такую оплату труда, чтобы каждый был заинтересован в качестве работы «напарника».

Репортаж из Ульяновска оказался очень важным этапом в моей жизни, и вовсе не из-за встречи с мэром. Меня благодарили нижегородцы за этот материал, им он показался замечательным укором нашей власти, да так оно и было.

А еще это был смелый и трудный профессиональный эксперимент, который заставил меня думать над каждым кадром и над каждым словом, а Миша работал одновременно и оператором, и режиссером. И у нас получилось!

Лебедев времен Шахуньи

Шел 1993 год. Нам надо было ехать в Шахунью, на дальний север области. Руководил районом популярный Юрий Лебедев, и мы должны были рассказать о его реформах. И мы предвкушали удовольствие. В советское время телевидение в глубинке встречали так, как сегодня встречают только президента или премьер-министра. Или – иногда! – губернатора.

Каждое слово, каждый кивок, каждый вопрос журналиста или просьба оператора воспринимались руководителями районов как реальные команды, они буквально светились от счастья и старались выполнять любые наши капризы, иногда ничем не обоснованные.

Ощущение власти над властью – особенное. Помню, как некоторые мои коллеги даже говорить «в глубинке» начинали с особым значением и упоминали в беседах имена таких людей, что у бедных районных начальников глаза вылезали из орбит.

Получалось как у Гоголя: «А знаешь, брат Пушкин!..»

Но щи наваристые, огурчики домашние, стол ломится от пирогов, выпивки, закуски. Как тут не приукрасить! Вроде к обоюдному удовольствию – не зря старались. Такие люди приехали! Одно слово – телевидение!

Была такая традиция – встречать съемочную группу при пересечении границы района.

Иногда был стол и лавки, но чаще – просто накрытый клеенкой ровный участок земли на краю обрыва или на берегу реки – как правило, это было чудесное природное местечко. Как из-под земли появлялись улыбчивые женщины, и вот уже у нас в руках рюмки, тарелки, в общем – полный праздник!

Все попытки напомнить о людях, которые ждут нашего приезда, нарывались на спокойное «успеем!» Глава района (или первый секретарь райкома партии, смотря о каком времени идет речь) брал все наши проблемы на себя, связывался с нужными людьми, но избежать «прописки» было невозможно.

С Юрием Лебедевым все было иначе. Нас никто не встречал на границе района. Мы подъехали к типовому зданию администрации – уставшие и голодные. И уже за десять метров до кабинета я услышала его раскатистый бас и смех. Смеяться он умел как никто другой – заразительно, от души, наслаждаясь каждой секундой жизни.

Я слышала о нем, но никогда вживую не видела. Слышала, что он был неудобным, ярким комсомольским лидером, которого побаивались комсомольские начальники более высокого ранга. Всегда вокруг него – компания, хохот и... нарушение всех норм и правил. Потом я слышала, что Юрий Лебедев стал директором Шахунского ПТУ и сумел создать нечто капиталистическое, то есть построить настоящий бизнес, причем сложный – строительный. В это училище был конкурс, стипендии выплачивались огромные, стройка шла на глазах новых жильцов – но как у нас водится, кто-то куда-то написал, Лебедева затаскали по инстанциям и даже пригрозили «уголовкой». И вот новый этап – его избрали главой районной администрации, и о нем заговорила вся область!

Под раскаты громкого веселого голоса мы подошли к двери, на которой было написано: «Денег нет. Но будут!»

Как только вошла в кабинет, встретила глазами с веселым богатырем, который тут же подхватил нас как ураган и уже не отпускал.

Все мои слабые попытки объяснить Юрию Лебедеву, о чем должны быть мои сюжеты,

нарывались на безмятежное: «Нет, Нина. Я тебе сейчас покажу кое-что, а ты потом сама решишь – будешь снимать или нет».

Начали мы с проходки по главной улице Шахуньи, потому что прямо на асфальте огромными буквами было написано: «Дорога построена за счет средств, полученных от приватизации».

Лебедев честно признался, что идею подсказал Борис Немцов, ну а исполнение собственное. Он забрал нас в свою машину и был все время с нами.

Мы ехали по новым дорогам и слушали – здесь будет завод, а вот здесь будет пруд с карпами, а здесь... Иногда он выходил из машины, тащил нас за собой и напоминал мне персонажа из сказки «Кот в сапогах»: «Это чье поле?» – «Маркиза Карабаса». – «А это чей дом?» – «Маркиза Карабаса...» Он сам был этим Карабасом, хотя постоянно знакомил нас с новыми и новыми героями и старался «спрятаться» за их спины, чтобы именно они попали в кадр, а он остался как бы ни при чем. У Юрия Лебедева был свой «сценарный план» фильма о Шахунье. Мы встречались с охотниками и записывали «охотничьи рассказы», потом оказались в огромной бане, где меня впервые парили двумя вениками сразу. Эта баня расположилась в совхозе «Родина», которым руководил друг Лебедева Валерий Черкасов. Он был такой же огромный, уверенный и, конечно, хитрый, как все настоящие крестьяне. Было забавно наблюдать, как эти два богатыря перемигивались и перешептывались, явно по моему адресу. Я смущалась, робела и готова была отдать что угодно, чтобы узнать, одобряют меня и мои вопросы или нет.

За три дня мы побывали не менее чем на десяти разных объектах съемки, и каждый объект наш «режиссер» определял как «самый главный»!

Помню, как нас привезли к главному бизнесмену Шахуньи – армянскому парню по имени Ашот. У него был чудесный завод по производству вкусной домашней колбасы и парник с помидорами и огурцами. Мы пообедали в рабочей столовой у Ашота – так вкусно, как ни в одном ресторане не пообедаешь. Ашот смотрел на Юрия Исааковича глазами влюбленного ученика, а тот в свою очередь сетовал, что мало таких парней, которым хочется помогать, да и помощь-то простая: не мешать! Бизнес, если он грамотный, может сам прорасти и расцвести, говорил Лебедев и хвастался шахунскими пекарнями, которые соревновались друг с другом по свежести хлеба и хрустящей корочке. А как возникли пекарни? Была проблема с обеспечением хлебом, да и хлеб поступал из государственных заводов совсем низкого качества, с оправданием: вы все равно коров хлебом кормите, вот и берите, какой дают! И тогда глава разрешил печь хлеб частным образом и обеспечил санитарный надзор и выдачу лицензий. И пошло дело!

Далекая северная провинциальная Шахунья казалась мне в те дни настоящим островком новой России, где уже в то далекое время понимали, что нельзя продавать лес кругляком, а надо делать хорошие доски. И доски шли на экспорт!

Предвижу вопрос: как можно рассмотреть реальность из окна машины главы администрации? Естественно, он будет показывать самое хорошее и передовое, он в этом заинтересован. Вас просто купили – скажет недоверчивый читатель, а вы купились! Пусть не за деньги, а за обаяние. Какая разница?

Я знала, что у Лебедева в Шахунье, да и в Нижнем полно врагов и критиков. Я даже посмотрела статьи против него в коммунистической печати, статьи оказались погаными и мелкими, как плевок в спину. Сам Лебедев, кстати, охотно говорил о своих проблемах, сетовал на отсутствие инвестиций, ему явно не хватало размаха. Что-то мне подсказывало, что этому человеку можно и нужно верить. Достаточно было сравнить настроение людей, которые нам встречались в Шахунье, с настроением людей в соседних районах, которыми руководили

«правильные» главы, не такие активные и рискованные, как Лебедев.

Он любил Шахунью, что не мешало ему подсмеиваться над самим названием, происхождение которого никто не мог объяснить без использования известных матерных слов. Он искренне страдал, когда на ночлег нас определили в какую-то пожарную часть, так как ни одной приличной гостиницы в районе не было. Но он не мог не похвастать, что у каждого магазина в Шахунье стоят машины с номерами других районов области.

Мы торопились домой, чтобы смонтировать материал, но не тут-то было! Традиции взяли верх. Юрий Исаакович вместе с Валерием Черкасовым ехали за нами до границы района, а затем... Это была особая поляна. На ней было много настоящих спелых ягод – красная лесная клубника, крупная, как садовая, но гораздо слаще.

Светило солнце. В машине играла музыка. Я искала глазами скатерть и услужливых женщин, но ничего этого не было. Водитель Лебедева – его звали Виктор – просто открыл багажник «Волги», а там оказался накрытый стол со всем необходимым провиантом. Я уже никуда не торопилась, было что-то особенное в этом общении на границе района.

Было ощущение, что судьба нам дает еще пару часов, чтобы познакомиться поближе. Оказалось, что Юрий Лебедев играет на любых музыкальных инструментах и прекрасно исполняет народные частушки. В багажнике у Виктора рядом с выпивкой и закуской гордо восседал настоящий русский баян, который, попав в руки хозяина, выдавал такие трели и аккорды, что наша поляна показалась концертным залом. Переход от народной песни к эстрадной мелодии совершался неожиданно, любая мелодия подхватывалась мгновенно, мы пели – каждый что хотел. Черкасов с Лебедевым пели тогда частушки с такими словечками, что Сладкову приходилось для меня «переводить».

Но не было в этих частушках и в нашем общении ничего крамольного и ничего случайного. Именно на этой поляне я услышала впервые историю про двух лягушек. Они тонули в кувшине со сливками, но одна сложила лапки, а вторая взбила из сливок масло и выкарабкалась. Юрий Лебедев, которого Михаил Сладков сразу окрестил «главарь района», рассказывал эту историю как-то особенно, как собственную биографию.

Когда через несколько лет Валерий Черкасов погиб в автокатастрофе, Юрий Лебедев позвонил мне, мы помолчали. Почему земля забирает самых красивых и могучих мужчин, которых так мало в России?

Через некоторое время Юрий Лебедев перебрался в Нижний, стал вице-губернатором, а затем выиграл выборы мэра Нижнего Новгорода с удивительным девизом: «Летающий лом не остановишь!». Он был мэром четыре года, а потом опять начал жизнь с белого листа.

Судьба по-прежнему испытывает его на прочность. Мы редко встречаемся, хотя, смею надеяться, по-прежнему рады видеть друг друга. Его зычный веселый голос не изменился, хотя давно выросли дочери, и внучка стала вполне взрослой девушкой.

А у меня осталось странное чувство, что в Шахунье без Лебедева стало скучно, тихо. Обычно. Никто уже не пытается взбить масло лапками. Впрочем, это мое сугубо личное мнение.

Просто в моей жизни был такой особенный человек – Юрий Лебедев, глава Шахунского района. И эта встреча осталась со мною. Навсегда.

Как меня обули в Германии

Это грустная история, но у каждого из нас в жизни случались такие моменты, когда от стыда хочется умереть. Такие уроки запоминаются навсегда, не правда ли?

Так вот. Много лет назад, в 1994 году, я впервые в жизни была приглашена в качестве

члена официальной делегации Нижегородской области в Германию – именно тогда у нашей области появился побратим – Земля Северный Рейн – Вестфалия.

Я только что была избрана депутатом законодательного собрания, где оказалась единственной женщиной, что предопределило включение меня в состав делегации, так как надо было продемонстрировать Европе, что у нас тоже имеются политики-женщины. В составе делегации были депутаты, бизнесмены, даже митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай.

Возглавлял делегацию губернатор Борис Немцов – молодой, веселый, уверенный. К нему в то время в мире был огромный интерес – город стал открытым и претендовал на звание третьей столицы России.

Организатором нашего визита со стороны Германии был настоящий породистый немец, фамилию которого я забыла, да это и не важно. Этот человек в свое время был директором компании «Люфтганза», а выйдя на пенсию в 60 лет, занялся большой политикой. Его в Германии хорошо знали, уважали, его имя открывало разные высокие двери, включая кабинет канцлера Германии. Он был изысканно одет – тонкий свитер, клетчатый дорогой пиджак с налокотниками из замши, шерстяные тонкие брюки и шикарные узкие ботинки из светлой кожи в тон пиджаку. Назовем его Куратор. Куратор очень волновался за соблюдение всех формальностей и приличий, которые наша делегация непрерывно и радостно нарушала.

Он инструктировал Немцова – как заходить в кабинет и какие первые слова принято говорить, а Борис делал все с точностью до наоборот, но надо честно признать, что переговорщикам с немецкой стороны такая открытость и новизна поведения очень нравилась.

Была у нашего Куратора еще одна проблема, которую, судя по его встревоженному лицу, решить было еще сложнее, чем научить Немцова соблюдать формальности. И этой проблемой была я, то есть скорее не я сама по себе, а мои белые сапоги. Была осень, шли дожди, и я выбрала обувь по погоде. Это были надежные российские «мокроступы», в которых мне было тепло, уютно и не мокро. Никакой другой обуви у меня с собой не было, но я и не переживала. Я взяла с собой длинную белую кофточку, которая отлично «подходила» к сапогам, и меняла только брюки и свитера, иногда надевала юбку с блузкой, но поверх – ту же кофточку. И – те же сапоги на ногах. Представляете? Я ловила постоянный взгляд Куратора на своих сапогах и старалась их мыть почаще.

И все же он не выдержал и однажды перед очередным высоким приемом ко мне подошли двое вежливых немцев и пригласили пройти с ними. Куратор издалека сделал мне кивок, который не оставлял шансов на спасение. Меня привезли в шикарный обувной магазин, сняли «слепок» с моей ноги (там был такой состав – опускаешь ногу, и сразу ясен и размер, и особенности стопы). Мне даже не дали пройти по магазину – и правильно, так как я поглядела бы на цены и тут же сбежала бы!

Очень быстро продавцы принесли несколько пар потрясающей тонкой кожаной обуви – туфли, ботиночки, легкие летние лодочки – и предложили выбрать любые две пары. Мне сказали, что за покупку платит Куратор. Я прижала к себе коричневые лайковые ботинки и черные удобные туфельки – такие мягкие, что в это невозможно было поверить.

Переобувалась я в этом же магазине и старалась не смотреть, как упаковывали мои любимые сапоги в фирменную немецкую коробку. Зато было приятно видеть улыбку на лице достойного джентльмена, когда он встретил меня на пороге очередной мэрии, где ждали нашу делегацию.

Кофту, кстати, я тоже больше не надевала – Куратор мне шепнул, что вечером дамы не должны носить белый цвет. Да и разонравилась мне эта кофта!

Все свои небольшие командировочные деньги я оставила в шикарном немецком магазине,

где старалась купить «правильные» одежды. Вот только когда я вернулась в Россию, они мне показались такими скучными, что я их быстро раздарила подругам.

И продолжила свой путь к поиску собственного стиля.

Клинтон

Как-то в начале 90-х ночью в нашей нижегородской квартире раздался звонок. Звонил Александр Любимов. Мы с ним были хорошо знакомы еще со времен «Взгляда».

– Нина, ты нам нужна. Телекомпания «ВИД» готовит прямой телемост с Клинтоном во время его визита в Москву. Мы хотим сделать точку в Нижнем. Ты готова провести прямой телемост?

– Конечно, с удовольствием! (Хорошо, что он не видит выражение моего лица!)

– О'кей! Подробности чуть позже, готовься.

И я готовилась! Больше всего думала о прическе и одежде, так как понимала, что этот прямой телемост покажут крупнейшие телекомпании мира. Договорилась с парикмахером, купила красивую колючую шубку (дело было зимой). А тут еще в Нижнем Новгороде появилась первая сотовая компания и первый сотовый телефон – тяжелый, килограмма на полтора. Ребята из этой компании предложили мне общаться не только по телемосту, но и немножко по телефону («продакт плейсмент» 90-х). Все это было немного странно и непривычно, но я согласилась, кажется, даже бесплатно.

Мои резоны были понятны – я очень боялась. Никаких наушников у меня не было, и я надеялась, что по этому телефону смогу – если вдруг что-то не так – связаться с Сашей Любимовым.

Кого пригласить из нижегородцев для общения с раскованным и красивым американским президентом, решать приходилось мне самой.

Я пригласила наших бизнесменов, молодого мэра, а также простых нижегородцев, которые с интересом прогуливались мимо наших камер.

Все в напряжении ожидали прямого включения. Вдруг пошел снег! Моя прическа стала «таять» на глазах, шубка покрылась снегом, ноги замерзли, люди устали, а нас все не «включали».

На больших экранах мы видели роскошного президента Америки и телемосты из других городов. Операторы знаками показывали мне, что вот еще чуть-чуть, и мы в эфире... Но опять шел разговор в студии в Москве, и меня охватило полное отчаяние.

Мокрые волосы, мокрая шуба, холодно, люди вокруг смотрят на меня как на обманщицу, самые интересные из приглашенных развернулись и ушли. В моей руке тяжеленный «сотовый» телефон, который не работает (что-то случилось с сигналом)! Расстаться с ним я не могла, так как надежда не покидала меня до последнего.

И вдруг мы увидели себя на экране! Шок, растерянность. До окончания программы оставалось всего 10 минут. Я встряхнулась, улыбнулась и сообщила Клинтону:

– А мы тут совсем замерзли! Спасибо, что дали возможность высказаться, а то у ваших дипломатов в нашем городе были бы проблемы...

Ему перевели. Он засмеялся и посмотрел на меня с живым интересом, потом подошел к Черномырдину, показал в мою сторону рукой и что-то сказал, явно одобрительное.

Затем были очень хорошие вопросы от моих земляков. Были ответы, тоже хорошие. Потом нас поблагодарили и даже сказали, что это был самый интересный разговор...

До сих пор я готова многое отдать, чтобы узнать, что он сказал тогда Черномырдину? Вполне возможно, что это не имело никакого отношения ни ко мне, ни к моей мокрой шубе и

страшному телефону в руках. Но все же...

Бабушка и икона

Эту историю я давно сделала бонусом к лекции на тему «Поиск героев в телевизионном репортаже и документальном кино». Я рассказываю ее только в одном случае – если студенты выполняют все задания, внимательно слушают, а самое главное, под финал лекции напоминают мне о том, что я обещала им бонус в виде «рассказа «про бабушку и икону». И вот, когда устанавливается доброжелательная тишина, я начинаю рассказ, и каждый раз испытываю волнение, потому что эта история наполнена чудесами и мистикой. Мне не так просто ее рассказывать, как многие другие истории.

Представьте себе июнь 1991 года. Жизнь в полуголодной России на грани демократического переворота. Горбачев уже надоел. Ельцин еще не у дел. Талоны, очереди. Явное массовое недовольство граждан России. Немцов уже депутат Верховного Совета. Явлинский уже написал программу «500 дней». Горбачев пытается сохранить СССР, который разваливается на глазах.

У меня свои проблемы. Уже в мае мы со Сладковым стали номинально сотрудниками нового Российского телевидения, но у нас нет ни зарплаты, ни камеры, ни полномочий. Наш фильм «Здесь он был счастлив» о жизни Андрея Дмитриевича Сахарова в Арзамасе-16 был неоднократно показан по РТР. Мы имеем статус собкоров и много пожеланий из Москвы, что нужно делать и как много нужно снимать. Но камеры нет, машины нет, зарплаты нет, и мы остаемся сотрудниками Горьковского ТВ, где тоже приходится много и упорно вкалывать.

Именно в этой ситуации раздался звонок, и незнакомый голос сообщил мне, что меня срочно требует к себе старушка по имени Нина Васильевна. А живет старушка на берегу реки Ветлуги, близ святого озера Светлояр, и это весьма далеко от Нижнего Новгорода.

Был рабочий день, и я не хотела (да и не могла) никуда срываться с места. Но голос в трубке был очень настойчив. Мне сообщили, что речь идет о жизни и смерти, так как старушка Нина Васильевна имеет в доме дорогую икону Серафима Саровского и может доверить эту ценность только «Нине Зверевой, никому другому».

Я не буду описывать свои отношения с религией и церковью. Легче сразу сообщить, что эти отношения никак не складывались. Я родилась в семье, где детей не крестили, в церковь не водили и не верили в загробную жизнь. При этом мы с мамой часто обсуждали, что есть высшая сила, которая помогает выжить, – это вера в людей, вера в себя, соблюдение незыблемых правил чести и совести, которые, как мы теперь знаем, хорошо описаны в Библии.

Короче говоря, в этот день я была одета в яркую желтую майку с надписью «Интурист» и черную юбку с желтыми пуговицами. Именно в этом наряде я все же отправилась к бабушке на берег Ветлуги, предварительно выпросив у одного поклонника камеру S-VHS, а у другого поклонника – машину с золотозубым водителем Лешей. Верный Сладков, осторожно подначивая меня, тоже отправился спасать икону. Мы с Мишей никогда не обсуждали вопросы веры, потому что он не только всегда носил крест, но и был верующим человеком, никогда не афишируя этого вслух.

В общем, ехали мы три с половиной часа на север области, но когда нашли маленький перекошенный дом около цветущего вишневого сада, то не пожалели о долгой дороге. Маленькая худенькая женщина бросилась навстречу с воплем:

– Ниночка! Ты приехала! Пойдем к нему! Ты должна мне помочь!

Меня повели в дом, Миша с камерой на плече шел следом. И мы снимали на камеру эту старую избушку, в которой сначала было темно-темно, а потом будто возник луч солнца.

Огромная икона с ликом Серафима Саровского в золотом окладе занимала половину стены и давала свет. Нина Васильевна суежилась и все время обращалась к Сладкову с просьбой помочь снять икону. И он одной рукой снимал кино, а другой рукой снимал икону. И получились дорогие кадры с замечательным звуковым сопровождением в стиле «лайф»...

«Сынок, помоги! Чай, она тяжелая. Помоги сынок, брось бандуру свою. Вдруг упадет она. Надо на стол положить. Вот так...»

Далее пауза.

«Серафимушка! Радость моя! Как мне проститься с тобой? Каждую ночь лезут плохие люди с топором. Хотят меня зарубить и тебя отнять. Да только не дает им Господь права на это. Устала я тебя защищать, сил нет. Вот приехала Нина. Ее все знают. Она тебя отдаст патриарху Алексию. Ты возвратишься в Дивеево. Я знаю. По радио сказали, что мощи Серафима Саровского везет в Дивеево сам патриарх. Вот мы с Ниной и передадим тебя в его руки. И будет все правильно. И лик твой светлый, и мощи твои святые в одном месте».

Пауза. Плачет.

«Серафимушка, как я жить-то буду без тебя? Я как заболела, только ты и вылечишь после молитвы. А за водой на Ветлугу пойду, бывало, упаду с ведром тяжелым – мочи нет домой возвращаться. А ты шепчешь: “Ничего, вставай, иди. Я тебе помогу”. И нога ступает легко, и силы появляются. Как я без тебя?»

Она причитала, шептала. Мы с Мишей оба, кажется, плакали.

На стене остался огромный черный след от иконы. Мы завернули икону в одеяло, но она никак не убиралась в багажник. Так и пришлось веревочкой завязать, оставив багажник открытым.

Я узнала, что отец Нины Васильевны был священником в огромном храме на озере Светлояр в селе Владимирском. Когда в конце 1930-х рушили церкви, он раздавал по домам верных прихожан лучшие иконы, а лик Серафима Саровского, который, как он говорил своей дочери, писали дивеевские монахини, оставил у себя дома. И строго наказал дочери беречь икону пуще любого богатства. Она и берегла. И чтит Серафима Саровского, как Господа Бога. У нее рос сын. Муж спился да помер. Сын уехал в Нижний. Только случайность помогла ей выстоять в неравной борьбе с любителями легкой наживы. Два окна в избе было разбито грабителями, но каждый раз им что-то мешало. То сын ночевал у матери, то собака соседская залаяла. Нина Васильевна почему-то попросила племянницу позвонить мне, когда увидела по телевизору, как процессия во главе с патриархом Алексием возвращает святые мощи Серафима Саровского в Дивеевский монастырь.

Теперь представьте себе ситуацию. 4 часа дня. Я обещала к вечеру вернуть камеру и «Волгу» с верным водителем Лешей. У нас со Сладковым тоже работа утром в студии Горьковского ТВ. А передо мной чуть не на коленях стоит маленькая старушка и просит отдать икону в руки патриарха, а взамен выпросить ей маленький образ Серафима Саровского. Но не просто образ, а «освященный» самим патриархом.

От ее деревни на Ветлуге до Арзамаса, где проходила процессия, более 500 километров. Я посмотрела на мужиков и поняла, что они, как и я, не могут отказать. И мы тронулись в путь на черной «Волге» с открытым багажником, завязанным веревочкой. Сладков тревожно сообщил, что меня в моей одежде ни в одну церковь никто не пустит, и необходимо иметь косыночку на случай, если я захочу войти внутрь храма. Как он был прав!

Мы еле успели в Арзамас. Там в храме еще шла служба, и процессия должна была тронуться в путь до села Дивеево. Я ринулась внутрь огромного храма в центре Арзамаса, но меня сразу остановили монахи: кто такая? Куда? Зачем? Желтая майка с надписью «Интурист», черная юбка с яркими желтыми пуговицами в этот момент выглядели более чем странно. Я

отважно вынула пояс от юбки и намотала его себе на голову в слабой надежде, что эта конструкция будет напоминать вожделенный платок. Желтая пряжка торчала как раз над ухом. Монахи пришли в полное негодование и попросили отогнать нашу машину подальше от храма.

Но тут на мое счастье на шум вышел помощник нижегородского митрополита Николая. Он сразу узнал меня и попросил строгих монахов отойти в сторону. Я сбивчиво поведала про бабушку и икону. Он попросил показать икону и... ахнул! Чуть не потерял сознание, когда золотозубый Леша отвязал веревочку и открыл багажник.

С этого момента все изменилось. И я это почувствовала. Я гордо вернула пояс юбки на место и вошла в храм с заднего хода. Следом шли монахи с нашей иконой, а завершали шествие маленькая Нина Васильевна и Сладков с камерой на плече. Первое, что я заметила, – это богато накрытые столы с водкой, осетриной, колбасой... А потом я увидела патриарха. Мы встретились глазами, он улыбнулся дружелюбно. Рядом с ним сидел бывший секретарь обкома партии Нижегородской области. Его фамилия была Христораднов. В те времена он возглавлял Комитет по делам религий при ЦК КПСС. Мне стало невероятно весело, потому что вместо словосочетания «Слава КПСС» он вполне внятно произносил «Аминь», и это казалось просто невероятным!

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай быстро прошептал патриарху несколько слов обо мне, и, как я поняла, основная мысль была такая: лучше с ней дружить, чем спорить. Но патриарх не собирался спорить. Он сделал потрясающий пиар-ход, взяв чуть ли не на руки нашу Нину Васильевну и водрузив икону на самое освященное место в этом зале. Он заставил встать всех служителей церкви и монахинь и произнес короткую пламенную речь о том, что Серафим Саровский продолжает творить чудеса, и явление этой изумительной иконы из рук маленькой верующей женщины – это несомненное чудо. Он сказал, что дальнейший путь мощи Серафима Саровского и обретенная икона с его святым ликом в золотом окладе продолжают вместе.

Наивная, я радостно кивала и улыбалась. Только через три минуты, когда икона внезапно исчезла с наших глаз, а вся процессия в быстром темпе двинулась в сторону Дивеево, я поняла, что бабушка осталась без всякой надежды на подарок в виде новой маленькой иконы из рук патриарха. Сладков побежал в ближайший церковный магазин и купил несколько вариантов лика Серафима Саровского. Но она отвергла их все, настаивая на том, что икона должна быть освященной самим патриархом, иначе она не может вернуться домой.

Было одиннадцать вечера, и Леша очень нервничал. Мы со Сладковым тоже были давно уже усталые и голодные, а утром нас ждала работа. Но маленькая хрупкая Нина Васильевна в этот момент была сильнее всех нас троих вместе взятых.

Леша вздохнул, и мы поехали догонять процессию в Дивеево. Но у нас уже не было иконы, и меня без косынки в майке с иностранной надписью непримиримые казаки не пустили в храм к патриарху. Толпа превратилась в шумный поток. Нас разрывали со Сладковым этим потоком на разные берега, мы падали, поднимались, пытались найти нашу бабушку и сделать что-нибудь, чтобы добиться справедливости и выполнить обещание. Но, увы...

Никогда не забуду крик какого-то распорядителя:

– Товарищи водители! Разбирайте батюшек по машинам. Уезжаем ночевать!

В мгновение ока дяденьки в черных рясах или белых одеждах с золотыми украшениями впрыгнули в свои машины и исчезли из Дивеева в неизвестном направлении. Было двенадцать часов ночи. Я почти потеряла надежду. Глядеть на нашу бабушку было просто невозможно. Она тихо молилась в уголке на заднем сиденье и только иногда взглядывала на меня с невероятной надеждой во взоре.

И тогда во мне проснулись какие-то другие силы. Я нашла распорядителя и налетела на

него с требованием сообщить, куда уехал патриарх. Он сначала держался, потом сдался под моим напором и сказал, что делегация поехала на ночевку в закрытый саровский пансионат, куда никого не пускают. Однако путь он объяснил. Леша, стараясь не смотреть мне в глаза, все же путь запомнил. И мы поехали ночью сквозь тополиный пух, как сквозь снег. Бабушка притулилась к Мишиному плечу и задремала. А я думала, как мне взять штурмом закрытые ворота в условиях, когда двое бравых мужчин готовы поддержать меня только морально, но не физически.

Мне очень повезло. Охранники узнали меня по голосу и легко приняли версию о том, что патриарх назначил мне время для интервью за полночь. Миша вышел из машины с камерой на плече только с одним вопросом: «Ты уверена?»

Мы с какого-то заднего хода вошли в этот закрытый пансионат. И тут – о чудо! – первой и единственной персоной на нашем пути оказался патриарх Алексей, облаченный в подрясник. Он был очень удивлен, но не рассержен. Естественно, мы не стали ничего снимать на камеру, но я постаралась изложить ситуацию как можно спокойнее и как можно понятнее. Я сказала, что Нина Васильевна готова принять новый образ Серафима Саровского только из его рук, и я ей это обещала. Поэтому мы никак не можем оставить его в покое. Он кивнул и ровным, могучим, поставленным голосом сказал, что во время заутрени в Дивеевском храме скажет опять благодарные слова в ее честь и вручит ей прилюдно новую икону с ликом Серафима Саровского. А потом отправит ее на своей машине домой.

– Уезжайте. Доверьтесь мне, – говорил мне патриарх Алексей не один, не два и не три раза.

А я все волновалась за свою старушку.

Позже Миша и водитель Леша помогли мне уговорить Нину Васильевну поселиться в этом пансионате и поверить патриарху, а она все цеплялась за меня и просила не оставлять ее одну.

Мы все же уехали и встретили восход на подъезде к Нижнему. Все молчали, тревожились. Уже вечером я позвонила племяннице Нины Васильевны на работу и узнала, что нашу героиню с почетом и с новой иконой действительно довели до самого дома, и она мне очень благодарна.

А уж как я ей благодарна! Этого не передать. «История про бабушку и икону» – одна из самых любимых и незабываемых страниц моей журналистской жизни.

Арафат

Такого не бывает! Но было. Мы с мамой поехали отдыхать на юг всего на пять дней. Я клятвенно ей обещала, что не буду в эти благословенные дни в Ялте думать о работе и чем-то заниматься, кроме маминого здоровья. Но уже на второй день телеграммой (сотовых телефонов тогда не было!) меня на переговоры вызвал муж и сообщил, что меня разыскивает... служба безопасности палестинского лидера Ясира Арафата. Шел 1993 год.

Я смеялась и не верила. Но муж был крайне серьезен, и советовал срочно позвонить по определенному телефону. Мама, которая всегда все понимает, тоже сказала, что надо звонить. Тело и душа сопротивлялись. Во-первых, я действительно очень устала, и море для меня, к тому же в компании с мамой, было тогда редким и очень большим счастьем. Во-вторых, я была совсем не готова к общению с абсолютно непонятным мне человеком. Во внутренней политике мне было все более или менее известно, интересно, и я знала, о чем говорить и спрашивать. Но внешняя политика – это не мое, и оказаться в дурацком положении совсем не хотелось. Муж обещал, что поможет мне, и это было уже кое-что.

Конечно, я позвонила. Оказалось, что меня действительно выбрали в качестве той персоны, которая может вернуть положительный образ Арафата на российские экраны. К тому времени он был подзабыт и после Горбачева ни с кем из лидеров России не встречался.

Дальше было все как во сне: билеты на самолет нам с оператором Михаилом Сладковым принесли чуть ли не на дом, любые капризы и желания выполнялись в тот же миг, как в сказке про Аладдина.

Я читала про Палестину все подряд, интересовалась у всех своих знакомых, о чем бы они хотели спросить Арафата. Надо сказать, что многие из них не хотели задавать ему вопросов, называли его бандитом и отговаривали меня от поездки.

Однако генеральный директор ВГТРК Анатолий Лысенко подтвердил мне эфир в хорошее время, если действительно удастся записать это интервью.

В этот момент, кроме моего мужа, никто не верил в успех затеи. Но мы прилетели в Тунис, нас провели мимо всяких паспортных и таможенных контролей, посадили в машину и, в полной тишине, не говоря ни слова, довезли до гостиницы, сверкающей великолепиями.

Номер был огромным, мальчик-грум приносил любую еду и прекрасное вино. Единственное, что нам было категорически запрещено, – это покидать отель.

В таком сладком затворничестве прошел день, потом другой. На улице торговали какими-то яркими шмотками, обувью, сувенирами, а у меня на руках был аванс – целых 400 долларов! Короче, я не выдержала, и мы с Михаилом Сладковым (которому не удалось меня остановить) вышли из отеля.

Какой ужас был написан на лицах консьержей, когда через два часа мы вернулись с покупками! На ломаном английском они нам стали говорить: «Вас искали, вас не было! Это плохо. Вас предупреждали. Теперь надо будет долго ждать».

Вечером того же дня очередной малоразговорчивый сотрудник Арафата увез нас к себе домой на окраину Туниса и спросил, о чем будут наши вопросы. Я совершенно искренне объяснила, что мои вопросы не очень приятны. Например: знает ли он, что в России о нем давно забыли? Зачем ему это интервью? Почему на него было столько покушений? И правда ли то, что он лично очень богат?

Лицо моего собеседника потемнело, и он отрывисто произнес: «Это вопросы не друга. Это вопросы врага». Я попыталась объяснить, что именно такие вопросы всегда интересны, но увидела глаза Сладкова и поняла, что лучше мне помолчать. Нас доставили обратно в гостиницу.

Мы уже не верили, что когда-нибудь нас заберут из этой гостиницы, но через три дня за нами все же приехали. Это было поздно ночью, около двух часов. Нам завязали глаза и кружили на машине по городу так, что если бы мы и знали его наизусть, то забыли бы полностью. Надо ли говорить, что кроме арабского базара рядом с гостиницей мы нигде не были!

Я была в черном костюме, Михаил – в джинсах и свитере. Нас обыскали. Камеру чуть не разобрали на части и когда обнаружили отвертку в одном из карманов сумки, грозно посмотрели на Мишу. Он потом не раз рассказывал своим ученикам-операторам, что с тех пор ему снится сон, в котором он набрасывается на Арафата с отверткой в руке...

Шутка, конечно. Но тогда нам было по-настоящему страшно. Мы были одни в неведомом Тунисе, с нами был переводчик, который тоже немного паниковал.

Но вот спустилась с лестницы девушка в военном костюме и стала говорить с нами на разных языках. Я немного владею английским, но в той ситуации понимала ее с трудом. Затем вышел он сам – маленький, живой, подтянутый. На боку – пистолет, одет в военную форму, улыбка во все лицо. Он понравился мне. Я ему, похоже, тоже. Обо мне и даже о моих родителях

он знал все. Думаю, он знал и то, что я наполовину еврейка, наполовину русская, потому что он сразу сказал, что еврейская тема для него самая главная, а нашу группу он собирается пригласить в Иерусалим. Он говорил легко и просто и совсем не боялся моих резких вопросов, а под конец интервью сделал мне комплимент, назвав арабской розой.

Забавно, что долгие годы мои зрители напоминали мне именно этот комплимент, а интервью с Арафатом стало одним из главных событий в моей журналистской жизни.

Мой первый доллар

Дело было в начале 90-х. В Нижний Новгород второй раз неожиданно прилетел президент Ельцин, но целью его визита на этот раз был город Саров, где расположен Федеральный ядерный центр.

Я тогда работала собственным корреспондентом программы «Вести», и мы постарались в короткий срок оформить документы для того, чтобы попасть в закрытый город. Насколько я помню, кроме саровских СМИ, там оказались только две съемочные группы федеральных каналов – Александр Цирульников (программа «Время», Первый канал) и наша группа, то есть оператор Михаил Сладков и я, журналист Нина Зверева.

Ельцин прилетел мрачноватый и неразговорчивый, мы ходили за ним «след в след» и пытались получить комментарии. Финансирование ядерного центра было на нуле, но в казне денег тоже не было. Наша камера фиксировала разговоры президента с жителями города и работниками центра, мы даже зашли с ним вместе в продовольственный магазин, где было на удивление много товаров при достаточно доступной цене. Я надеялась на эксклюзивное интервью с Ельциным, но он был в постоянном движении, перемещался по городу с огромной скоростью, мы еле поспевали.

А потом нам вообще сказали, что будет закрытое совещание и журналистов туда не пустят. Нам намекнули, что есть особые государственные тайны, связанные с новыми разработками центра, и лучше не пытаться их узнать. Доля журналистов – ждать, терпеливо и спокойно ждать лучшей минуты и лучшего стечения обстоятельств.

Мы со Сладковым примостились в какой-то лаборатории около той двери, за которой проходило совещание. И тут ко мне подошел милый пожилой физик-ядерщик, предложил чаю. Он достал кружку, кипятильник, какое-то печенье, мы были очень благодарны, потому что набегались, устали и, конечно, понервничали – перегон материала в Москву через три часа, а мы еще не сняли главный материал, к тому же дорога до Нижнего долгая, как бы не опоздать к эфиру... Наш спаситель сказал мне, что любит мои программы, и даже назвал последние сюжеты, которые были в эфире видеоканала «Пятница». Мы чуть-чуть их пообсуждали, и тут он неожиданно заявил, что подошел к нам не просто так, у него есть особый подарок.

Он залез в ящик стола, и достал денежную купюру с портретом американского президента. Это был один доллар США. Никогда до этого я не видела, как выглядит «живой» доллар. Два раза бывала за границей, но в Венгрии в 1978 году нам выдали местную валюту, а во время балтийского круиза в 1985 году – вообще какие-то специальные талоны, которые обменивались на жалкие крохи местной валюты тех стран, где останавливался теплоход. Я спросила, откуда у него эта денежка? Он ответил, что был в США вместе с группой коллег по центру, и вот как-то она у него сохранилась, и он хочет подарить ее мне. Я спросила:

– Почему?

Он ответил, улыбнувшись:

– Берите, не стесняйтесь! Эта денежка должна принести вам удачу. Вот увидите – уже совсем скоро вы заработаете много долларов! Но этот – надо сохранить.

Мы дождались Ельцина, я записала эксклюзив и, счастливая, помчалась в Нижний перегонять материал в Москву. Про доллар как-то забыла.

А через несколько дней вдруг позвонил секретарь Ясира Арафата, и пригласил нас взять интервью у Арафата в штаб-квартире палестинского лидера в Тунисе.

Мне сразу сказали, что оплатят дорогу и командировочные, моя задача – показать интервью в эфире Российского телевидения. Уже через пару недель мы были в Тунисе и получили конверт с деньгами на наши расходы, как сейчас помню – 400 долларов США.

Боже, мне показалось, что я могу купить все что захочу! Конечно, деньги быстро закончились, но подарки не поместились в чемодан, тем более что закупали мы вещи и обувь на настоящем восточном базаре и торговались до последнего.

Почти ничего из того, что я купила, носить было нельзя, но разве в этом дело? Вернувшись домой, я нашла мой самый первый доллар, и сердце наполнилось ощущением какого-то чуда, которое со мной произошло.

Милый пожилой физик из Сарова до сих пор вспоминается мною как добрая фея или волшебник из сказки.

Тот доллар я храню до сих пор.

Визит Ее Величества

Мне уже достаточно много лет, и, учитывая характер моей работы, можно представить, как много неожиданных и по-настоящему ярких моментов было в моей журналистской жизни: интервью в Тунисе с Ясиром Арафатом, телемост с Биллом Клинтоном, эксклюзивные интервью с Ельциным, Горбачевым, Чубайсом в момент пика их политической карьеры.

И все же, если выбирать самое невероятное, то это, безусловно, визит Ее Величества королевы Нидерландов Беатрикс прямо в нашу школу «Практика» в Нижний Новгород в 2001 году...

Когда нам позвонили и спросили: «Вы готовы принимать королеву?» – никто не поверил, решили, что розыгрыш. А когда пришли серьезные и строгие мужчины в серых пиджаках и стали мне подробно объяснять правила протокола, мы поняли, что это серьезно.

Потом приехали съемочные группы голландского телевидения, да не одна. Они ходили по офису, что-то снимали, спрашивали, и, кажется, сами удивлялись, почему именно к нам приезжает их любимая и недоступная королева Беатрикс.

Надо сказать, что в Голландии королеву не просто любят, ее обожают. Если она устраивает бал прямо на площади, все спешат попасть на этот бал. Если она говорит о каких-то реформах – все соглашаются, что реформы необходимы. Она редко появляется на экранах, но ее присутствие в жизни жителей Голландии чувствуется все время. Это можно назвать духовным и душевным лидерством.

Каким же образом она оказалась в Нижнем? Виноваты в этом как минимум двое людей – Владимир Путин и моя дочь Катя. Путин в то время только пришел к власти и очень интересовал многих лидеров мировых держав. Помните вопрос того времени: «Who is mister Putin?»

Королева Нидерландов никогда не была в России и давно мечтала об этом. Идея увидеть нового лидера России и заодно посмотреть страну ее очень привлекала. Путин согласился принять королеву в Кремле, но тогда встал вопрос о втором городе для поездки королевы. Она хотела посмотреть провинциальный город и обязательно пообщаться напрямую с жителями России, причем эта встреча должна быть каким-то образом связана с ее страной.

Вот тут-то организаторы визита и нашли упоминание о Российском учебном центре

«Практика», который находится в прекрасном городе Нижнем Новгороде и который – это главное! – только что выиграл грант на двухлетнее сотрудничество с Медиаакадемией Нидерландов по программе «Матра» (известная грантовая программа).

Без моей дочери Кати, которая в ту пору была главным менеджером «Практики», мы никогда не получили бы такой грант. Она специально ездила на обучение в Нидерланды для того, чтобы в то же время «навести мосты». Она одна из нашей команды могла написать много официальных бумаг на английском языке и пройти через все мыслимые и немыслимые преграды.

Катя никогда не хотела работать в «маминой» конторе. Я с трудом уговорила ее перейти на два года ко мне из НБД-банка, чтобы поднять работу «Практики» на новый уровень. К тому времени она уже отучилась год в Америке и мечтала об МВА, а ко времени приезда королевы уже получила приглашение на учебу в престижный американский университет.

Когда мы поняли, что королева действительно через два дня будет в Нижнем, то сделали несколько правильных действий – купили хороший подарок (хотя мне запрещали это делать!), подготовили ток-шоу с группой наших студентов из разных городов России и договорились с М. М. Грошевым, который тогда руководил государственной телерадиокомпанией, что встреча пройдет в малой студии телецентра, которая была оборудована техникой нашего центра «Практика».

Катя меня строго попросила:

– Мама, не говори, что я твоя дочь. За границей это не принято. Королева может подумать, что я сама по себе ничего не умею.

Я обещала и свое обещание сдержала. Вообще-то я думала не об этом. Я думала: что сказать? И что надеть? Конечно, когда прямо на меня двинется делегация из людей с орденами и лентами, забудешь не только английские фразы, но и русские. А еще оказалось, что у меня нет ни одного достойного наряда. Перемерила брюки, пиджаки по сто раз, но все не то! В последний момент решила надеть тот костюм, в котором мне будет максимально комфортно, – черный скромный комбинезон с короткими рукавами, сверху – светлый пиджак. Никаких украшений, только орден Дружбы, который у меня был к тому времени.

Королева была одета в набивной костюм из юбки и блузы, достаточно яркий, но не крикливый. Но кто смотрел на костюм, когда на ней были рыжие яркие перчатки и прекрасная шляпа традиционного рыжего цвета – цвета династии Оранских!

Я спросила с трепетом по-английски, сколько у меня времени?

Она посмотрела на меня с явным удовольствием и ответила: «Take your time!» (сколько захотите!)

Далее я веселила саму королеву и ее свиту рассказом о том, как создавала телешколу в надежде стать богатой, а в результате набрала талантливых ребят, которым пришлось помогать деньгами! Рассказывала, что школа планировалась только для нижегородцев, но стали приезжать коллеги из разных городов и даже из других стран! Призналась, что мой главный принцип – учи так, как хотела бы, чтобы учили тебя. Она улыбалась, внимательно слушала перевод.

А потом выступала Катя и рассказывала о гранте и о нашем сотрудничестве с коллегами из Нидерландов. А потом было интересное ток-шоу о свободе слова – боюсь, сегодня такое вряд ли было бы возможно. Королева тоже задавала вопросы нашим слушателям, а они отвечали что хотели, то есть то, что было на самом деле.

А потом мы стали фотографироваться и оказались совсем в тесном кругу, буквально нос к носу. И тогда я тихо спросила ее про Путина, с которым она встречалась утром этого дня, и она сказала, что он очень непростой человек и, по-видимому, талантливый. А в ответ она так же

тихо спросила меня:

– А что вы будете делать, когда ваша дочь уедет в Америку?

Я испугалась:

– Как вы догадались, что Катя – моя дочь?

Королева рассмеялась:

– Но это так видно, вы очень похожи!

И тогда я совсем расслабилась и сообщила, что моя старшая дочь уехала с маленькой дочкой именно в Голландию, и мы очень благодарны этой стране за толерантность, приветливое отношение к иностранцам, и особенно – к детям. А потом я подарила «запрещенный» подарок – набор изящных подстаканников, сделанных народными мастерами, и сказала, что стоимость подарка не превышает ста долларов. Она просто изумилась, хотя это было правдой.

Она пригласила меня в самолет, чтобы вместе лететь в Питер, но я увидела глаза людей из охраны и решила, что с меня нарушений уже и так более чем достаточно.

...В офисе моей старшей дочери Нелли Литвак в голландском Университете Твенте на стене висит фотография, на которой мы стоим с королевой Беатрикс и беседуем как подружки. Люди спрашивают:

– Откуда у тебя это фото? И кто рядом с нашей королевой?

Неля спокойно отвечает:

– Это моя мама. Королева приезжала к ней в гости.

Немая сцена. Удивление. Град вопросов. Самое смешное, что мне самой в это до сих пор трудно поверить.

Прямой эфир

Когда я впервые появилась на телевидении, другого эфира просто не было и не могло быть. Более того, некоторое время все региональные телестудии выдавали в эфир только собственный продукт, так как сигнал из Москвы пришел позже!

Сколько прекрасных баек существует на каждом телеканале про превратности прямого эфира!

У нас на Горьковском телевидении любимых историй было две: одна смешная, а другая – трогательная. Смешная история случилась на самом старте в 1958 году, когда любимый всеми диктор Зинаида Ермолова на глазах изумленных телезрителей полезла в красивом платье под рояль, чтобы перебраться на другую точку съемки. Режиссер прямого эфира забыл переключить камеру, а увидев на экране неожиданное поведение диктора, просто «впал в ступор», и зрители смогли насладиться всем процессом – от начала и до конца!

Вторая история связана с именем режиссера Михаила Мараша. Это было в марте 1968 года.

В тот вечер редакция «Факел» должна была выйти в прямой эфир с программой, посвященной столетию со дня рождения Максима Горького. За два часа до эфира пришла весть о трагической гибели первого космонавта Юрия Гагарина. На совещании в редакции было решено снять с эфира юбилейную программу про Горького, но что поставить вместо нее?

Мараш заявил, что он выйдет в прямой эфир с программой, посвященной Гагарину. В это трудно было поверить, так как оставалось всего два часа и в архиве редакции не было съемок Юрия Гагарина. Но Михаил Робертович всегда имел собственный огромный фотоархив, который занимал полки от пола до потолка. Он один мог найти любую нужную фотографию, и в этот момент к нему нельзя было приближаться.

Ровно в назначенное время в эфир Горьковского телевидения вышел прекрасный фоторепортаж без слов – на музыку песни Пахмутовой «Опустела без тебя земля». Люди звонили на студию, плакали, просили повторить этот репортаж снова и снова. Это был тот самый момент единения во время прямого эфира, когда люди по одну сторону экрана попадают в ожидания людей по другую его сторону.

Я всегда предпочитала прямой эфир, хотя, конечно, это огромный стресс и напряжение. В любую секунду может что-нибудь произойти с техникой и с людьми, может подвести память и потеряться нужный листок, могут порваться колготки (случалось!), может заблестеть от пота лицо.

Может подвести гость, приглашенный в прямой эфир и отказавшийся от него за десять минут до слова «мотор!». Однажды на «ТЭФИ-Регион» жюри отметило высшей наградой работу журналиста Ольги Тимофеевой из Ставрополя, которая так и не дождалась в прямом эфире мэра города, но вышла из ситуации героически. Она задавала свои вопросы, и сама пыталась ответить на них «за мэра», пользуясь интервью с ним и текстами его выступлений. Придаться было невозможно, но ощущение было очень сильное, так как самые острые вопросы журналиста остались фактически без ответов.

Правильно говорят профессионалы: для хорошего ведущего нет невыгодных ситуаций, всегда можно придумать оригинальный ход, если владеешь профессией и чувствуешь своего зрителя.

Не знаю, как это объяснить, но камера для меня становится живой именно во время прямого эфира, когда загорается на ней красная лампочка, и ты точно знаешь, что не будет никакого дубля и все, что происходит в студии, – происходит на глазах зрителя.

Конечно, возникает огромное волнение, но, как метко заметил Эрнест Мацквичус на одном из семинаров в нашем учебном центре, надо суметь конвертировать волнение в кураж!

Я уже писала про прямые эфиры программы «Без ретуши», где мне пришлось строго следить за временем каждого выступления и при этом не забывать про свои заветные три минуты общения с гостем в самом финале программы, это было увлекательно и очень трудно!

Телемост Москва – Нижний Новгород с участием президента США Клинтона тоже выходил в прямой эфир, и надо было решать несколько задач одновременно: развлекать людей в ожидании включения, помогать им формулировать вопросы и при этом ни на минуту не забывать о картинке. Москва просила, чтобы в кадре был виден наш красивый Кремль – символ города с богатой историей.

Но самым ярким прямым эфиром в моей жизни стали президентские дебаты в 1996 году в студии Российского телевидения. В них не принимал участия Ельцин, а другие претенденты – Зюганов, Жириновский, Тулеев, Явлинский и Шаккум – пришли в студию вовремя и готовы были сражаться за каждую секунду своего выступления в эфире, так как это был последний вечер перед «днем тишины».

В окружении помощников и советников они сторонились друг друга, но каждая группа отправляла своих делегатов для того, чтобы убедить ведущую программы, то есть меня, проявить особое внимание именно к этому кандидату.

Жириновский поразил всех ярко-желтым пиджаком, который сразу стал самым заметным цветовым пятном в студии, оно сразу бросалось в глаза. Все остальные кандидаты были одеты в темно-синие и темно-серые костюмы, то есть уже с первой секунды «проиграли» Жириновскому.

Естественно, я думала в основном о том, смогу ли я остановить его пламенные речи и соблюсти справедливый баланс по времени между всеми кандидатами.

Но уже первый вопрос Жириновского стал длинным выступлением, а не вопросом, на что

ему сразу указали все оппоненты, что, впрочем, только раздражило и позабавило человека в желтом пиджаке. Шла пятая минута прямого эфира, а в студии взволнованные кандидаты пытались урезонить Владимира Вольфовича, и мой голос тонул среди их голосов.

И тут я решила вынуть тот козырь, который припасла на самый крайний случай.

Я заявила, что в нашей стране голосуют в основном женщины, и в этот момент я являюсь их единственным представителем в этой студии, и мне категорически не нравится, когда мужчины ведут себя подобным образом!

Упоминание об избирателях отрезвило участников программы, и далее прямой эфир пошел ровно и насыщенно. Я жестко следила за временем, и на каждый вопрос сопернику отвела всего полминуты, а на ответ – две минуты.

Этот час мне показался вечностью. Но я была вознаграждена – так как после эфира каждый из участников дебатов подошел ко мне и шепнул на ухо: «Спасибо, что вы за меня!» Они говорили это совершенно искренне, и я была счастлива, так как остаться объективной и внимательной в этой ситуации было сложно.

Сразу после эфира я побежала искать телевизор, так как все гости моей программы переместились из студии Шаболовки в студию Останкино, где с ними должен был работать в прямом эфире Владимир Познер. На Российском канале дебаты вышли в эфир в восемь вечера, а на Первом канале (тогда ОРТ) – должны были выйти сразу после программы «Время».

Но Познер поступил неожиданно: он сказал, что без главного претендента на победу дебаты проводить бессмысленно, и отказался от программы. Мне было досадно, уж очень хотелось увидеть его работу и тем самым понять свои ошибки, а, может, и находки! Не удалось.

Под финал расскажу о самом смешном случае из моей практики.

Однажды во время прямого эфира по каналу «ТВ-Центр» я вдруг услышала... громкий храп оператора в студии. Моим гостем в студии был уважаемый адмирал флота, и я больше всего на свете боялась, что он услышит храп, растеряется и замолчит. Ассистентов в студии не было, связи с режиссером через «ухо» – тоже, то есть я понимала, что выходить из этой ситуации должна сама. Я развернулась к гостю всем телом, посмотрела ему прямо в глаза, стала задавать много коротких вопросов и все-таки продержалась до момента включения сюжета, когда уже стало возможно снять петличный микрофон и ринуться искать виновника трагедии. Действительно, на стуле рядом с камерой безмятежно спал и громко храпел уважаемый оператор, человек преклонного возраста. Я дотронулась до его плеча, и он так перепугался, что мне уже ничего не хотелось говорить.

Адмирал тоже выглядел испуганным, так как не понял, почему я так резко бросила его одного в прямом эфире и побежала вглубь темной студии. В общем, это был незабываемый эфир, хотя зритель вряд ли заметил что-то особенное.

Прямой эфир получается хорошим только тогда, когда работает слаженно вся команда, и все понимают, что ведущий нуждается в поддержке и заботе.

Даже интонация режиссера в момент включения прямого эфира имеет особое значение.

Телеведущие только кажутся уверенными и важными, а на самом деле это просто люди, для которых доброе слово, улыбка и комплимент в нужный момент необходимы как воздух.

Впрочем, это важно не только в момент прямого эфира. И не только ведущим.

Визиты Ельцина

Помню, когда случилось ГКЧП, я не поверила в возможность реального переворота и прекращения демократических реформ в России. Многие слышали от меня в самый первый день, что путч продлится 3–4 дня, не дольше.

Я поехала в Москву и уже 20 августа передавала прямые репортажи в эфире РТР. Помню, как люди облегченно вздохнули, когда увидели Ельцина на танке. Испуг и напряжение продолжались ровно тот отрезок времени, пока мы не могли его видеть.

В тот далекий 1991 год Борис Ельцин был настоящим гарантом демократических перемен, строителем, а точнее прорабом новой России.

Конечно, я мечтала взять у него интервью и надеялась, что получится сделать эксклюзив, хотя уже в первый прилет Ельцина в Нижний Новгород в январе 1992 года около него дежурила специальная киногруппа, а охранники заботились о том, чтобы вокруг не было приставучих журналистов.

Мы получили заказ от «Вестей» сделать вечерний репортаж сразу по прилету первого президента России в Нижний. Он летел самолетом из Ульяновска. Самолет опаздывал. У нас оставался всего час до перегона видеопленки по радиорелейной связи на Москву. Аэропорт «Стригино» находится в сорока минутах езды от телецентра, и я рисковала впервые в жизни оказаться в ситуации человека, который не выполнил задание. Затем самолет прилетел, и нам сообщили, что в связи с поздним прибытием президента выхода к прессе не будет.

Около ворот аэропорта стояло много журналистов, и когда машина с президентом проехала через ворота и вдруг остановилась, раздался мощный радостный вопль. Все бросились к Ельцину. В этой толкучке мы со Сладковым оказались последними, так как стояли чуть в стороне. И тогда я решила рискнуть. Мы заняли «точку» прямо у дверей роскошного ЗИЛа, который приехал за президентом из Москвы и стоял на стоянке перед аэропортом. Риск был огромный. Ельцин мог поехать в резиденцию на обычной машине и, конечно, мог одним жестом отодвинуть нас от дверей этой машины. Разговор в толпе журналистов продолжался минут двадцать, а у нас не было ни одной секунды этой записи, и это тоже был огромный риск. Но я стояла намертво около флажка России, который украшал ЗИЛ, невзирая на недовольство работников охраны. Наконец президент вырвался из толпы журналистов и пошел к машине. Как вы понимаете, он вовсе не был рад очередной помехе в нашем лице. И вот тут-то сработала моя журналистская интуиция, так как я понимала, что у меня есть маленький шанс задать тот самый единственный вопрос, на который ему будет интересно отвечать. Я отважно и отчаянно спросила:

– Борис Николаевич, вы пробовали ульяновские соленые арбузы?

На его лице (он был не совсем трезв, но держался молодцом) отразилось короткое недоумение, а затем полный восторг. Он придвинулся ко мне поближе, охрана сразу отошла в тень. Президент спросил с интересом:

– А вы пробовали? Вы откуда знаете про соленые арбузы? Я их увидел первый раз в жизни. Очень вкусно.

В ответ я рассказала, что недавно была в Ульяновске, где мы делали большой репортаж об уникальной организации поставки продуктов в магазины. Ульяновские бабушки, рассказывала я Ельцину, сначала покупали домой ведрами соленые помидоры, арбузы и яблоки, а на следующий день просили принять продукцию назад, так как дефицита в ней не было, а дома держать неудобно. Ельцин смеялся, кивал и говорил, что ему тоже все это показывали и рассказывали, а потом мы плавно перешли к разговору о его ожиданиях в Нижнем Новгороде. Он рассказал свою программу, под финал кивнул, поднял палец вверх и сказал:

– Увидимся.

Это было не интервью, это была беседа.

Точно в такой же манере мы с ним разговаривали еще несколько раз во время его визитов.

В том же 1992 году он приезжал в Саров. На мое счастье в закрытый город было допущено мало журналистов, поэтому мы могли спокойно пообщаться один на один. Он тогда

произвел на меня впечатление довольно высоким уровнем знания физики и глубоким почтением к людям науки.

Летом 1994 года Ельцин остановился на несколько часов в Нижнем во время круиза по Волге. Это был неформальный визит. Программа также была неожиданная: игра в теннис с Борисом Немцовым (в матче участвовали два Бориса Ельцина – дедушка и внук), посещение каких-то памятных мест, обед в частном ресторане. Охрана была еще более жесткая, чем обычно, а мне вообще сразу сказали, чтобы я не надеялась на эксклюзивное интервью и не мешала президенту отдыхать. Что поделаешь? Мы, как положено, ходили следом и пытались поймать момент. Михаила Сладкова отталкивали московские «упакованные» операторы из президентского пула, а мне жестко давали понять, что общения не будет.

Но мы все же встретились глазами с Ельциным во время теннисного матча. Он кивнул мне, назвал по имени и весело спросил:

– Приготовила вопросы?

В этот момент я поняла, что шанс есть. Вспоминать об этом интервью очень трудно, так как это и наша победа, и наш провал. Победа, потому что эти кадры крутились по всем крупнейшим телеканалам мира. Провал, потому что более неудачную картинку трудно себе представить. Теннисный матч проходил в парке Пушкина на открытом частном корте, очень скромном. Сразу после игры Ельцин сделал пять шагов в сторону и позвал меня:

– Нина, давай интервью.

Его внук Борис играл в это время с Немцовым. Мы подбежали и обомлели: за спиной президента был страшный синий туалет с надписями «М» и «Ж». Все наши попытки предложить другую точку для съемки натывались на рычание Ельцина:

– Давай, Нина, уже записывать сейчас и здесь. Потом будет некогда.

Бедный оператор Сладков с мокрыми от волнения ладонями прямо «с плеча», без штатива, снимал эту картинку, стараясь взять самый крупный план, а я задавала разные вопросы на разные темы. Но в результате в эфир мировых каналов вышел один вопрос и один ответ:

– А вы думаете о преемнике?

Ельцин усмехнулся, кивнул в сторону Немцова и сказал, что пора бы ему об этом задуматься. Это была сенсация. Вскоре Бориса Немцова пригласили работать в Москву в ранге первого вице-премьера.

Но вернемся к Ельцину. Последний его визит в Нижний Новгород был уже после выборов 1996 года. Он приехал на Нижегородскую ярмарку для участия в заседании ассамблеи «Большая Волга». Организация этого визита была устроена на том уровне, который, как я понимаю, принят сегодня. Нам сразу раздали беджи определенного цвета. Цвет моего беджа не допускал не то что эксклюзива, а даже близкой дистанции с официальной делегацией. «Допуск к телу» имели только люди, которые прилетели отдельным самолетом из Москвы. Они же получили самые лакомые точки для съемки на ярмарке. Нам было предложено снять несколько секунд проходки Ельцина по ярмарке общим планом и именно эти кадры перегнать на РТР, так как все остальные материалы передаст специальная группа «Вестей», которая входит в президентский пул. Господи, как мне было обидно и досадно стоять на облучке события! Но что поделаешь? Иногда надо уметь смирять амбиции и выполнять приказ. Я всегда это говорю своим ученикам. Наступил момент, когда это пришлось сказать самой себе.

Нас привезли на ярмарку в шесть утра, а та самая проходка президента должна была состояться в 11.30. Сначала мы мерзли на крыльце, потом скучали на отведенной нам точке. И все это время я мучительно думала, каким образом нарушить инструкции и при этом выиграть, а не проиграть. Я понимала, что Ельцин меня хорошо помнит и знает мой голос. Даже когда

специальный сотрудник охраны, увидев мой горящий взгляд, подошел и отнял у меня микрофон, я понимала, что мне достаточно будет того микрофона, который есть на камере. Но что прокричать? И как обратить на себя внимание?

Варианты в голове сменяли друг друга ровно до той секунды, пока около нас метров за тридцать не появился Ельцин. И тогда я крикнула:

– Борис Николаевич, пожалуйста, всего один вопрос!

Господи, с какой ненавистью посмотрел на меня человек с моим микрофоном в руках! Я даже подумала, что он мне его никогда не вернет обратно. Но Ельцин радостно закрутил головой, подошел прямо ко мне и улыбнулся:

– А вот и Нина.

И тогда я вылезла из-под стенда с показателями уверенного роста какого-то предприятия и оказалась нос к носу с президентом. Интервью длилось минут пять. Оно было искренним и откровенным. Его показали полностью в программе «Вести» этим же вечером.

Это была моя последняя встреча с Ельциным, да и из «Вестей» я ушла вскоре, так как работать там стало совсем не так интересно. А может быть, мое время закончилось?

Мне нелегко слышать, когда годы правления Ельцина люди называют «лихие 90-е», «страшные 90-е», и вообще когда его имя связывают исключительно с беспределом, убийствами, коррупцией. Все это было. Но было не только это. Надеюсь, время каждому воздаст по заслугам. В том числе и неоднозначной фигуре первого президента России. А для меня встречи с ним стали яркими моментами журналистской жизни, испытанием на прочность и подарком судьбы.

Сахаров в Горьком

Конечно, в нашей семье не раз обсуждалась ссылка академика Андрея Дмитриевича Сахарова в город Горький. Мой папа категорически не одобрял ни идей Сахарова, ни стиля его поведения. Всегда сердился и очень нервничал, когда кто-то при нем вступался за опального академика. Папа говорил, что плох тот физик, который занимается политикой, и «не наше это дело». В смысле науки они были коллегами – секретными физиками, членами Академии наук СССР, только мой отец занимался гидроакустикой и внедрял какие-то важные приборы на подводных лодках, а Сахаров занимался атомной водородной бомбой, став ее автором и создателем. Сегодня мало кто помнит, что в молодости Сахаров почти 20 лет жил и работал под надзором специальных служб в закрытом городе Сарове (тогда Арзамас-16), и этот город находится также в Горьковской области. Он был одним из руководителей проекта по созданию новой бомбы и был, по словам очевидцев, абсолютно счастлив. Интересная работа, которая защищала Россию ядерным щитом, плюс комфортные условия проживания для семьи и детей, высокая зарплата и государственные награды, близкий круг друзей-единомышленников. Таким был его первый период пребывания в Нижегородской (Горьковской) губернии, но это была не ссылка, а скорее специальная командировка.

А вот второй приезд Андрея Сахарова в город Горький стал настоящей ссылкой. Кто-то достаточно метко назвал эту ссылку «горькая ссылка в городе Горьком».

Однажды всех сотрудников Горьковского телевидения на одной из творческих летучек предупредили, что говорить о жизни Сахарова в нашем городе нельзя и снимать что-либо в районе того дома, где он поселился, тоже не рекомендуется.

Затем было забавное происшествие, которое вызвало большой переполох на телевидении. Нашего кинооператора Глеба Бабушкина забрала милиция, после чего на несколько часов он оказался в здании КГБ. Люди старались говорить об этом шепотом, но при этом трудно было

удержаться от колких комментариев и шуток, так как более боязливого и законопослушного человека, чем Глеб Бабушкин, надо было поискать.

Оказалось, он получил задание с разных ракурсов сделать кадры новой деревянной детской площадки, которую построил какой-то комсомольский стройотряд. К несчастью, одна из точек съемок позволяла увидеть угол того дома, где находился академик Сахаров, о чем Глеб Бабушкин не имел ни малейшего понятия. Молчаливые люди в серых пиджаках скрутили ему руки, отняли камеру, отвезли в КГБ.

Мы с любопытством наблюдали как через пару часов по тому же адресу поехала наша любимая директриса Рогнеда Александровна Шабарова, которая привезла тихого и потрясенного оператора назад, а потом долго ругала наших мужчин-операторов, которые отмечали возвращение коллеги, как большой национальный праздник.

Следующая история случилась вскоре – о ужас! – уже со мной. Моя любимая программа – студенческий телевизионный клуб «Потенциал» – выходила в прямой эфир раз в две недели. Я вела ее со второго курса университета, была автором всех сценариев и сама приглашала людей в студию. Шеф-редактором программы и автором идеи был мой любимый редактор Владимир Блиźnieцов. Мы каждый раз обсуждали с ним, кого позвать и какие темы вынести на обсуждение участников клуба. Программа была живой, яркой, веселой, как сама студенческая жизнь. Прямой эфир придавал градус программе, к тому же было много звонков в студию, общение напрямую с телезрителями.

В тот раз я позвала в эфир группу студентов института иностранных языков, которые только что вернулись из поездки во Францию. Как вы понимаете, жизнь в нашем закрытом городе Горьком не давала возможности даже мечтать о поездке в Париж или в Америку, и мы ловили каждое слово тех, кому повезло увидеть другую жизнь и другие страны.

Студенты, как я теперь понимаю, перед эфиром получили инструкции от своих кураторов и старались рассказывать не только о хорошем, но и о тех «язвах капитализма», которые они наблюдали своими глазами. Мне это совсем не понравилось, и я решила задать несколько конкретных вопросов.

– А что французы знают о городе Горьком? – спросила я.

В ответ – тишина. Тогда я спросила с напором:

– Неужели они не знают наши машины «Волга», нашу реку, наш Кремль?

В ответ – опять тишина. Я даже растерялась. И тогда один из студентов не выдержал и сказал:

– Они знают наш город, потому что к нам сослали Сахарова.

Эта тишина в студии показалась просто зловещей. Никто не знал, как реагировать на невольную реплику. Я быстро взяла себя в руки и сказала что-то вроде: «Надеюсь, что после знакомства с вами они узнали о нашем городе много интересного и достойного внимания...» В общем, как-то вывернулась. Тем не менее гром грянул ровно через минуту, хотя передача еще даже не закончилась. Я помню, как меня потрясла опустевшая режиссерская рубка, и я заволновалась: есть ли там кто-нибудь, кто отвечает за картинку в эфире. Оказалось, что Блиźnieцов и Гончарова, которая была режиссером этой программы, были срочно вызваны к начальству и получили по выговору. Меня лишили гонорара и премии, но самым тяжелым для нас всех стало решение руководства о переводе программы «Потенциал» в режим предварительной видеозаписи. Мой любимый телевизионный живой «Потенциал» превратился в «консервы» и достаточно быстро закончил свое существование.

Прошло несколько лет. Наступила перестройка. Горбачев позвонил Сахарову прямо в его холодную казенную квартиру в Щербинках и предложил вернуться в Москву. Тот ответил, что вернется только при условии, что из тюрем и лагерей России отпустят политических

осужденных. Горбачев обещание дал и сдержал его.

Сахаров вернулся в Москву, стал народным депутатом и вскоре внезапно умер в своей московской квартире. Мне ужасно жаль, что я так и не успела познакомиться с ним лично. Но случилось так, что мне пришлось делать достаточно много материалов о жизни академика Сахарова в нашем регионе – как в начале его пути, так и под конец жизни.

Первое задание, которое дали мне на Российском телевидении, звучало именно так: в течение двух недель сделать документальный фильм о жизни Сахарова в Арзамасе-16 для показа в прайм-тайм в эфире нового российского телевидения. Это был май 1991 года, еще до августовского путча. Нас с оператором Михаилом Сладковым никто не собирался пускать на территорию закрытого объекта, а фильм уже стоял в программе, хотя еще не было снято ни одного кадра. И тогда Анатолий Григорьевич Лысенко приказал давать объявления по «Радио России» через каждые полчаса о том, что «собственного корреспондента Российского телевидения не пускают на территорию России для осуществления профессиональной деятельности и выполнения редакционного задания». Помню тот ужас, который мы испытывали, сидя в машине у колючей проволоки закрытого города и слушая тот текст по радио. В общем, взяли измором.

К нам вышел очень суровый мужчина и сказал, что будет отсматривать каждый кадр нашей пленки. Мы сразу согласились. Два дня снимали мы этот фильм в Арзамасе-16. Это было для меня настоящее чудо – попасть туда, где никто из коллег не бывал, поговорить с теми, кто работал в группе с Сахаровым. Побывать у него в коттедже и даже взять интервью у его дочерей. Фильм получился, мы назвали его «Здесь он был счастлив». Его много раз показывали в эфире Российского телевидения и даже в Европе.

Следующая история с этим героем была не менее трудной, хотя время уже было другое. Это случилось сразу после смерти Андрея Дмитриевича Сахарова. Мне позвонили из Москвы, из программы «Взгляд». Со мной на связь по телефону выходили то Влад Листьев, то Александр Любимов, то Иван Демидов. И каждый старался уточнить детали сюжета. Но все они вместе просили обязательно взять интервью у главного врача больницы им. Семашко – Олега Александровича Обухова, который поневоле стал героем сахаровских мемуаров, которые только вышли в свет. В книге академика утверждалось, что врачи областной больницы, в том числе главный врач Обухов, участвовали в принудительном кормлении Сахарова во время объявленной им голодовки. Представляете, как воспринял это обвинение уважаемый человек, фронтовик, который создал областную больницу практически с нуля и сделал ее чуть ли не лучшей в Советском Союзе.

Я оказалась тоже в сложной ситуации. Я знала Обухова лично, уважала его и была ему очень благодарна. В его больнице лечили мою маму. Я сама попадала туда несколько раз, в том числе и когда ждала третьего ребенка.

Я позвонила Обухову, но он сразу резко отказался давать интервью на эту тему. Мы со Сладковым все же взяли камеру и приехали в больницу, но нас встретила милиция, нам не дали даже войти. И тогда я одна пошла в кабинет главного врача Обухова и попросила ровно пять минут для разговора. Олег Александрович был в ярости, потому что накануне по Горьковскому телевидению был показан репортаж, где закадровый текст обличал его и сотрудников больницы в жестоком обращении с великим пациентом. Я думала над каждым словом перед тем, как открыть рот.

– Уважаемый Олег Александрович, – наконец сказала я, – я понимаю, как вам тяжело и как не хочется говорить на эту тему. Сейчас мы все знаем только ту правду, которую написал в своих мемуарах академик Сахаров. Но ведь у вас есть своя правда и свои факты. Так изложите их. Доверьтесь людям. Пусть они сами решают: где жизнь, а где вымысел.

Он ответил:

– Нина, я вас уважаю и доверяю вам, но я уверен, что ребята из программы «Взгляд» вырежут из моего интервью все те моменты, которые им не понравятся, и сделают свою версию. А наши зрители любят только солененькое и остренькое. Правда никому не нужна.

И тут я пошла на большой риск. Я гарантировала народному врачу Обухову, что его речь не будет перемонтироваться и ее полностью покажут во «Взгляде» так, как он скажет в интервью.

Трудно передать словами, как сильно билось мое сердце в момент выхода программы в эфир. Но Александр Любимов сдержал слово. Они даже специально подчеркнул в эфире просьбу «нашего корреспондента Нины Зверевой» показать точку зрения нижегородского врача Обухова без каких-либо купюр. Естественно, отрывок из рукописи Сахарова они также представили в эфире, оставив финал истории открытым. Когда через две минуты после окончания сюжета мне позвонил Обухов с благодарностью, я почувствовала себя счастливой.

И последнее воспоминание, связанное с академиком Сахаровым, которое, как может показаться, не имеет к нему самому никакого отношения. И все же...

В Нижнем Новгороде проходил традиционный музыкальный Сахаровский фестиваль. Это было в сентябре 1993 года. И мы должны были подготовить об этом сюжет для программы «Вести». Внезапно мне позвонил редактор из Москвы и сообщил, что через час президент Ельцин выступит с заявлением о роспуске парламента. Я позвонила действующему тогда губернатору Борису Немцову, но он не поверил и только рассмеялся в ответ.

Однако мы с оператором Михаилом Сладковым взяли побольше пленки и стали отслеживать все события этого вечера, начиная с открытия Сахаровского фестиваля и заканчивая ночным заседанием всех наших силовых руководителей в Кремле. Мы снимали тот момент, когда Борис Немцов напрямую разговаривал с Александром Руцким и умолял его не устраивать двоевластия в стране. Казалось, это было реалити-шоу. Но, к сожалению, это было просто реалити, и нам было очень тревожно и очень страшно.

Зал филармонии, где звучала классическая музыка, находится близко от зала заседаний законодательного собрания, где проходило бурное обсуждение возможных сценариев развития событий, тех самых, которые привели к расстрелу Белого дома в начале октября. Репортаж «В ночь на 22-е» получил первое место на международном конкурсе репортажей и стал одной из главных творческих удач в моей жизни. Музыкальным сопровождением репортажа стала музыка Сахаровского фестиваля. А начинался и заканчивался он кадрами большого портрета академика Сахарова, который висел на сцене нижегородской филармонии.

Я никогда его не видела, но Андрей Дмитриевич невероятным образом вошел в мою жизнь и в ней остался.

Пусть вошь погуляет!

Первый раз за границу я попала в возрасте 26 лет. Шел 1978 год. Это была Венгрия, и всей нашей молодежной делегации страна показалась настоящим Западом – столько продуктов, столько магазинов, такой выбор!

Но, как выяснилось, Венгрия – не совсем заграница. Наступил 1985 год, и я в 33 года – с благословения своего замечательного мужа – отправилась в балтийский круиз. Мой муж-физик имел группу секретности и заявил, что я должна смотреть мир за нас двоих.

Заняли деньги у бабушки, и я отправилась в Ригу, оттуда на теплоходе сразу по четырем странам – Голландия, Бельгия, Германия, Англия. Нам обменяли валюту и выдали на все путешествие целых 25 долларов!

Был январь. На теплоходе в основном оказались рабочие и колхозники, которые с ужасом обнаружили, что только что введенный Горбачевым сухой закон распространяется и на наш корабль. С тех пор я не люблю ананасовый сок – мы его пили сутками. На корабле сок наливали бесплатно. Все экономили деньги, и у всех была цель. Самой заветной мечтой на нашем корабле был... кассетный магнитофон. По слухам, в Лондоне его можно было купить именно за 25 долларов. Лондон был последней стоянкой, и, к моему огромному удивлению, половина туристов нашего корабля вообще не сходили на берег в других странах.

С другой стороны, группа любознательных, и я в том числе, была сильно ограничена в передвижениях – нас водили строем, возили на автобусе, и маршруты поездок были не слишком радостные – лагерь Бухенвальд, например. Или музей старых коммунистов... Самостоятельно сходить на берег было запрещено. Тем более к нам на корабль каждый вечер приходила «правильная» делегация молодежи, и надо было общаться. На третий день пути я поняла, что мне просто нечего будет рассказать своему мужу – кроме потрясения от красоты каналов в Амстердаме, которые я видела из автобуса. Еще меня поразило, как скучно выглядит наша делегация, одетая в коричневые и серые тона, рядом с яркими куртками европейцев. Вот и все впечатления.

Надо было спасать поездку, и я нарушила покой наших комсомольских начальников, которые спокойно выпивали запрещенный коньяк в своем люксе. Я предложила написать сценарий следующей встречи с молодежью Запада и провести эту встречу. Они сразу согласились, но в ответ я выдвинула требование – отпустить меня в Гамбурге на берег вместе с двумя друзьями-нижегородцами. Мое требование приняли!

Один из моих спутников руководил успешным колхозом «Верный путь», а другой тоже был председателем колхоза, но сам называл свое хозяйство – колхоз «Прогрыз».

Оба они были одеты в зимние пальто с каракулевыми воротниками, на голове – ондатровые шапки. Несмотря на этот жуткий наряд, веселые девушки в ажурных чулочках сразу набросились на моих мужчин и кричали мне по-немецки и по-русски: оставь себе одного! Мужчины вцепились в меня мертвой хваткой, и мы наконец вышли на какой-то проспект, где стали разглядывать витрины. И тут Николай, председатель колхоза «Верный путь», совершил настоящий подвиг – он выложил 25 долларов за хорошую бутылку виски, которой потом угостил всю большую нижегородскую делегацию.

А вот второй мой друг, Виктор, испытывал страшные терзания, так как у него было трое детей, и он всем обещал подарки. Ценники в витринах не оставляли ему шанса. Но прямо в порту приютились маленькие лавочки польских евреев, которые заманивали русских моряков дешевым ярким товаром.

Там-то мы и оставили наши несчастные доллары. Я определилась с товаром сразу, а вот Виктор мучился и без конца просил показать то джинсы, то куртку, то косметику. Он вспотел и сдвинул свою потертую зимнюю шапку на затылок.

И тут уставшая и злая продавщица сказала по-русски:

– Сними шапку! Пусть вошь погуляет...

Наступило зловещее молчание. Николай со своей бутылкой виски ждал нас на улице, в магазине было человек пять, и все уставились на моего спутника. А он неожиданно весело улыбнулся и заявил:

– А вот не сниму! Вошь – она тепло любит.

Все засмеялись. Включая продавщицу, которая легко и быстро подобрала детские вещи и упаковала их в большой хрустящий нарядный пакет, который сам по себе был в те времена отличным сувениром.

С Николаем мы потом часто виделись, он несколько лет привозил нашей семье на зиму по

четыре мешка отборной картошки. А вот следы Виктора затерялись, но хочется верить, что у него все хорошо.

Басмановы

Я очень трепетно отношусь к своему архиву, несмотря на то что плохо представляю себе, где, как и главное зачем хранить километры отснятых материалов. Но эти кадры – это и есть моя жизнь, и многие моменты этой жизни очень приятно вспоминать. Удивительно, но стоит вставить в магнитофон любую старую кассету, как сразу вспоминаются все обстоятельства съемки и вся история сюжета.

Так вот, я чуть не плакала, когда мы всем офисом искали-искали и так и не смогли найти в архиве сюжет о семье Басмановых. Эти люди организовали один из первых семейных домов в Нижегородской области, и я сразу вызвалась поехать и посмотреть, как выглядит этот новый проект – семейный детский дом. В ту пору об этом много говорили как о серьезной альтернативе детским домам и детской беспризорности.

Мы поехали ради этого сюжета в далекий поселок Урень на север Нижегородской области, провели там три дня, и в результате получился не сюжет, а настоящее документальное кино, которое так и называлось – «Басмановы». Фамилия в качестве названия была использована продуманно, так как согласно закону родители в семейном детском доме не имеют права давать приемным детям свои фамилии. Но Галя и Толя Басмановы спрятали документы детей и отдавали их – родных и неродных – в садик и школу только под своей фамилией. Ругались, скандалили, но настаивали на том, что все дети в их семье – Басмановы и никак иначе.

Наш фильм начинался с кадра, которого не должно было быть. Мы уже уезжали из этого теплого дома под Рождество. Падал снег, и когда мы уже подходили к машине, дети в доме закричали: «Приезжайте к нам еще! Обязательно приезжайте!»

Я оглянулась и увидела невероятную картину: к морозному оконному стеклу было прижато восемь пар теплых детских рук. Лед подтаял, и на окне образовался узор из детских ладошек, сквозь которые на нас глядели сияющие глаза счастливых детей.

Я сразу обернулась к оператору Михаилу Сладкову – снимай скорей! Он очень не любит слова «скорей», и вообще расчехлять камеру на морозе не так-то просто. Но в тот раз кадр был настолько удивительно-трогательный, что Михаил сделал свою работу очень быстро и как нельзя лучше. Наш фильм начинался этим символическим рождественским кадром. А уже потом шла история – история любви и служения мечте.

Галя всегда отличалась буйным нравом, несмотря на ангельскую внешность. Она делила мир на черное и белое и боролась за справедливость, что, конечно, кого-то привлекало, но многих отпугивало. Как результат – неудачное замужество, конфликт на работе, смелое решение, и – вот, она уже с маленькой дочкой на руках живет в общежитии и работает лаборантом на заводе где-то далеко в Сибири. На этом же заводе работают заключенные. Один из них, Анатолий, старается подольше задержаться в лаборатории, когда приносит металл на анализ...

Так возникла настоящая любовь. Она ему поверила. Толя получил срок за то, что заступился за девушку, которую избивал бандит. Но бандит оказался другом этой девушки, и они вместе подали в суд на Толю Басманова за хулиганство. В некотором смысле Толя и Галя похожи, потому что оба не любят компромиссы и готовы отстаивать свое право на счастье и свободу в любых ситуациях.

Его выпустили условно-досрочно, и тот вечер они провели вместе у Гали в общежитии. В

комнате был телевизор, и, когда маленькая Лиза легла спать, они его включили и увидели сюжет о первом семейном доме. В тот вечер они дали друг другу клятву, что как только поженятся, начнут строить новый большой дом и возьмут на воспитание не менее трех ребятишек.

Они вернулись на родину Гали в поселок Урень. Время было такое, что каждую доску приходилось добывать с боем. Гордая Галя бегала на поклон к разным начальникам, а Толя с утра до ночи практически в одиночку строил дом. Они рассказывали нам, каким образом добыли «вот этот кирпич», «вот эту батарею» и «вот этот стол». Галя родила сына и сразу же забеременела снова. Уренские начальники всерьез обвиняли ее в том, что она специально все время ходит беременная, чтобы давить им на нервы.

Два года Басмановы строили дом, и одному Богу известно, чего это им стоило. И тут грянула настоящая беда. Комиссия райисполкома отказала им в праве на организацию семейного детского дома на том основании, что Толя был судим. Галя плакала, кричала на членов комиссии, писала письма в Москву, а на Толю навалились усталость и безразличие. В результате стоны Гали дошли до руководства детского фонда, где работали хорошие люди. Там посмотрели документы Басмановых, поближе познакомились с семьей, обследовали новый дом и решили: пусть берут детей.

Я помню почти каждое слово из Галиного рассказа о визите в Заволжский детский дом и постараюсь держаться близко к этому тексту. Она говорила, что самое трудное было смотреть в глаза тех детишек, которые кричали им: папа, мама, возьмите меня тоже! Ей хотелось взять всех. Но всех взять невозможно. Басмановы все же нарушили инструкции, полученные от комиссии. Им разрешили взять двух ребятишек, а они увезли троих. В той комнате, куда они пришли за «своими» детьми, на соседней кровати лежал мальчик. Его звали Марк, и у него был страшный диагноз: ДЦП. Он умолял Галю и Толю взять его в семью, и тогда они решили: «Детям полезно заботиться о больном брате, а когда нас не будет, они не оставят его в беде». В общем, пока директриса приходила в себя от обморока, они уже везли домой трех детей вместо двух.

А теперь представьте себе – больной Марк через месяц начал ходить! А уже через полгода стал солистом в танцевальном ансамбле. Он был цыганенком по рождению и танцевал так, как могут танцевать только цыгане – красиво, размашисто, музыкально. Он демонстрировал нам свои танцы, дети аплодировали, а Галя с тихим ужасом и ненавистью говорила мне:

– Они специально ставят такие диагнозы. Они не учат их ходить, не учат разговаривать, потому что на каждого больного ребенка государство выделяет огромные средства. Но эти деньги не доходят до детей!

От этих разговоров я буквально сходила с ума, не хотелось верить. Хотя к тому времени в моем личном журналистском «багаже» накопилось немало аргументов, которые заставляли поверить именно Гале, а не чиновникам. Я сразу вспомнила рассказ одного коллеги о поездке в Болгарию – еще в советские годы. Он с негодованием рассказывал, что один из туристов – директор детского дома – угощал всех красной икрой без ограничений, так как у них в детском доме этой икры «навалом». Галя с Толей, получая на каждого ребенка деньги, очень удивлялись такому парадоксу: на своего ребенка в многодетной семье давали пособие, предположим, 50 рублей, а на ребенка, взятого из детского дома, – в 10 раз больше. Еще они удивлялись тому, как много людей приходило контролировать их жизнь. И тому, как много людей ненавидело их и подозревало в желании пожить за государственный счет. Даже в родном поселке, где все помнили ее девчонкой, за спиной начались пересуды и нехорошие подозрения. Люди не стеснялись говорить, что привезла, дескать, уголовника, да еще новых теперь растит...

Галя легко нашла применение деньгам. Она решила, что должна осуществить все мечты

детей, которые казались им невыполнимыми. Во-первых, она одела их всех в джинсы (тогда это стоило очень дорого), потом она накупила кучу винограда, яблок и бананов и не успокоилась, пока дети не перестали накидываться на вкусную еду, как зверята. Далее – уроки музыки, покупка велосипедов, пианино, баяна и прочих необходимых инструментов. А потом они взяли еще ребенка – пятилетнюю девочку Сашу, которая никак не приживалась в детском доме, все время плакала и звала маму. Сашину маму посадили в тюрьму на 15 лет за страшное убийство, и Галя молилась только об одном – чтобы девочку оставили ей навсегда.

Мы ездили вместе с маленькой Сашей, Галей и Толей в далекую церковь (сейчас не помню куда, но работающих церквей в то время было еще очень мало) и снимали обряд крещения девочки. Это было незабываемо. Саша в белом платьице, сшитом Галей накануне, с огромными счастливыми глазами – трепетная и испуганная, как лань. Рядом надежный и добрый Толя, от которого пахнет теплым домом, и Галя, которая все время наклоняется к девочке, гладит волосы, поправляет платье, что-то шепчет на ухо.

Галя Басманова – по-настоящему красивая женщина. Натуральная блондинка, высокая, статная. Ни грамма косметики, прекрасные зубы. Она либо смеется, либо плачет – другого я не помню. Такой эмоциональный градус долго выдержать трудно, но Толя, кажется, всегда ждал только эту женщину. Оператор Сладков прекрасно снял обряд крещения маленькой Саши, и можете себе представить, как я дорожила этими кадрами. До сих пор не хочу верить в то, что их нет.

Я дружила с Басмановыми много лет. Они даже приезжали всей толпой в Нижний Новгород, чтобы поддержать меня на выборах в губернаторы. И, наверное, в списке моих любимых героев эти люди всегда будут на самом-самом верху.

Командировка в Чечню

Это было во время первой чеченской компании. Руководство области приняло решение отправить гуманитарный груз нашим солдатам из Шумиловского полка. Полк стоял в Хасавюрте, но штаб-квартира находилась недалеко от Нижнего, около Богородска.

Командовал полком красавец Юрий Мидзюта, популярная личность. Чечня стала его пятой по счету «горячей точкой», и он выходил из всех передрыг без человеческих потерь. Что называется, настоящий отец-командир.

Как только я узнала, что летит такой борт прямо из Нижнего через Моздок в Хасавюрт, сразу стала просить Бориса Немцова взять нас со Сладковым в качестве съемочной группы. «Вести» подтвердили готовность показывать наши сюжеты, и Немцов согласился.

В самолете оказалась вся верхушка области плюс генералы, в том числе командующий округом. Там же я поняла, что, кроме гуманитарной задачи, есть еще одна – провести переговоры с местной властью об освобождении нашего офицера, который попал в плен.

Моздок встретил нас запахом беды. Я видела войну только в кино, но на моих глазах большой грузовой самолет доставил в Моздок «морпехов», это были неказистые мальчишки, испуганные и уставшие.

Сладков отдал одному из них свою шапку, я сунула кому-то деньги. Потом их повели строем, сердце ныло от жалости и ужаса.

В ожидании вертолета мы успели побывать в полевом госпитале у наших храбрых хирургов, и опять ощущение нереальности – кровь, стоны, очередь из местной детворы с разными увечьями.

Летели мы очень низко, мужчины шепотом переговаривались, стараясь перекрыть шум мотора, но при этом сделать так, чтобы я не слышала их разговор.

В общем, я узнала, что наш полет реально опасен и можно ждать провокаций.

Наконец прилетели. Был уже поздний вечер, нас сразу провели в палатку к начальству, потом началось томительное ожидание «переговорщиков» со стороны местной власти.

Нас со Сладковым отправили на ночевку в военный фургон (кунг) в сопровождении румяного офицера с красивой дворянской фамилией Зраевский. Там было тесно, темно, но такие условия располагают к откровенной беседе. Я волновалась, так как знала, что у меня будет только два часа для съемок ранним утром, а потом нам дадут воздушный коридор, и надо лететь обратно в Моздок.

Наш «поручик» рассказал откровенно про слабых здоровьем солдат и их плохую подготовку, про неудачное расположение полка в центре огромного пустого поля и про общую неразбериху в военной ситуации и в руководстве армией.

Мы с Мишей были одеты в настоящую камуфляжную военную форму с теплой шапкой и сапогами, но было холодно, и высоты голенищ сапог не хватало, чтобы внутрь, на ноги не попадала липкая черноземная грязь, пока мы шли к своей «гостинице».

Ранним утром картина показалась еще более безрадостной, так как я успела заметить, что молоденький солдат на посту около нашего кунга трясется от холода и его глаза воспаленно блестят.

Прибежали от Немцова – пора идти снимать построение солдат, им будут вручать награды и подарки. Мы побежали, стараясь не поскользнуться, но я уже в этот момент понимала, что фильм должен быть совсем о другом.

В общем, на построении мы были только три минуты, а потом я подошла к Немцову и сказала, что хочу сделать фильм о бытовых условиях нашей армии на примере этого полка.

Надо отдать ему должное: Борис не командовал журналистами. Ему, конечно, хотелось, чтобы в эфир программы «Вести» вышел сюжет о том, как руководство области заботится о солдатах, а не о том, в каких ужасных условиях они живут и служат.

Но он кивнул и занялся своими делами, а я повернулась к оператору: «Бежим в землянку, у нас есть полтора часа!» Миша достаточно резко ответил, что нет смысла идти в землянку, так как камера «вспотеет» и никакой картинке снять не удастся.

А я понимала, что без землянки не будет репортажа! В общем, я сказала, что мне нужнее даже бракованная картинка, чем общие планы грязного поля.

По дороге мы успели сделать несколько крупных планов солдатских сапог, которые месят грязь, и поговорить с горе-часовыми, которым на вид можно было дать лет пятнадцать.

Но главный разговор состоялся все же в землянке, где парни рассказали, как мучаются они от вшей и от застуженных почек, и показали нам рваные тулупы, которые привозят им «для согрева».

Наша любимая камера нас не подвела и быстро отогрелась, картинка получилась нормальной, я только переживала, что камера всегда показывает мир вокруг более красиво, чем это есть на самом деле. Страшная землянка с огарком свечи вместо лампочки и грубо сколоченными полатами смотрелась «через камеру» вполне пристойно, но факты говорили сами за себя.

Нас уже искали, мы последними влетели в вертолет, если так можно выразиться. Все молчали, так как было страшно за этот полк и за его солдат и ничего нельзя было с этим поделать.

Наш репортаж «Еще раз об армии» был показан не только по нижегородскому и Российскому ТВ, но и в серии «WORLD REPORT» в разных странах мира.

Переводчики, как мне потом рассказывали, долго мучились с переводом слова «вошь».

Первый орден

Широко известна байка про мальчика, который любил вгонять людей в стресс. Он пас коров и время от времени кричал: «Волки! Волки!» Он очень веселился, когда на его зов прибегала вся деревня. Но финал у байки плохой. Когда пришли настоящие волки, никто не бросился на его зов.

Я это к чему? Михаил Сладков обожал подтрунивать над моими непомерными амбициями и разыгрывал меня много раз. После визита королевы Нидерландов я действительно могла поверить любому чуду. Он говорил мне: «Тебе звонил президент», или «Тебя приглашает на интервью Опра Уинфри». И первые несколько секунд мое сердце замирало и начинался шум в ушах. Я думала: «А вдруг правда?» А потом видела веселые хитрые глаза, смеялась и успокаивалась.

Я была на даче под Нижним. В то время у нас не было сотовых телефонов, поэтому когда мне через далеких соседей сообщили, что надо срочно связаться со Сладковым, я отнеслась к этому очень спокойно. Были майские праздники. Мои внуки были еще очень маленькие, и я с радостью «работала бабушкой». И все же пришлось отправиться в Городец на почтамт.

Сладков очень взволнованно проорал, что мне срочно надо ехать в Москву получать орден из рук президента Ельцина. Я похихикала в ответ и сказала, что он мог бы придумать что-нибудь более сногсшибательное, и попросила сказать, что на самом деле случилось. Мы с ним работали в «Вестях» и обязаны были всегда оставаться на связи. Я была уверена, что речь идет об очередной срочной командировке. Но Сладков клялся и божился, что это правда, и мне срочно надо ехать в Москву получать орден. Ко мне в деревню уже выехал водитель, потому что вручение будет завтра.

Действительно, вскоре приехал наш водитель Володя Максимов и потрясенно сообщил, что телефоны в офисе разрываются от звонков. Но я не понимала, как это может быть правдой, если я вообще не в курсе?! Я не подавала никаких документов и анкет, никто не спрашивал моего согласия на выдвижение в какие-нибудь списки. В общем, в полном беспамятстве заехав домой за своим ярко-розовым костюмом, я поехала в Москву и еле успела к церемонии.

Меня закружили разные люди, которые давали инструкции – где стоять, что говорить. В ту пору Российское телевидение возглавляли Эдуард Сагалаев и Анатолий Лысенко. Они оба улыбались мне и всячески поддерживали. За пять минут до начала церемонии мне сообщили, что выступать от имени всех награжденных тоже придется мне. Но свое я уже отбоялась. Парадоксальность и неожиданность ситуации были настолько сильны, что я, как говорится, «расслабилась и решила получать удовольствие». Ельцин приехал на Шаболовку по случаю 5-летия Российского телевидения (с чем, собственно, и были связаны наши награды). Позднее я узнала, что меня включили в список по требованию из Кремля, так как в первом варианте списка не оказалось ни одного человека «из регионов». Как только попросили назвать достойную кандидатуру из региона, сразу всплыла моя фамилия. Сагалаев неоднократно шутил на эту тему: «Ты самая известная москвичка в Нижнем и самая популярная нижегородка в Москве».

Наконец в студию секунда в секунду вплыл больной и грузный Ельцин, которого я с трудом узнала. Шел 1996 год. Это было время между двумя турами его последних выборов, и ситуация, как мы сейчас знаем, складывалась не в его пользу. Я помнила его совсем другим – сильным, могучим уральским богатырем. Веселым и ироничным. Тут передо мной был не человек, а некое подобие того Ельцина, у которого я много раз брала интервью и с которым весело переглядывалась. Но он меня узнал и даже удивился, что фамилия моя звучала по-другому – не Зверева, а Антонец, так как в паспорте значилась моя фамилия по мужу.

Ельцин одним движением руки достаточно ловко нацепил на мой розовый пиджак большой орден Дружбы, и показал рукой в сторону микрофона. Я отважно подошла к микрофону и сказала короткую речь, содержание которой помню до сих пор, поскольку моя речь была искренней и эмоциональной.

Я сказала, что неожиданный орден – это замечательный подарок в день моей серебряной свадьбы. Четверть века назад в этот день, 13 мая, вопреки всем суевериям, я вышла замуж за своего чудесного мужа и родила троих замечательных детей. Еще я сказала, что работа на Российском телевидении для меня не повинность, а редкая возможность рассказывать на всю страну именно то, что я считаю нужным. Я поблагодарила президента за доверие к журналистам и отсутствие цензуры. Сказала, что соборов у российского телевидения много – более шестидесяти и мы все дружны и все имеем одну группу крови. И еще я сказала, что воспринимаю свою награду как награду всего нашего корпуса. Мы сфотографировались на память, президент уехал и начался праздник в честь первого юбилея РТР.

Не буду скрывать, я чувствовала косые взгляды и перешептывание за спиной. Хотя было и другое. Соборы образовали тесный круг, и мы по очереди «купали» мой первый орден в шампанском. А потом подошли руководители РТР и редакции «Вестей» и сказали нам всем добрые слова приветствия.

В общем, эти два дня – начиная со звонка Сладкова – прошли в тумане. Когда уже дома я достала коробочку с орденом из чемодана, то не могла поверить, что все это произошло со мной на самом деле. Потом в моей жизни было еще две награды: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» и орден Почета. Как ни странно, никаких привилегий в нашей стране эти награды не дают. Они не влияют ни на размер пенсии, ни на размер коммунальных платежей. Носить их тоже не получается, а может быть, мне пока не хочется выглядеть ветераном. Но силы и гордости они мне придали, это точно.

Мой муж сделал специальную коробочку со стеклом, и я повесила мои ордена в квартире, чтобы внуки могли их рассмотреть и задать сакраментальный вопрос: в каком году и за что я их получила.

Когда-то в юности, перебирая папины ордена и медали, я мечтала о том, чтобы мой труд тоже был оценен высоко и публично. Поэтому можно сказать, что мечта сбылась, и даже сверх того. История с первым орденом в этом ряду совершенно особая, потому что самый большой праздник и счастье – если признание приходит тогда, когда его не ждешь, и оказывается неожиданным подарком.

Поездка к Вайлю

Каюсь: я слишком долго ничего не слышала о нем и не читала его книг. А потом как прорвало: мои ученики и мои друзья стали ссылаться на книги Вайля и рассказывать о рецептах его кухни. И тогда я пошла и купила несколько книг Петра Вайля. Кстати, весьма дорогих и не слишком тиражных. И это мне тоже понравилось. Я купила книги «Гений места» и «Русская кухня в изгнании». А потом мой муж где-то купил книгу «Родная речь», и мы упивались сочным словом, умением найти свежий взгляд на привычные истории и новым прочтением любимой классики.

Именно в это время сам Петр Вайль в образе веселого и славного бородатого человека появился на одном из проектов «Интерньюса» и даже уселся рядом со мной за одним столом во время знаменитых ужинов Мананы. Слева от него сидел Познер, и они непрерывно пикировались по поводу качества вина, закуски и рецептов приготовления бараньей ноги. Все остальные люди за столом – весьма заметные персоны – стихли и внимательно слушали,

потому что было что послушать.

Когда закончился ужин, я попыталась рассказать Вайлю, какие у него замечательные книги. Но он уже выпал из общения и смотрел на меня усталым взглядом. Тогда я рискнула рассказать о своей школе, и тут – о чудо! – я увидела живой интерес и готовность подставить плечо. В этот вечер я узнала, что писатель и кулинар, правозащитник и диссидент Петр Вайль возглавляет информационную службу «Радио Свобода», которое вещает на весь мир. Его книги, как я узнала, – это его хобби, которое не приносит дохода, но греет душу. А еще я узнала, что он дружил с Бродским и Довлатовым.

В общем, мы как-то быстро договорились, что пора ему приехать в Нижний Новгород и найти своего «гения места» в нашем городе. И даже успели обсудить, будет ли это Алексей Максимович или совсем другой человек. Честно сказать, я не верила, что такая поездка возможна при учете занятости Вайля, и вообще, к тому времени я уже поняла, что 90 процентов таких светских разговоров ни к чему не ведут, но приятно щекочит самолюбие.

Представляете? Он приехал! Ради двухчасового мастер-класса о сочетании слова и картинки он приехал в Нижний и присутствовал на очередном выпуске Центра «Практика». Он с удовольствием пил водку и подмигивал хорошеньким выпускницам.

Как его описать? Кто видел на канале «Культура» проект «Гений места», наверное, помнит этого славного западного Санта-Клауса с белой бородой и веселыми глазами. Любитель жизни, вкусной еды и красивых женщин.

После визита в Нижний он позвал нас со Сладковым в Прагу, и так случилось, что достаточно быстро возникла возможность этой поездки.

По заказу Егора Гайдара мы должны были сделать фильм о Бальцеровиче и его «шоковой терапии», а от Польши до Чехии рукой подать. Мы отработали в Варшаве три дня, а потом сели на поезд и уже вечером поселились в центре Праги. Дальше было нечто невероятное! Красавица Элла водила нас по лучшим пивным барам, объясняя особенности нефильтрованного и фильтрованного пива, и мы послушно пили это пиво из кружек размером в два и даже в три литра. Я пиво не люблю, но почему-то было очень вкусно. А Сладков по-настоящему наслаждался, так как понимает оттенки, вкусы и нюансы.

А затем мы были гостями «Радио Свобода», где сам Вайль уже в другом образе – деловой, быстрый, ловкий – водил нас по радиостанции и рассказывал интересные истории. Например, мы узнали, что Вацлав Гавел отдал огромный офис в центре Праги под студию «Радио Свобода» в аренду стоимостью 1 доллар в год. Такова была его воля. Кто сейчас в России знает об этом?

Петр Вайль знакомил нас с людьми из самых разных стран, и совершенно случайно мы натолкнулись на Вадима из Нижнего Новгорода, который работал там редактором. Мы обнимались-целовались, обменивались свежей информацией о родном городе, а Вайль стоял поодаль и посмеивался, лучился глазами.

Вечером нас ждал ужин в его доме. Естественно, еду он готовил только сам. Квартира произвела на меня невероятное впечатление. Я в таких не была ни до, ни после. Сочетание скромности с роскошью. Роскошь присутствовала не только в виде антикварной мебели, но и в виде авторских рисунков Иосифа Бродского и Сергея Довлатова, разбросанных по разным стенам среди прекрасных картин от хороших мастеров с дарственными надписями. Ощущение правильного жилья Гражданина мира. Он кормил нас куриным филе, но даже чуткий Сладков был уверен, что это изысканное мясо. Вайль смеялся – все дело в соусе. На его кухне было много разных баночек с разными приправами и соусами, и про каждую баночку он мог рассказать целую историю. Благородная Элла, которую он, кажется, увел у богатого и любящего мужа, только вздыхала: «Этот соус стоит десять тысяч долларов, а вот этот – пять

тысяч». Далее были рассказы о том, как они добывали заветную баночку где-нибудь в Африке или Латинской Америке. В общем, в этот момент я поняла, что моя собственная страсть к готовке не имеет ничего общего с настоящей кулинарией.

Сладков рассматривал рисунки обожаемого Сергея Довлатова и читал вслух надписи корявым подчерком: «Уже полдень, а мы с Бродским еще не опохмелились». На многих рисунках присутствовал узнаваемый облик Бродского и бородатый Вайль, и мысль о том, что двух ближайших друзей с такими громкими именами уже давно нет на этой земле, витала на маленькой уютной кухне в самом центре Праги. Он был так тесно связан с легендарными персонами и при этом принимал нас как самых дорогих гостей, и это было радостное ощущение.

А потом Петр Вайль приехал на первый фестиваль «Живое слово» в село Большое Болдино. И был как всегда весел, ироничен и любвеобилен.

В тот год стихи Пушкина с веранды его родового поместья читал Михаил Козаков. Это было потрясающе! А потом нам всем повезло быть свидетелями пикировки Вайля и Козакова на тему Пушкина, ценностей западной демократии и, конечно, все той же кулинарии.

В культурном центре Болдина на стене сегодня висит огромное фото Петра Вайля, на котором он пробует блюда народной ярмарки, – там всегда много пирожков, блинов, соленых грибов, и конечно, домашнего самогона.

Прошло несколько лет. В том же Болдине Анна Качкаева сообщила мне, что Петр Вайль находится в глубокой коме. Шансов на спасение нет. Его жена Элла больше года не разрешала врачам отключать аппараты, поддерживающие жизнь. Потом смирилась с неизбежным. Вслед за Вайлем внезапно ушел Михаил Козаков. И мир опустел, потому что есть на свете незаменимые и особенные. Какое счастье, что я их знала.

Участие в выборах губернатора

Это трудная страница моих воспоминаний.

Помню, уже через год после этих выборов я встретила в парке Кулибина своего кумира, народного артиста России Александра Палееса. Он посмотрел на меня не так, как раньше – с улыбкой и симпатией, а как-то подозрительно, а потом спросил, что называется, в лоб:

– Нина, зачем тебе это надо было? Пиар? Или участие в чьей-то игре?

И, как вывод:

– Зря ты это сделала!

Может, и зря. Слишком большой ценой пришлось оплачивать этот шаг, прежде всего потерей доверия таких людей, как Палеес.

С другой стороны – в чем криминал? Если мы хотим реальной демократии, то надо добиваться участия в выборах новых и свежих людей, а не тасовать одну и ту же колоду.

Идея моего участия в выборах губернатора Нижегородской области в 1997 году, после внезапного отъезда Бориса Немцова в Москву, принадлежит моему мужу, причем он был на удивление тверд и настойчив.

Дело в том, что Немцов сделал ставку на мэра Ивана Склярова и всячески его поддерживал. Скляров был, что называется, крепким хозяйственником и хорошим человеком, он прошел все ступеньки партийной карьеры в советское время. Со стороны коммунистов на выборы пошел Геннадий Ходырев, который был достаточно популярен, так как во времена перестройки он занимал должность первого секретаря обкома КПСС, то есть он рассчитывал вернуться в свой кабинет (замечу, ему это удалось уже на следующих выборах).

Вот и получалось, что борьба велась между двумя настоящими коммунистами, а

демократический электорат остался без своего кандидата. Правда, неожиданно в борьбу решил вступить Вадим Булавинов, но в ту пору было непонятно, на чьей стороне он находится и чьи силы представляет.

Я стала четвертой в этом списке. За моей спиной была узнаваемость и, надеюсь, уважение жителей области, а еще к тому времени я уже три года была депутатом областного законодательного собрания и знала ситуацию в области не только как журналист.

У меня были замечательные доверенные лица: художница Наталья Панкова, дирижер Владимир Зива, банкир Светлана Зиновьева. Каждому из них потребовалась определенное мужество, чтобы поддержать меня, так как было достаточно очевидно, что должен победить Складов.

Самым обсуждаемым членом моей команды была моя подруга Раиса Немцова, так как появилась интрига – то ли это ее самостоятельный шаг, то ли решение Бориса.

Он жил в Москве, она осталась в Нижнем, никто не понимал: это временная ситуация, или семья распалась. Конечно, она обсуждала свое решение с Борисом, он поддержал, да и ко мне, видимо, Немцов не имел претензий в связи с этим шагом, но я понимала, что рассчитывать могу только на себя.

Многие информированные люди утверждают сегодня, что у него был свой резон: ему хотелось, чтобы было два тура выборов, и оттягивание части голосов от Ивана Петровича было «на руку» Немцову, так как он не желал для своего кандидата быстрой и легкой победы.

В общем, продвигу, как вам скучно все это читать сегодня, когда столько воды утекло с тех пор. Уже давно исчез из Нижнего Геннадий Ходырев, уверенно рулит областью Валерий Шанцев, а Немцов возглавляет оппозицию.

Очень жаль безвременно ушедшего Ивана Петровича Складова, который был на редкость добрым человеком и искренне любил нашу «малую родину», как он всегда выражался.

Что касается моей кампании, то я честно провела около ста встреч с людьми по всей области и узнала от них то, что иначе не узнала бы никогда.

У меня с самого начала гонки был высокий рейтинг, поэтому пришлось пережить нападение на офис, заказные статьи и еще много неприятностей.

Моим штабом талантливо руководил Сергей Капков, ныне известный в стране человек, который делает серьезную карьеру.

Мы вместе с учениками придумали много новых пиар-технологий, в том числе минутные рекламные ролики с рассказом о моей жизни, и эти ролики «в американском стиле» вызвали большой резонанс.

Я участвовала в дебатах, и это было новое ощущение, так как до этого мне приходилось быть с другой стороны, то есть вести дебаты в прямом эфире Российского телевидения.

В общем, наверное, это был полезный опыт. И финал не позорный – 7 процентов голосов избирателей области, то есть более 80 000 человек проголосовали за мою кандидатуру.

Но мне до сих пор сложно об этом и говорить, и писать, и думать.

Манана

Когда американцы в 1991 году искали подходящего человека для организации обучения региональных тележурналистов в новой России, известный правозащитник Алексей Симонов пообещал им помочь, так как сразу понял, что эта работа очень подойдет Манане Асламазян.

Но он не хотел отпускать ее из Фонда гласности, и американцы предложили ему новый компьютер Macintosh, лишь бы он согласился.

Казалось, мы должны были жестко конкурировать с ней и, мягко говоря, недолюбливать

друг друга, так как занимались одним и тем же делом. Но мы предпочли дружить и сотрудничать.

Армянская женщина с умными лучистыми глазами, которая заботится обо всех на этом свете, исключая саму себя. Кажется, что она помнит по именам всех учеников «Интерньюса», хотя их несколько тысяч. Она вникает в жизненные проблемы и перипетии близких и далеких людей и каждому старается помочь.

«Манана-мама», «Мать Тереза» – так ее зовут в нашем журналистском мире. И когда государство замахнулось на ее безупречную репутацию, более трех тысяч человек в Интернете поставили подписи под письмом в ее поддержку. Хотя в это время в наше общество вернулся страх и, думаю, многим региональным журналистам и другим преданным друзьям Мананы настойчиво рекомендовали не подписывать это письмо.

Много незабываемых историй связано у меня с Мананой Асламазян.

Расскажу несколько. Как-то раз мы с Михаилом Сладковым были в Ханты-Мансийске на конкурсе «Новости – время местное», организатором которого был «Интерньюс». Позвонила Манана и спросила, сможет ли Михаил Сладков провести занятие по операторскому мастерству для представителей разных телевизионных профессий, но в основном – журналистов.

Я сказала:

– Конечно, сможет!

При этом сердце у меня ушло в пятки. До этого дня Михаил Анатольевич преподавал только у операторов, с которыми легко находил общий язык. Да и группы обычно были небольшими, а тут – огромный зал, полный разного народа.

Сладков не спал ночь, что-то лихорадочно писал в маленьком блокноте и утром перед завтраком заставил меня прослушать несколько тезисов. Все вроде звучало неплохо. Но когда вместе с участниками вошла Манана, на него стало страшно смотреть.

Он умудрился прочитать все тезисы в течение первых пяти минут и замолчал, казалось, навеки. Затем обратился к залу с просьбой задавать вопросы. Люди растерянно молчали. Манана вопросительно смотрела на меня и ждала продолжения. Возникло неприятное напряжение. Я задала несколько вопросов, помогая своему партнеру, и он слишком коротко и слишком быстро ответил на них. Опять повисла пауза. Манана снова посмотрела на меня, и тогда я вышла на авансцену, встала рядом со Сладковым и мы перешли в режим лекции-диалога. Обстановка изменилась, Михаил Анатольевич обрел свой любимый ироничный стиль и сумел расположить к себе зал. Однако нашего запала хватило всего на полчаса. Снова возникла пауза. Вопросы закончились.

И тогда Манана оказалась третьей персоной на авансцене и спасла ситуацию. Она обратилась к залу и попросила присутствующих операторов поднять руки. Их оказалось всего восемь человек. Манана предложила им оставшийся час пообщаться с мастером напрямую, тут же сообщила номер комнаты, куда они могут удалиться, а меня попросила провести занятие для журналистов и продюсеров. И все как-то образовалось, рассосалось к всеобщей радости. Думаю, все решили, что так и было задумано.

Когда ранним утром мы вернулись в Москву, Михаил Сладков отвел Манану в сторону и что-то прошептал ей на ухо. Она улыбнулась и погладила его по руке. Думаю, он каялся, она утешала.

Еще помню, как во всех городах, где мы были, она кормила всех членов жюри и педагогов ужином. Заранее отыскивался какой-то особый ресторан, выбиралось особое меню. Но самым поразительным было то, что она помнила пристрастия и вкусы каждого из нас и получала особое удовольствие, заказывая баранью ногу для Познера и пикантный соус для Вайля. А иногда, под самый финал ужина, по просьбе Мананы на столах появлялась жареная картошка с

грибами. Как же забавно было смотреть на наших изысканных знатоков кулинарии, которые набрасывались на простое блюдо с радостным рычанием.

Вспоминается еще один креативный проект Мананы – конференция «Мир новостей» в Москве. Все было организовано, как всегда, на высшем уровне. Прекрасное помещение в центре города, звездный состав приглашенных персон и яркие дискуссии. Одной из них была дискуссия между Владимиром Познером и Леонидом Парфеновым на тему «Какая новость считается главной в выпуске и почему». В те дни было большое наводнение в Европе, и Парфенов в программе «Намедни» первым сюжетом поставил историю про утонувшего слона в зоопарке. А Познер начал свою программу «Времена» с рассказа о людях, которые потеряли жилье. Как смачно и вкусно каждый из них доказывал свою правоту! Но зал был наполовину пуст.

Многие региональные тележурналисты разбежались по московским магазинам.

После дискуссии Манана спросила меня:

– Ну почему? Почему им ничего не интересно? На ежегодной международной конференции, где я только что была, в зале негде было стоять, не то что сидеть! Почему они не хотят думать?

Было очень обидно, тем более что даже буклет, подготовленный к этой конференции, был сделан так грамотно, что до сих пор является для меня карманным учебником репортера. Его автор – Анна Качкаева.

Манана и Анна – интересный союз двух женщин, где одна дополняет другую.

Они умудрялись открывать любое свое мероприятие секунда в секунду, при этом тратили на вступительные слова несколько минут. Это происходило примерно так:

– Я – Манана, а это – Аня. Давайте начнем работать, у нас сегодня много дел.

Или:

– Я – Аня, а это – Манана. Режиссеры идут на просмотр фильма, операторы работают со светом, а журналисты отправляются на «разбор полетов».

Далее они представляли нас (то есть педагогов), и мы шли работать. Никаких мэров, губернаторов, партий и приветственных писем от законодательного собрания. Все по-рабочему органично, по-домашнему тепло и очень полезно.

После успешного завершения каждого проекта «Интерньюса» в те годы звучал шуточный тост: «За здоровье американских налогоплательщиков!» За то и заплатились. Пришли времена, когда такое спонсорство было объявлено вмешательством во внутренние дела России, и на Манану обрушился «карающий меч». Только ничего из этого не вышло. Меч просвистел над ее головой, описав круг, и она осталась для всех учеников и друзей по-прежнему святой.

Я ездила к Манане в Париж. Она водила меня по своему Парижу, показывала такие дома и улочки, которые я никогда не увидела бы сама. При этом в руке – вечно звонящий телефон, в сумке – тяжеленный компьютер. И опять она кого-то спасала, кому-то помогала, куда-то неслась...

Недавно я ездила к ней уже в Армению. Мне было очень непросто вести семинар, потому что опять в зале сидела Манана и слушала каждое мое слово.

До нее, как ни тянешься, не дотянуться. И как хорошо, что она есть.

Премия ТЭФИ

Я мечтала получить эту премию ровно с того момента, как она появилась. Даже попала в номинацию «Репортер» на самой первой церемонии, но конкуренты оказались сильнее. А потом ушла из «Вестей» и с грустью поняла, что у меня нет шансов. Помню, рискнула спросить

у Владимира Познера, возможно ли получить ТЭФИ за организацию школы для региональных журналистов? Он сразу ответил, что эта премия – чисто профессиональная награда за эфирные проекты и школа здесь ни при чем.

И все же получилось так, что не будь у меня школы, не видать мне премии ТЭФИ. И в этом есть высшая справедливость. Дело в том, что часть выпускников самой первой школы остались работать в «Практике» и я как продюсер придумывала для них разные забавные проекты, которые мы предлагали в эфир нижегородского ТВ. Так возник «Детский адвокат» – веселая программа для старшеклассников и их родителей, которую создавали Леша Семенов, Леша Очеретин и Тимофей Петелин под нашим со Сладковым руководством. Формат программы был свежий и яркий: хронометраж 7 минут, маленькие постановки внутри программы, откровенные интервью с детьми и взрослыми плюс замысловатые стендапы двух молодых парней – ведущих. Неблагодарное это дело – описывать телевизионную программу на бумаге, но поверьте мне, что эта программа была настолько популярной у зрителей, что ее старались записать на видеомэгнитофоны, на нее ссылались в разговорах, а к нам в офис обращались разные люди с просьбой продать цикл программ на кассете по сходной цене. Темы были очень острые: «Откуда берутся любимчики?», «Можно ли в школе выпивать и курить?», «За что дразнят отличников?» и так далее. Фишка программы была в том, что дети и взрослые отвечали на одни и те же вопросы, и каждый раз получалось, что дети не такие уж плохие, а взрослые не такие уж хорошие, как им хочется думать. Меня радовало и веселило, что съемочная группа программы «Детский адвокат» выступала в качестве возмутителя спокойствия в тех школах, где проводились съемки. Однажды дело кончилось серьезным разбором с участием представителей РОНО и построением «провинившихся» героев программы на общей школьной линейке. Их грех состоял в том, что они признались публично в том, что курят в туалете и однажды принесли в школу бутылку портвейна. Но даже после этой «разборки» дети и учителя разных школ встречали съемочную группу вполне дружелюбно и с энтузиазмом.

Молодой министр образования Нижегородской области Николай Бармин всячески поддерживал нашу команду и даже немного помогал материально. И так продолжалось целых два года. На пике популярности Алексей Семенов вдруг выпалил:

– Нина Витальевна, давайте пошлем «Детского адвоката» на ТЭФИ. Я уже выбрал программу на тему «Почему дети иногда говорят матом?»

Я ужаснулась, так как программа создавалась на бытовой камере и существовала в формате S-VHS. А на ТЭФИ были представлены работы совсем другого качества. В ту пору не было «ТЭФИ-Регион», и выставлять практически самодельную детскую программу на конкурс рядом с Первым каналом (тогда – ОРТ) и НТВ мне казалось безумием. Но Лешка был так настойчив, что я сдалась. В конце концов, мне было совсем не стыдно, скорее наоборот. Пусть академики посмотрят на моих отважных и талантливых учеников.

Далее произошло первое чудо, так как наша программа неожиданно попала в номинанты. Нашими соперниками оказались такие мощные и дорогие проекты, как «До 16 и старше» (ОРТ) и «Улица Сезам» (НТВ). Когда нам позвонили с этим известием, я решила устроить большой праздник по случаю... нашей победы.

Попадание в номинацию большого ТЭФИ с программой, которую делают три юных автора, – разве это не победа?

Мы устроили банкет с тостами и торжественными речами. А мальчишкам нашим сделали подарки. Потом оказалось, что мы должны поехать в Москву на церемонию. Нас поселили в шикарной гостинице, и мои два Лешки всячески делали важный вид и ходили по гостинице гоголем. А под самый вечер бросились срочно в магазин покупать новые ботинки и пиджаки.

Меня тоже волновала проблема наряда. На приглашениях было написано, что вход на церемонию только в вечерней форме одежды. Я, как всегда в таких случаях, позвонила Сагалаеву посоветоваться, и он достаточно жестко заявил, что платье должно быть длинным, нарядным, а значит, дорогим. Заодно заметил, что туфли и украшения тоже должны быть на уровне.

В общем, я обратилась к подруге, у которой была богатая приятельница. В результате мне принесли несколько нарядов, и я выбрала длинное платье с глубоким вырезом и голыми плечами. А чтобы не смущаться, подобрала к этому наряду большой полупрозрачный шарф, который мне очень помог, так как с первых секунд церемонии я чувствовала нервную морозную дрожь во всем теле. На самом деле только автор этой безумной затеи Лешка Семенов на что-то надеялся. А мы со Сладковым и вторым Алексеем сидели тихо, наблюдая церемонию как бы со стороны. И все равно было не по себе. Когда объявили номинацию «Программа для детей», специальный фонарь ярко осветил наших конкурентов – творческие группы программ «До 16 и старше» и «Улица Сезам». Они хлопали, смеялись, их показывали на экране крупным планом. А нас как будто не было вовсе, хотя мы находились на тех местах, которые были указаны в пригласительных билетах. Лешка Семенов прошептал:

– Это нечестно. Мы же тоже номинанты. Почему нас не показывают?

Но в ту пору мы были единственной командой из регионов, которая пробилась в этот финал. Нас действительно потеряли или не смогли идентифицировать.

Конверт вскрывал Николай Дроздов. Он выдержал паузу и прочитал громко:

– «Детский адвокат»!

Тут мы просто сошли с ума. Каждый сделал это по-своему. Сладков сказал свое любимое словечко «чума-а-а». Лешка Семенов стал неистово креститься. Очеретин прирос к стулу, а я с ужасом осознала, что мне надо идти на сцену и говорить слова, которые я не успела придумать. Сладков идти на сцену отказался, но помог мне поднять моих мальчиков и подтолкнул нас в спину. Так мы и шли втроем. Я – в длинном платье с палантином, а слева и справа от меня двое перепуганных молодых людей, которые оказались самыми молодыми получателями ТЭФИ. Одному Лешке был 21 год, другому – 25. Потом мы что-то говорили на сцене, Семенов прыгал на одной ноге, зал веселился от души, а потом нас проводили в комнату прессы. И тут случилась неприятность – в комнате было много камер, фотоаппаратов и людей с диктофонами, но все они повернулись к нам спиной и не собирались поворачиваться обратно. Тогда я решила рассказать о программе и о том, как популярна она в нашем городе и какие молодцы мои юные коллеги. Я начала говорить с энтузиазмом, но уже через две минуты стало понятно, что никто меня не слушает. И тогда Лешка Семенов встал из-за стола, за который нас усадили, и сказал громко-громко:

– Дорогие уважаемые коллеги! Большое спасибо за интересные вопросы и поддержку регионального телевидения.

Потом повернулся ко мне и сказал:

– Пойдемте отсюда, Нина Витальевна, пожалуйста!

Мы вышли в фойе, которое было пустое и тихое, так как в зале продолжалась церемония, и все были там. И тут к нам бросилась очаровательная Юлия Меньшова. Оказалось, она специально ушла из зала, чтобы сказать нам добрые слова, так как мы ей очень понравились.

Сама она только что второй раз пролетела мимо ТЭФИ, но мы всей троицей признались ей в любви и похвалили ее ток-шоу. Юлия вела программу «Я сама», за которую на следующий год она все же получила ТЭФИ.

В ту пору членов Академии было всего 25 человек. И, кажется, каждый из них подошел к нам во время фуршета и сказал теплые слова о нашей программе. Церемонию показывали в

прямом эфире, и у меня уже не хватало ни сил, ни эмоций на разговоры по телефону со всей семьей и друзьями и одновременно на благодарное «спасибо» всем, кто подходил к нам в этот вечер. В суете мы чуть не потеряли нашу статуэтку и очень испугались. Но оказалось, что бдительный Сладков спрятал ее в надежное место, опасаясь за наше безумное поведение.

Никогда в жизни – ни до, ни после «Детского адвоката» – я не делала детских программ. Я участвовала в них в качестве ведущей, когда сама была девчонкой. То, что я получила премию ТЭФИ в номинации «Детская программа» – парадокс, потому что своей сильной стороной в телевизионном эфире я всегда считала умение задавать вопросы и вести прямой эфир. Но получилось так, как получилось, и в этом, повторюсь, все же есть справедливость.

Потому что за организацию школы тоже можно получить ТЭФИ, если в этой школе выросли профессионалы, готовые на равных сражаться с великими.

«Жаворонок»

Много было разных проектов в моей продюсерской жизни, но время идет и расставляет все по местам. Утренний нижегородский канал «Жаворонок» не только остался в памяти, но до сих пор, когда я рассказываю своим ученикам об этом формате и показываю сами программы, реакция людей бывает исключительно положительной.

Это было в 1995 году, когда я от имени своей школы подала заявку на «кусочек» утреннего и ночного эфира, и мы достаточно легко получили лицензию на вещание на всю Нижегородскую область. Идея была простая – дать экспериментальную эфирную площадку нашим ученикам и постараться всей командой сделать новый яркий проект, несмотря на неудобное раннее утреннее время. Название пришло в голову, когда я с коляской, в которой спала маленькая внучка Танечка, пошла на речку Узола во время летнего отдыха в деревне. Над головой летали птицы совершенно неведомой породы и уж точно не жаворонки. Но что-то кольнуло и пришло название, которое показалось свежим, звонким и с двойным смыслом: певчая утренняя птичка и люди, которые любят просыпаться рано утром. Сразу возник слоган: «Доброе утро, жаворонки! Просыпаемся вместе!».

Денег на создание канала было очень мало, но эта ситуация всегда стимулирует больше думать и искать нестандартные решения. Я придумала делать двухчасовой канал из повторяющихся блоков. Примерно так, как показывает сейчас «Евро Ньюс». Сюжеты для канала «Жаворонок» присылали наши ученики, которые работали на районных студиях телевидения. Таких студий было не меньше двадцати. И все они обучались у нас в «Практике». А вести программу стали первые выпускники самой первой школы – Лена Лебедева, Сергей Костенко, Саша Романов. Задача перед ведущими была поставлена жестко: они должны были говорить со зрителем напрямую (без суфлера!) в течение 15 минут за один час. То есть «подводки» к сюжетам были основательными и содержали разную занимательную информацию и человеческие истории. Музыкальные клипы мы искали где могли, и это была большая проблема, поэтому песни тоже повторялись несколько раз, как и сюжеты.

Моя бабушка Нина всегда повторяла: «Голь на выдумки хитра». Новый формат оказался таким удачным, что до сих пор, хотя «Жаворонка» нет в эфире уже почти 10 лет, люди вспоминают этот канал и говорят мне: «Спасибо за “Жаворонка”, жаль, что сейчас нет ничего подобного». Может быть, мы угадали тоску зрителей по простому человеческому общению с гарантированным отсутствием отрицательных эмоций. Новостей и сюжетов с поджогами, подлогами, криминалом в «Жаворонке» не было и не могло быть.

Там были такие истории, которые с великой радостью у меня забирали и показывали в программе «Времечко» замечательный продюсер Анатолий Малкин. Например, сюжет про лису

и зайца, снятый на камеру S-VHS в рабочем городе Выкса Нижегородской области. Камера разглядела фигурку лисицы, которая мчалась за зайцем. Специалисты знают, что эта камера обладает хорошей оптикой. Оператор издали сделал «наезд» на лису, и именно в этот момент бедный зайчик бросился в реку. Лиса остановилась в полном недоумении, так как зайцы не должны уметь плавать. Но этот экземпляр так хотел жить, что начал стучать лапками по воде и... поплыл. Сюжет был показан без закадрового текста с естественным возгласом оператора: «Смотрите! Смотрите! Поплыл!» А в конце сюжета появился титр: «Интересно, зачем дедушка Мазай спасал зайцев, если они умеют плавать?»

Другой сюжет был снят уже на севере области. В одной деревне остался только один мужик, уже немолодой плотник. И решил он сделать подарок старушкам, которым все труднее было ездить в далекую церковь на поклон Господу Богу. Мужик этот соорудил подобие небольшой церкви прямо на крыше... своего гаража. Он использовал разные подручные материалы, включая большие кастрюли, и даже сам отлил колокол. Бабушки сначала не хотели признавать новое сооружение, а потом признали и молились в гараже и хвалили мастера. Трогательный и глубокий сюжет с большим смыслом.

Было много смешных историй. Например, история о бабушке, у которой в огороде загорелась земля, в результате чего вся картошка оказалась печеной. И угощалась этой картошкой вся деревня. Оказалось, что под верхним слоем земли было много торфа. Именно он и загорелся. До сих пор помню лицо хозяйки «огненной земли», ее причитания и даже гордость, так как вокруг огорода собрались врачи «Скорой помощи», пожарные и милиция.

Утренний канал «Жаворонок» имел рейтинг выше, чем вечерние новости на этом же канале. Это был большой успех. И все же главным для меня в этом проекте была радость наблюдения за вчерашними учениками, которые снимали, монтировали, выходили в эфир и создавали настоящий телевизионный продукт для реального зрителя.

Был еще один уникальный момент в истории «Жаворонка», так как его редактором согласилась стать моя первая учительница телевидения – Рогнеда Александровна Шабарова. Иногда я заходила в монтажную, и сердце вздрагивало, так как я опять слышала ее строгий голос, обращенный уже к нашим общим ученикам. Чудес не бывает – если удалось создать что-то хорошее, значит, удалось создать команду, в которой младшие учатся у старших и наоборот.

Гайдар и Чубайс

В моем архиве есть прекрасные кадры – молодые Гайдар и Чубайс сидят в огромном переполненном зале в Нижнем Новгороде, где проходит аукцион по продаже объектов недвижимости в собственность гражданам.

Гайдар аж приоткрыл рот, и Сладков «поймал» этот момент.

Надо сказать, что пробираться в Дом политпросвещения (так назывался этот дом!) им вместе с Немцовым было непросто – стояла толпа с плакатами, люди кричали и возмущались! Этот момент тоже есть на нашей пленке.

Правда, кадры вызывают улыбку – люди, протестующие против приватизации магазинов, одеты так богато и выглядят такими сытыми, что трудно не заподозрить в них директоров этих самых магазинов.

Я встречалась с Гайдаром и Чубайсом достаточно часто, когда они были и вместе, и порознь.

Однажды мне довелось вместе с Егором Гайдаром побывать в Арзамасе, в том доме, где жил его дед – Аркадий Гайдар. Егор Гайдар приехал с сыном-подростком, и визит был

неофициальный.

Людей вокруг толпилось много, и было заметно, что интеллигентный и мягкий Егор Тимурович тяготеет шумным вниманием к себе и к сыну. Он неожиданно попросил оставить их вдвоем «хотя бы на пять минут», и мы все вышли на улицу, а я подумала, как тягостна бывает публичность для таких людей, как он.

Я убедилась в этом позже, когда несколько раз по разным поводам приходила в его кабинет в Институте экономики переходного периода. Вот там он казался на своем месте! Много книг, журналов на всех языках мира, огромный стол, уютные кожаные кресла и тихие приятные люди, причем уважение «к шефу» сквозило в каждом их слове и в каждом движении.

Как приятно было брать у него интервью! Гайдар думал над каждым словом, держал паузу, отвечал точно и афористично, смотрел на меня доброжелательно.

Я ему благодарна за многое, но особенно – за возможность поехать в Польшу и взять интервью у Бальцеровича, автора «шоковой терапии». Гайдар написал нам сопроводительную записку, и Бальцерович в условиях страшной занятости и болезни согласился дать интервью исключительно из уважения к персоне Гайдара, о котором отзывался с большим пиететом.

Я всегда робела перед Гайдаром, но это чувство усиливалось во много раз, когда передо мной оказывался Анатолий Чубайс. Закрытый, быстрый, властный. Бережет каждую секунду своего времени, но не опаздывает, и держит слово.

Однажды я привела к нему в кабинет компанию собственных корреспондентов Российского телевидения – в ту пору он был руководителем администрации президента, и можно представить его занятость, особенно учитывая физическое состояние Бориса Ельцина.

Встречу с нами Чубайс провел по-деловому, задавая вопросы каждому. Мы были потрясены, так как он знал состояние дел в наших регионах настолько подробно, что казалось, нормальный человек не может запомнить столько цифр и фамилий.

Встреча началась и закончилась «согласно протоколу», мы даже успели сфотографироваться на память.

Представляете степень моего отчаяния, когда через какое-то время я получила согласие от Чубайса на эксклюзивное интервью и застряла в московских пробках!

Чубайс тогда занимал пост министра финансов и работал в Белом доме. Интервью должно было начаться в 19.00, и у меня было ровно полчаса.

Я везла ему отличный подарок, так как мы только что закончили документальный фильм «Павловские чудеса», и один из лучших местных мастеров Валерий Сафронов попросил передать именно Чубайсу прекрасный охотничий нож.

Вот вам и нелюбовь народа к автору приватизации!

Машина не двигалась, и я молча смотрела на своего водителя Володю Максимова в ожидании, что он совершит чудо. Володя из разряда тех прекрасных профи, которые не нарушают правила ни в какой ситуации.

Но это был особый случай. С криком «Простите меня, колхозника!» мой замечательный Макс (мы всегда звали его именно так) рванул на пешеходный асфальт и обогнул пробку.

Люди шарахались от машины, и это было ужасно, но не буду лукавить – я в этот момент думала только о том, что не должна опоздать к Чубайсу.

Мы приехали без одной минуты семь, и я позвонила снизу, мне подтвердили, что Чубайс ждет нашу съемочную группу. И тогда я ринулась через металлоискатель.

Господи, как он заорал! Сбежалась охрана со всего здания, меня начали ощупывать и проверять сумку. А там лежал охотничий нож! Охранник весьма недружелюбно отвел нас в сторону и предложил стоять на месте до выяснения наших личностей.

Мысль о том, что мы все же не успеем записать интервью, была главной моей заботой в

тот момент. И я придумала выход – я попросила охрану позвонить самому Анатолию Борисовичу и спросить его, ждет ли он от меня подарок в виде охотничьего ножа.

Я надеялась исключительно на его мозги, потому что о ноже он ничего не знал, но меня-то он знал достаточно хорошо!

Действительно, нас пропустили уже через минуту, и Чубайс встретил меня с улыбкой, которая, как выяснилось, ему очень идет.

«Где мой нож?» – спросил он, потом долго рассматривал подарок, восхищался и даже написал благодарственную записку мастеру Валерию Сафронову, который знаменит своими ножами далеко за пределами нашей области.

Когда образовалась партия Союз Правых Сил, я предложила сделать фильм «Реформы в России: работа над ошибками». В этом фильме лидеры движения должны были ответить на самые острые вопросы избирателей, в том числе на главный – почему был упущен шанс повернуть Россию в сторону реальной демократии?

И они согласились: Гайдар, Чубайс, Немцов. Фильм-размышление, который мы сделали вместе с Даниилом Дондуреем, стал кусочком зеркала, в котором отразилось время.

Это бывает только в том случае, когда люди говорят искренне.

Акопов и «Амедиа»

У меня было три «ходки» в Москву. Первая – когда настойчиво звал Сагалаев и я активно работала в «молодежке», но потом родила сына и осталась в Нижнем.

Вторая – когда после работы в «Вестях» меня позвал Анатолий Григорьевич Лысенко в новую компанию «ТВ-Центр» в качестве продюсера региональных программ.

В ту пору возникла потребность подружить Москву с регионами, так как Лужков имел президентские амбиции.

Для меня это было замечательно, так как моя программа на «ТВ-Центре» «За Садовым кольцом» выходила в хорошее эфирное время, была достаточно популярной, и я могла предложить талантливым ученикам из разных городов страны участие в амбициозном московском проекте.

Руководил «ТВ-Центром» в ту пору Борис Александрович Вишняк, с которым мы быстро нашли общий язык и дружим до сих пор.

Однако прижиться окончательно в Москве не удалось: грянул кризис 1998 года, исчезла зарплата, а потом в телекомпанию пришло новое руководство, и мы всей командой ушли с канала.

Тогда я порадовалась, что не закрыла свою школу и не перестала учиться и расти как педагог и тренер.

Я вернулась в Нижний, казалось, навсегда.

Не тут-то было!

Однажды на церемонии вручения премии ТЭФИ мы разговорились с Александром Завеновичем Акоповым, и неожиданно обычный светский обмен любезностями перешел в настоящий взаимный интерес. Акопова интересовали мои ученики, меня интересовал Акопов как педагог. Сошлись на том, что он приедет в Нижний и проведет семинар для продюсеров.

И он приехал! Сам сел за руль и проделал путь в 450 км от Москвы на какой-то новой красивой машине (машины – его страсть). Опоздал, конечно, часа на три, но мы терпеливо ждали и были вознаграждены потрясающим выступлением.

Тот, кто хоть однажды слушал Акопова, понимает, как трудно описать его манеру выступления на публике. Это фейерверк! Публика хохочет до слез, но при этом запоминает

навсегда очень важные вещи. Не случайно я так часто привожу примеры его выступлений в своих учебниках по риторике.

Постараюсь держаться близко к источнику.

Вот как он в тот исторический (не только для меня, но и для начинающих продюсеров) приезд объяснял, кто такие «телезрители».

Он сказал: «Телезритель – это человек, который никогда не работал, не работает и не собирается работать на телевидении. Это первое. Второе. Телезритель – это человек, родственники, друзья и знакомые которого не работали, не работают и не собираются работать на телевидении. (*Смех в зале. Аплодисменты. Акопов держит паузу.*) Третье. Телезритель – это человек, который никогда не попадал в кадр телекамеры, даже во время демонстрации».

И далее, переждав хохот и аплодисменты: «Вы не поверите, но такие люди еще остались!» Слушатели уже падают с кресел.

Он рассказывал нам, как уговаривал американцев за большие деньги приехать в Москву и наладить голливудскую технологию работы на созданной им новой кинокомпании «Амедиа».

«Они брали с собой питьевую воду и прощались с родственниками как перед войной, а потом мы не могли их выпихнуть назад в Америку, потому что они очумели от красивых женщин, талантливых парней и от нашего гостеприимства. В результате сейчас у меня работают несколько вице-президентов крупнейших голливудских компаний, и, кажется, они не собираются возвращаться в Америку...»

Но самым интересным эпизодом для меня оказался рассказ о том, как Акопов взялся за производство первого длинного сериала – телеромана «Бедная Настя».

«Это смешная история. Я сидел в гостях у своей замечательной сестры Лизы, а она не отрываясь смотрела мексиканский сериал. Я смотрел на нее и не мог поверить, что моя образованная сестра может быть увлечена такой ерундой. А потом я подумал: а почему бы нам в России не сделать такой сериал, чтобы мексиканские женщины плакали у экрана? Почему наши женщины плачут над их историями, а не наоборот? Тем более что истории построены на понятных вещах: любовь и страсть, дружба и предательство. Эти понятия не имеют национальности. Так пришла идея. Я уверен, что чем круче замах, тем легче осуществить идею! Следующий вопрос: какую историю из России будут смотреть женщины других стран? Конечно, XIX век, красивые костюмы, князья и графы, бедная девушка-красавица с трудной судьбой. Вы не поверите, но многие иностранные зрители нашего сериала уверены, что сценарий «Бедной Насти» написал Толстой, ну, в крайнем случае, Достоевский!» (*Смех в зале, аплодисменты.*)

Он рассказал, как проводил кастинг в поисках главной героини во всех городах России и теперь имеет эксклюзивный каталог российских красавиц.

И еще он очень понятно объяснил, чем профессия продюсера отличается от всех других профессий. Он сказал примерно так: «У человека две половины мозга: одна отвечает за творчество и эмоции, а другая – за математику и анализ. Так вот: у хорошего продюсера должны быть одинаково развиты обе половины мозга, потому что ему приходится и выдумывать проекты, и оценивать их, и воплощать в жизнь. Причем хороший продюсер – это тот мастер, который может заменить любого своего работника на любом этапе и сделать это лучше него!»

Бедные мои региональные продюсеры! Они не просто влюбились в Акопова, они, как в известной истории про парня с дудочкой, готовы были идти за ним туда, куда он пойдет, не задавая никаких вопросов. Он, видимо, тоже остался под впечатлением, так как уже с дороги позвонил мне и огорошил: «Завтра я пришлю за вами автобус, чтобы все могли приехать в Москву, побывать на съемочной площадке и увидеть процесс своими глазами».

Я была в шоке: «Александр Завенович, но завтра у них выпуск, мы должны разобрать их дипломные работы, выдать сертификаты и отпустить домой, у них билеты!»

Я тогда не знала, что для Акопова не существует слова «нет», особенно если он чем-то увлечен.

Он мне спокойно ответил: «Отлично, они побывают на “Мосфильме”, где идут съемки, а потом мы поедем в наш новый офис на “Шарике” и проведем с тобой вместе прием экзамена. А билеты на поезд купим другие, не вопрос!»

Сколько раз мне потом придется в жизни терять сознание при этом его любимом «не вопрос»! Но самое удивительное, что действительно все как-то разруливается и получается именно так, как он хотел!

В общем, притихшие и потрясенные, молодые парни и девушки со всех концов страны, которые только накануне вечером узнали, кто такие продюсеры, и сразу поняли, что это совсем не про них, ехали в автобусе в Москву с вещами и проектами дипломных работ.

Приехали сразу на «Мосфильм» и наблюдали съемку в павильоне, где в одной сцене участвовал блистательный Александр Филиппенко. Сразу было заметно, что съемка идет по другой технологии – у каждого оператора жесткая раскадровка, каждая сцена снимается тремя дублями, ассистент режиссера работает как диспетчер, вызывая на площадку артистов согласно таймингу. Каждый знает, что он должен делать. Никаких дискуссий и нашего любимого «а давайте лучше так!». Мы вышли потрясенные.

А потом настало время защиты дипломов, и тут Акопов приуныл. Ему пришлось выслушивать детский лепет на тему новых проектов регионального ТВ.

Один из учеников предлагал создать новую программу «Домашний доктор», второй придумал «свежий» проект «Автоколесо», и т. д. и т. п.

Я заранее понимала, что так оно и будет, потому что они очень хорошие, наши ребята, но им не хватает зрелости, культуры, опыта общения с яркими личностями.

Визит на «Амедиа» – это был их шанс, и нашелся-таки парень, который просто остался в Москве после этой учебы и предложил свои услуги Акопову «в любом качестве».

Этого парня зовут Артем Елисеев, и сегодня он известный продюсер и режиссер многих популярных сериалов, которые показывают Первый канал и канал «Россия».

Акопову такое рвение понравилось, и он сразу согласился взять Артема.

Но потом обернулся ко мне с конкретным вопросом: «Тебе есть где жить в Москве?»

Я честно ответила, что у меня квартира в Марьино, а потом рассказала о том, как привязана к Нижнему и к своим родителям, и о муже, и о том, как мне нравится работать в «Практике». Кажется, он уже ничего не слушал, видимо, все это было из серии «не вопрос».

Ему хотелось срочно обсудить идею создания учебного центра «Амедиа» и обсудить вовсе не со мной. Он набрал номер телефона Натальи Шнейдеровой.

В ту пору она была совсем юной, хотя Акопов гордо представлял Наташу как вице-президента компании, наряду со знаменитыми «америкосами».

Он пригласил ее на работу, когда ей было 18 лет, а знал ее с младенчества, так как Наташа – дочь его близких друзей. Они строили компанию вместе, и можете себе представить, как смотрится эта пара во время любых переговоров! Они могут уговорить и «обаять» любого человека, потому что если Акопов весело и отважно идет напролом, стильная и внимательная Наташа действует осторожно и применяет чисто женские приемы и логику.

В общем, он доставил на столы нашим ребятам много вкусной пиццы, сказал добрые слова и пожурил за отсутствие «полета и размаха», принял Артема Елисеева на работу и увел меня в огромный цех бывшего шарикоподшипникового завода, посередине которого стоял его стол.

Открытое пространство – особая любовь Аكوпова. Он начинал свою карьеру как успешный архитектор и даже почти защитил кандидатскую диссертацию, когда в его жизнь вмешался КВН, и жизнь дала крутой поворот.

Я была перепуганным зайцем, это самое точное определение.

Меня действительно полностью устраивала моя жизнь, но я уже понимала, что отказать Акопову невозможно, потому что я... хочу с ним работать!

Он позвонил Наташе, которая тоже присутствовала на защите горе-дипломов, и включил громкую связь на своем телефоне.

– Как тебе ребята? – спросил Акопов.

– Никак! – честно ответила Наташа. – Сырые очень. Но вот тетка мне очень понравилась!

Я засмеялась. Акопов развеселился:

– Она тут сидит, тебя слушает. В общем, надо делать свой учебный центр, ты как считаешь?

Наташа приняла идею с энтузиазмом.

Это было весной 2004 года.

С этого времени началась моя новая удивительная жизнь в Москве. Мне шли навстречу по любому вопросу, мне доверяли и со мной советовались. И главное – Акопов готов был вкладывать деньги в обучение людей, он всегда ставил только одно условие – «Чтобы было самое лучшее!» У нас преподавали лучшие профессора ВГИКа и лучшие продюсеры России, свои изумительные лекции читали Александр Митта, Зоя Кудря, Виктор Коломиец, к нам приезжали блестящие американские сценаристы, звукорежиссеры и продюсеры. Работы было много, но мне невероятно повезло с моими помощниками – у меня работала Юлия Паршина, которая переехала в Москву следом за мной из «Практики», и Надя Аммосова, которую мы нашли уже в Москве.

Я по-прежнему курсировала между Москвой и Нижним, а девушки организовали такую кипучую деятельность, что иногда у нас шли три семинара одновременно! Учились осветители и вторые режиссеры, локейшн-менеджеры и ассистенты актеров. Я раньше даже слов таких не знала.

Мы обучали сотрудников «Амедиа» английскому языку, а также все желающие получали субсидии для обучения во ВГИКе на продюсерском отделении.

Но главным нашим проектом стала мастерская «ВГИК-АМЕДИА», в которую мы набрали по конкурсу 45 слушателей со всей России и в течение почти трех лет растили из этих взрослых образованных людей настоящих продюсеров.

Обычными государственными стандартами на обучение дополнительной специальности предусмотрено 800 учебных часов, но Акопов написал программу своей мастерской аж на 2500 учебных часов и стоял на этом насмерть!

Он настаивал, что наши ребята должны пройти курс истории цивилизации и полностью курс истории кино, а еще тележурналистика и операторское мастерство, а еще экономика и социология... В общем, им повезло, выпускникам нашей мастерской.

Но и они не подкачали – я с удовольствием читаю на специальной странице в Facebook, как успешно складывается их творческая биография.

Акопов сам поставил себе ловушку, потому что почти три года ему как основному мастеру приходилось каждый вторник вести занятия в своей мастерской в течение трех часов. Это были спектакли одного актера, причем он ни разу не повторился. Похоже, только я знала, как трудно было ему переходить в режим жесткого расписания и следовать учебному плану.

Каждый вторник я неумолимо стояла перед его рабочим столом, за которым шли бесконечные диспуты, причем обсуждались неотложные вопросы непрерывного производства.

Он вздыхал, смотрел на меня без всякой симпатии и шел к студентам как на казнь, по дороге сообщая мне достаточно резко: «Я им уже все рассказал!!!»

Но входил в аудиторию и сразу становился другим. Атмосфера молодости и обожания вселяла в него новые силы, каждая встреча заканчивалась бурными искренними и благодарными аплодисментами.

Это время совпало с расцветом компании, так как в эфире были такие хиты, как «Моя прекрасная няня», «Татьянин день» и «Не родись красивой», а в планах (и в пилотных вариантах!) были художественные и документальные фильмы, мультфильмы и телепрограммы.

Он строил бизнес по американским канонам, но наш рынок остался странным рынком «договоренностей» и диктата со стороны каналов.

Впрочем, я не об этом.

Я пишу эту книгу на компьютере, который Акопов подарил мне на 55-летие. Я совершенно по-другому чувствую себя в Москве, которая за эти пять лет стала мне ближе и понятнее. Я по-другому смотрю кино и даже мечтаю написать свой сценарий.

Это означает – учиться никогда не поздно! Особенно если есть такой Учитель.

«Потерянная жизнь»

Не буду скрывать: мне неловко демонстрировать на своих семинарах работы, сделанные в 90-х годах прошлого столетия. Конечно, благодарные и терпеливые ученики стараются не обращать внимания на титры и устаревшую стилистику показанных материалов, но я точно понимала, что хорошо бы иметь что-то «свежее».

Как всегда вовремя возник мой первый ученик Алексей Семенов, с которым мы стали лауреатами премии ТЭФИ в 1998 году. Он позвонил из Киева, в котором живет и трудится последние десять лет в качестве продюсера, и сообщил, что у него ко мне серьезное творческое предложение. Это было зимой 2011 года.

Оказалось, что на Украине – в отличие от других европейских стран, включая Россию, женщины отбывают пожизненное заключение (у нас для женщин есть максимальный срок, но нет пожизненного срока). На Украине 20 женщин осуждены пожизненно, и содержатся они в образцово-показательной харьковской колонии (той самой, куда отправили недавно Юлию Тимошенко), но в отдельном здании.

Леша сообщил, что они с Егором Бенкендорфом, директором Первого национального канала, долго думали, кого пригласить для интервью с этими женщинами, и в результате их выбор пал на меня.

Мне в любом случае было приятно это услышать, так как Егор учился на курсах в киевской школе «Интер», где я ежегодно провожу семинары по продюсированию и телемастерству.

Значит, не забыл! Что касается самой темы, то я только вздохнула, потому что в моей журналистской жизни то и дело приходилось посещать колонии и тюрьмы, а как только были организованы комиссии по помилованию в разных областях России, мне сразу предложили стать членом нижегородской комиссии при губернаторе (в ту пору это был Геннадий Ходырев). В общем, эта тема меня преследует всю жизнь.

Я попросила рассказать о проекте подробнее. Леша сообщил, что на 20 женщин приходится 57 убийств, причем страшных убийств, в том числе стариков и детей. Он сказал, что там есть женщина тридцати лет, которая сидит уже второй раз, и у нее дома четверо детей, и там есть женщина-киллер, которая убивала людей за деньги.

Он сказал, что планирует сделать для показа в европейских странах серию из 10

фильмов-портретов по 26 минут каждая, но на сегодняшний день только три женщины согласились на интервью.

Без их согласия делать ничего невозможно, потому что в этой колонии права осужденных женщин охраняются лучше, чем права законопослушных граждан.

В общем, завершил разговор Леша, приезжайте, Нина Витальевна, сами все увидите!

И тут я решила быть откровенной: «Леша, я давно не вела эфир и не брала интервью, мне уже много лет и я не очень хорошо выгляжу, особенно когда устала, а устаю я очень быстро. Я тебя не подведу?»

Он засмеялся, и сказал, что им с Егором требуется именно взрослая мудрая женщина, и никто кроме меня не подходит!

Семенов пригласил Михаила Сладкова участвовать в этом проекте в качестве оператора-консультанта, и он не отказался, так как Леша сообщил, что снимать сериал они будут на фотоаппараты по новейшей технологии, и он нанял для этой работы лучшую съемочную группу во главе с Вячеславом Мельником.

Мы хорошо знаем Лешу много лет, поэтому немного сомневались в правдивости его заявлений, так как его эмоции всегда бегут впереди реальной ситуации.

Но на этот раз все оказалось правдой. Роскошные фотоаппараты самой новой модели, много фонарей и фильтров, уверенный молодой режиссер, который снимает клипы лучшим российским звездам эстрады.

После всех формальностей мы наконец вошли за очередную колючую проволоку на территорию небольшого особняка, в котором содержатся «пожизненники».

Я познакомилась с женщиной-надзирателем, и мы стали обсуждать, где и как можно проводить съемки. Рядом стояла милая дама в красивом платье и с удовольствием участвовала в разговоре.

«Ты будешь первой, Люба?» – вдруг обратилась к ней надзирательница, и я поняла, что рядом со мной одна из тех страшных убийц, о которых я прочитала в присланном Семеновым толстом досье.

Далее были сплошь поводы для удивления: женщины живут в красивых комнатах по двое-трое, у них есть все удобства, их хорошо кормят и даже выдают пенсии. А раз в три месяца на три дня к ним могут приехать члены семьи на долгое свидание в отдельном отсеке со всеми удобствами.

Правда, мало кто приезжает. В основном к ним приходят священники из разных церквей и борются за их заблудшие души. А родственники их не простили, тем более что убийства часто происходили внутри семьи.

В общем, Люба действительно стала первой моей собеседницей, сразу после того, как режиссер Вячеслав Мельник установил наконец «правильный» свет и показал нам где сидеть и куда смотреть. Меня поразила аккуратность и трепетность работы съемочной группы, они действительно работали на уровне знаменитого BBC и часами искали нужный ракурс и нужную точку.

А я искала нужный вопрос! Но Люба меня опередила и стала произносить длинный монолог на тему «Я ни в чем не виновата, меня подставили!». Она показывала мне разные документы, копии которых уже отправила в суд Страсбурга, она плакала и очень убедительно рассказывала версию о том, как высокопоставленный чиновник сначала сделал ее своей любовницей, а потом отправил навсегда за решетку.

Она одна из немногих заключенных этой колонии, кто имеет высшее образование, и говорит она действительно хорошо, грамотно и эмоционально.

После этого интервью я поняла, что очень трудно оставаться нейтральной, трудно

перебивать изголодавшихся по исповеди людей, которые к тому же рассчитывают на нашу поддержку.

Дело в том, что украинские законодатели могут принять решение о поддержке европейских конвенций, и тогда будет определен максимальный срок наказания, и такие, как Люба, которая уже отсидела 16 лет, вскоре могут оказаться на свободе.

У нее взрослая успешная дочь, ей самой чуть за пятьдесят, она еще может прожить новую жизнь, если все сложится так, как она мечтает.

Холодным душем после этого интервью стал разговор с надзирательницей, которая сообщила, что почти все женщины придумали себе легенду о собственном преступлении и свято поверили в нее. Она снова показала мне уголовное дело Любы, где были все экспертизы и множество доказательств ее вины.

Но после этого первого разговора Леша сообщил мне с радостью, что другие женщины тоже начинают соглашаться на интервью, видимо, мы сумели вызвать их доверие.

Правда, сказал Леша, они просят заранее, чтобы я не спрашивала про их семью и еще не задавала вопросы про совершенные ими преступления. Вот тебе и на! О чем же тогда спрашивать?

После бессонной ночи я придумала выход из этой ситуации. Взяла блокнот, вырвала десять листов, и на каждой странице крупными буквами написала простые понятия: Первая любовь. Дети. Муж. Родители. Детство. Суд. Преступление. Мечта. Вера. Любовь.

Я показала эти листочки Мельнику и сказала, что каждый разговор будет начинаться с того, что я буду предлагать участнице интервью отложить в сторону те темы, на которые она не хочет говорить. Умный Мельник сразу ухватил идею:

– А потом вы спросите, почему они не хотят говорить на эту тему?

Конечно, в этом и была моя идея. Женщины читали вслух простые слова, задумывались. Затем половину листков откладывали в сторону, и я брала их в руки и спрашивала: что в этих словах кроется опасное, почему им трудно об этом говорить?

Тут-то и начинался настоящий разговор.

Половина моих героинь признавали свою вину, и с ними было разговаривать более интересно, чем с теми, кто «поверил в легенду». Но мысль о том, что все же есть маленький шанс, что Люба сидит по чьей-то злой воле, тоже не оставляла меня.

Как и мысль о том, как страшно обошлась жизнь с красавицей, спортсменкой и отличницей Наташей, которую бросили родители в подростковом возрасте, и она стала наркоманкой, а в состоянии аффекта убила из зависти и злости двоюродных сестру и брата. Полтора года она ждала смерти в камере смертников, затем приговор смягчили на пожизненное, и она просит Бога только об одном – дать ей возможность ухаживать за больными детьми-сиротами, чтобы как-то замолить свою вину.

Семенов придумал хорошее название цикла – «Потерянная жизнь».

Я смотрела эти фильмы, когда они уже были готовы к эфиру, пытаясь определить, смогла ли я остаться нормальным человеком во время разговора с убийцами, потому что нельзя поддаться ни жалости, ни гневу. Тонкий баланс – трудная задача.

Но! Теперь у меня есть свежая работа, которую так интересно обсуждать с моими учениками!

Вдохновение

Три года назад к нам на фестиваль «Живое слово» в Болдино впервые приехала съемочная группа Первого канала, и, к моей радости, корреспондентом оказалась Анна Нельсон – лауреат

премии ТЭФИ, прекрасный репортер и бытописатель. Она буквально летала по пушкинскому парку, много разговаривала с местными жителями, а потом весь свой сюжет посвятила разгадке этой тайны – тайны великого вдохновения. Она сказала буквально следующее: «Сначала он страдал и заливал тоску вином, а потом начал писать, и писал каждый день по шедевру... Что случилось тогда с Пушкиным? Почему он, сказав нам так много, сохранил свою тайну, оставив только странную систему координат: место – Болдино, и время – осень».

Я давно думала над этим и много лет назад мечтала организовать в Болдине специальный фестиваль именно под этим названием – «Вдохновение», и приглашать разных талантливых людей, чтобы осенью в слякотном Болдине участникам фестиваля наконец пришли на ум великолепные телевизионные идеи. Потом пришло понимание – история не повторяется. Сколько раз я пыталась искать грибы под теми сосенками, где они так хорошо росли в прошлом году! Никогда не получалось. Болдино осталось местом особого вдохновения для Александра Сергеевича и местом поклонения для нас, его земляков и соотечественников.

Я не отказалась от идеи проводить фестиваль в Болдине и назвала его «Живое слово». Этот фестиваль проходит в сентябре, и уже шесть лет подряд сотня журналистов, писателей, поэтов наслаждаются прекрасными осенними солнечными пейзажами, и на пушкинской земле мы обсуждаем, как говорить по-русски грамотно и красиво.

Вдохновение нельзя организовать, оно либо приходит, либо нет. Мне кажется, нет никакого единого правила, кроме, наверное, одного – наличия таланта. Но и в этом я не уверена, слишком много на свете писателей одной великой книги, художников одного великого произведения. В таких случаях возникает ощущение, что вдохновение случайно перепутало адресата и обрушилось на обычного человека, дав ему возможность вдруг стать талантливым. Впрочем, вряд ли можно написать книгу, не будучи культурным человеком, вряд ли можно написать даже одну великую картину, если не уметь смешивать краски.

Вдохновение и наличие ремесла – идеальное сочетание.

Пушкин писал в день по шедевру, хотя ему было, как известно, весьма несладко.

Злой рок разлучил его с красавицей-невестой и объявил карантин, чтобы сидел он в своем родовом поместье, и рвал на себе волосы, и писал горькие письма. А потом вдруг... случилось!

Верю, что вдохновение может прийти и в радостные моменты, вовсе не обязательно впадать в тоску или отправляться в уединение. Мне кажется, оно похоже на любовь – никогда не знаешь заранее, где оно нас застигнет, но всегда легко приходит понимание, что вот оно пришло, и «пальцы просятся к перу, перо – к бумаге...». Почти всегда, во всяком случае, у меня, оно приходит не вовремя и отнимает массу сил, создает огромное количество новых проблем. И это тоже роднит его с любовью. В такие моменты меня нельзя трогать, нельзя ни о чем спрашивать, вообще лучше не замечать... Такое иногда со мной бывало и в то время, когда для программы «Вести» надо была написать текст сюжета. Вдруг рука пишет совсем не то, что придумала голова, но этот вариант оказывается куда точнее! Голова начинает кружиться, сердце бьется быстрее, приходит отчаянная радость и ощущение успеха. Это замечательные моменты. Иногда они длятся долго, а иногда – всего несколько минут. Но я давно приучила себя не ждать вдохновения, а садиться работать каждый день в одно и то же время и делать то, что я должна делать.

Дети и работа

– Мама, папа, вставайте, мне пора в садик опоздать! – так весело начиналось наше утро, когда третий ребенок дорос до трех лет. А до этого мы мучились, укладывая спать старшую дочку, которая всегда трудно засыпала. И вставали ночью ко второй дочке, которая пять лет

подряд кашляла каждую ночь, а врачи только разводили руками.

Не было ни бабушек, ни няни. Родители помогали как могли, но поднимали мы наших детей вдвоем и делали это с радостью. Трудно поверить, но мы с мужем наперегонки вскакивали ночью к детям, стараясь сделать так, чтобы другой поспал подольше.

Плата за такую трудную жизнь была одна – здоровье. У меня развилось малокровие от недосыпа и недоедания, а у моего мужа Володи болела спина и появились проблемы с сердцем.

Интересно, что наши карьеры не были жертвой, скорее наоборот – привычка жить в страшном темпе, привычка напрягаться и не жалеть себя помогали работать с огромным удовольствием, тем более что мы с радостью переключались с домашних забот на рабочие дела.

Мы поженились, когда мне было 18 лет и я была студенткой второго курса филологического факультета, а Володе был 21 год, и он заканчивал радиофизический факультет того же нижегородского университета.

Уже через пять лет я стала узнаваемой телеведущей и чуть не каждый день выходила в прямой эфир, а он готовился к защите кандидатской диссертации. Ни у кого на «моем» телевидении и в «его» институте не было троих детей, в то время это казалось безумием.

Дети росли замечательные. Конечно, сейчас мне трудно представить, как восьмилетняя Неля ходила за километр от дома (через большую трассу!) в молочную кухню за детским питанием для Пети. У нее уже был опыт больших походов в одиночку. Когда мы поняли, что она неправильно выговаривает букву «р», пришлось записать дочку к логопеду. Ей было пять лет, но она, прямо как Буратино, с тетрадкой под мышкой, шла за несколько кварталов к логопеду, и, в отличие от Буратино, никогда не сворачивала в сторону, а иногда по дороге назад забирала из садика трехлетнюю Катю. Как ей отдавали ребенка? Теперь это кажется нереальным.

Сама Катя тоже была невероятно активной и самостоятельной – в пять лет поступила в музыкальную школу и ходила туда одна (!), а в десять лет она готовила на всю семью, готовила много и вкусно, а блины пекла так, как я не умела, хотя я ее и научила.

Однажды дочери отпросились у нас жить в деревне и жили там месяц вдвоем, я приезжала только на выходные. Им было, кажется, двенадцать и четырнадцать, и за то лето они сварили двадцать литров земляничного варенья.

Конечно, меня в редакции ругали и пугали, говорили, что я не мать, а мачеха. Чудес не бывает: я сама сходила с ума, когда приходилось уезжать на запись программы в далекий район, оставляя дома больного ребенка. До сих пор не могу себе простить, что не навестила Нелю в спортивном лагере, где ей пришлось несладко. Но у нас не было машины, а Петя был совсем маленький. Мне тогда показалось, что десять дней – это недолго, а получилось так, что это оказались самые трудные десять дней ее детской жизни. Наши дети были вынуждены рано стать взрослыми и самостоятельными. Но, кажется, они об этом не жалеют.

Мы нашли такой стиль общения с детьми, который позволял работать в полную силу и при этом оставаться хорошими родителями. Нашим любимым семейным тезисом с мужем стал такой: главное – это не количество времени, которое проводишь с детьми, а сам процесс этого общения.

Если устроился поговорить с ребенком – забудь о работе, и вообще обо всем забудь, и вникай всерьез в важные мелочи ребячьей жизни. Мы выпускали домашнюю стенгазету и устраивали летние спектакли, придумали игру в домашний ресторан и всегда держали двери открытыми для друзей наших детей.

Помню, однажды Петя с гордостью сказал: «К моим друзьям ходить в гости нельзя, а к нам всегда можно!» Мы вообще не любили слова «нельзя», хотя были достаточно строгими родителями, приучали детей к порядку и ответственности.

Обязанность родителей, как мы это понимали с мужем (и этому научились у своих родителей), – это поддерживать ребенка во всех ситуациях, любить его и развивать потребности и способности.

Существует хорошее правило: обещания, данные детям, надо обязательно выполнять! Даже если очень трудно и очень хочется «отмотать назад».

Мы поехали всей семьей в обещанную Ялту (деньги дали мои родители), хотя именно тем летом температура воды в море была десять градусов. Рыбаки с ужасом смотрели, как наши девочки прыгали «солдатином» в холодную морскую воду, а потом мы ходили по набережной и покупали вкусный шашлык и мороженое.

Обещали детям купить собаку – появился сначала Ластик, а потом Ярвик. Гулять с собакой приходилось все же нам с мужем, это обычная история во всех семьях.

Мы всегда доверяли своим детям. Я даже рассказывала им, совсем маленьким, про свою работу. Помню, как четырехлетняя Неля озабоченно встретила меня в прихожей: «Мама, твой сценарий приняли на худсовете?»

Если все же интересы работы и интересы семьи сталкивались лбами, то мы старались определить, что в данный момент важнее.

Я кормила Петю грудью, ему было всего три месяца, когда мне предложили поехать на БАМ – это была награда от ЦК ВЛКСМ за победу на фестивале.

Вова сразу сказал, что надо ехать, и договорился с молочной кухней, а я договорилась с подругой Лилей, которая тоже родила ребенка, и у нее было много молока.

В общем, фильм и поездка получились незабываемыми и никто в этой истории не пострадал!

Но в другой раз, когда у того же Пети начались проблемы со здоровьем, я отложила работу в сторону и отправилась на целый месяц на море, где мы с ним снимали какой-то угол, но ребенок вернулся здоровым.

Они росли дружными, наши дети. Неля помогала Кате готовиться к экзаменам по математике, когда Катя решила поступать в Америку на МВА, причем Неля уже жила в Голландии, и они общались ночью через Интернет. Когда Петя собрался ехать работать в Америку, Катя пригласила его приехать именно в Атланту, где она училась и жила с мужем и двумя маленькими детьми. Сейчас Катя и Петя делают успешную карьеру в Москве, а Неля стала профессором математики голландского Университета Твенте.

Мы общаемся почти каждый день, хотя они уже тоже каждый день решают проблему: как сочетать работу и семью.

Я знаю точно, что любимая работа приносит много радости.

Я знаю, как замирает душа и сердце, когда смеются дети.

В моей жизни получилось и то и другое. Именно поэтому я могу назвать ее счастливой.

Идут дни, пишутся книги, появляются новые ученики и новые идеи. Жизнь продолжается!

Ну вот, пожалуй, и все.

Фото

*Собственные корреспонденты Российского телевидения
Зверева и Сладков. 1996 г.*

*Мои чудесные родители:
Такими они были, когда я родилась. 1952 г.*

Такие они сейчас

Мое счастливое детство

С братом Игорем

Моя телевизионная мама — Рогнеда Шабарова

Владимир Близнецов и Михаил Мараш ставят телевизионный спектакль. Фото из архива ННТВ

23 ПИСЬМА БЛОКА

Нине Зверевой, студентке II курса Горьковского университета, посчастливилось обнаружить неизвестные письма Блока, адресованные ее родственнице по отцовской линии, педагогу З. В. Зверевой.

О Зое Владимировне было известно немного. Зверевы не ее роль в революционных связях поэта обратил внимание А. Турков в своей книге «Александр Блок».

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ СТАТЬЮ Н. ЗВЕРЕВОЙ И КОММЕНТАРИЙ А. ТУРКОВА.

«Бло (особая судьба) вечером у Зверевой, перебралась к чужой, Зверевской и т.д.», А. Блок (Дневник 1912 год)

Недавно в школу совсем новый учитель начал только что умершего Н. И. Панинкова, профессора математики Горьковского политехнического института имени Жданова.

Письма, грамоты, фотографии. Мы бы убили старую маму в кафе и забыли о ней, если бы, перебралась бумажка, не затерялась случайно на занятиях восточному открытию, незнакомцу от восточника.

Привлекло в эти документы все: и давность лет (1909 год), и адресат — жена уважаемого, родная сестра моего дедушки, Зоя Владимировна Зверева. На открытии стоял авторбургский почтовый штемпель.

«Спасибо, многоуважаемая Зоя Владимировна, на бесподобности, и прекрасном злате Юрьев. Никогда, жонглируя шпатель, пенда в 8-м,

как утешением и сентиментом. Вот некоторые выдержки из писем, убеждающие нас в этом смысле:

«Многоуважаемая Зоя Владимировна. Можно просить Вас о чем-то в четверг 18-го в 8 часов вечера — переписать длинную мою льстивую? Если это не отвлечет Вас и Вы не забыли, я бы очень хотел, чтобы Вы исполнили» (13-12 1909 г.)

Речь идет о дет. восточном, а также «Блока Судьбы», так как в нем много моей льстивой упоминания Блока в письмах к матери 14 декабря 1908 года:

«18-го буду читать «Песню Судьбы» неким человеком у нас.

А чуть-чуть впереди, 23 декабря, Блок пишет мне о письме к матери, переписывая глумительной своей льстивой, упоминает Звереву рядом с сестрами близкими своими друзьями и многозначительно добавляет: «о которой к тебе относится».

«Многоуважаемая Зоя Владимировна. Так как моя жена сейчас очень больна, и на днях будет ребенок, а когда — неизвестно точно, а бы просил Вас очень отложить чтение до первой недели лета» (30-1 1909 г.)

«Полностью этой жене очень скучно. Буду читать 11, только если опасность минует» (13-2 1909 г.)

«Благодаря тебе не останусь никуда. Люблю! Дочери! а сестры! жму руку даю пар, а еще будет, вероятно, несколько дней. Отпишете, пожалуйста, мое чтение» (8-2 1909 г.)

«Сын в сегодня поговорил. Вези только Любовь Дмитриевна не будет гувернанткой — я буду читать» (13-2 1909 г.)

И 18 февраля 1909 года вступлением Блока состоялось (он читал на зурале «Песню Судьбы»). Вот как описывает сам поэт это выступление в письме к матери на следующий

доставить платье и денег, колечко, конечно, подарка не могу удержать. Кому у меня есть некоторые колечко, хотя и не «Шинель», с которым в больше не могу иметь дела» (13-11 1909 г.)

«Благодаря тебе, Н. Владимировна, думаю, о расхождении второго листа, сестры Зоя Владимировна Зверевой и Блоку. Теперь, кроме того естественного интереса, который она испытывала как человек прославившего поэта, мы испытывали сильное желание познакомиться лично с поэтом, который так много сделал для литературы» (13-2 1909 г.)

«Сестры, которая казалась мне замечательной, политической деятельностью в период восточной революции в России. К тому же хотелось верить, что в этих письмах содержится основа на будущее. Вопрос, оставшийся неизменным: в какие тараканы, для кого именно доставал Блок, а кто в деньги, каковы, кто платил ему в этот революционный период? Не останавливаясь

«Письма к Вам с большой любовью, Александр Александрович. Если бы по-прежнему писали откровенно и «Зверевым» — не удержался бы, как в прошлом году, виллажом писателям журналом для «Исторической Иркутской губернии». В этом году они не получили на одного номера журналы».

А. Турков — З. В. Зверевой 20-2 1914 г.

«Зоя Владимировна, в надежде, что Николь-Резунову будет удержать письмо «Зверевым». В ближайшее время к его просьбе об этом, только пришлите мне адрес».

Теперь, обладая этими данными, представляю вам доказательства значительной роли Зверевой в продвижении Блока и политической деятельности.

Поэтому лучше и уже известные факты. В письме из Ленинграда к Блоку в Д. В. Рухомину в феврале 1909 года Блок, говоря о своем известном описании революционеров, ссылается на 7-ю статью «Блока».

Та самая статья в «Литературной газете», которая вернула меня на телевидение. 1971 г.

Таким был Эдуард Сагалаев во времена расцвета молодежной редакции ЦТ

*Командировка
в Чечню. 1994 г.*

*Тот самый
уникальный
кадр Сладкова,
когда он поймал
реакцию Гайдара
(в зале, во время
проведения
первых аукционов
по приватизации).
Нижний Новгород.*

Юрий Лобозов

Прямой эфир. Ночной канал «Сова». Нижний Новгород, 2000 г.

Выборы губернатора. 1997 г.

Прямой эфир. Ночной канал «Сова». Нижний Новгород, 2000 г.

Выборы губернатора. 1997 г.

Так росли наши дети. Нелли и Катя. 1974 г.

*Наши друзья — соседи. На отдыхе с Таней Бакулевой.
Филино, 1982 г.*

*Вручение орденов.
С Б. Ельциным.
1996 г.*

*С С. Кириенко.
2002 г.*

С В. Шишовым

Авторы «Детского адвоката»: Алексей Семенов, Тимофей Петелин, Алексей Очеретин. 1998 г.

Счастливый момент получения ТЭФИ. 1998 г.

*Визит Ее Величества королевы Нидерландов Беатрикс.
Нижний Новгород, 2001 г.*

*После интервью Ясир Арафат подарил мне жакет с ручной
палестинской вышивкой. Тунис, 1993 г.*

После съемок. 1996 г.

Телемост с Биллом Клинтоном. Фото с экрана телевизора. 1995 г.

Александр Акопов. Любимый босс, любимый друг. 2004 г.

Мы со Сладковым стали тренерами! Консультация на региональной телекомпании

Фестиваль «Живое слово». Нина Жиркова, Светлана Сорокина с дочкой Тосей, я, Арина Бородина, Александр Чеснов, Ксения Ларина. Село Большое Болдино, 2011 г.

Кадр из серии «Потерянная жизнь». Харьков, 2011 г.

